

СВЕТЛАНА
ПОЛЯКОВА

Семейные тайны

*— А мне кажется, кто-то говорил,
будто самое главное — не соваться
в чужие дела, — шепнула Алиса.*

РОМАН
ВСЕ ТАЙНЫ
АЛИСЫ

Алису потрясло известие о приезде в их город писательницы Сары Мидленд, и случилось это по той простой причине, что все романы «звезды» беллетристики с начала до конца были написаны не кем иным, как самой Алисой Павлицевой. Кто-то явно решил осложнить жизнь скромной литературной рабыни. Лишь по счастливой случайности она не стала жертвой киллера, дом девушки подвергся вторжению сомнительных личностей. И к ужасу Алисы, самый подозрительный из них — Игорь — ей страшно нравится. Но Алиса полна решимости во всем разобраться.

Светлана Полякова

Все тайны Алисы

Предмет искусства — правда, неразрывно связанная с прекрасным...

Основная добродетель художника — честность, необходимое условие творчества — свобода.

Айрис Мердок

Любое совпадение фактов, имен и событий случайно.

Образы данного произведения собирательны, события вымышлены.

*Безжалостные! В жаркий день, в такой сонливый час,
Когда бы только подремать, не размыкая глаз,
Вы требуете, чтобы я придумывал рассказ.*

Льюис Кэрролл

Господи, какая же получается абракадабра!

Читать написанное было невыносимо. Будь на то Алисины воля, она начала бы все переписывать начисто, но... Сроки... Чертовы сроки, установленные «сверху»! Приключения-то получались до такой степени глупые, что удовлетворили бы даже самого наиглупейшего из читателей. «Да фиг с ними», — отмахнулась Алиса. Дело в другом. В словах. Она же раньше получала наслаждение, играя с ними, почему же теперь слова отказывались ей подчиняться? Стоило только сделать робкую попытку придать фразам осмысленность, они начинали бунтовать. То, что она писала сейчас, любой человек посчитал бы бредом. «Мир перевернулся, — подумала Алиса. — Почему они это читают? А почему они все время жуют «дирол»? Приметы времени, моя дорогая! Мыльные оперы и жвачка...»

— Может быть, я исписалась, — хмуро пробормотала несчастная Алиса. «Что за зануда, в самом деле?» — подумала она и написала это: *«Что-за-зануда-черт-меня-побери...»*

Как ни странно, фраза оказалась кстати и придала написанной белиберде смысл.

«Что за зануда, черт меня побери, — подумала Элайза, наблюдая за пальцами Роберта, — все мысли — исключительно о сексе, как будто больше думать не о чем...»

Алиса рассмеялась.

— Так вот и становятся концептуальными писателями, — прошептала она, потягиваясь, чтобы размять немного затекшую спину.

Больная спина — это профессиональная хворь писателей и программистов... Интересно, кто Алиса больше? Иногда ей начинало казаться, что мозг из головы уже давно вынули, поместили в маленькую стеклянную колбу до лучших времен, а вместо мозга вживили крошечный компьютер последней модели. Так что теперь внутри Алисы постоянно присутствовала Элайза. Алиса все чаще ловила себя на мысли, что она думает, как Элайза. Говорит, как Элайза. Вот только внешность не получалась такой же — а в сущности, внешность — это было то единственное, что Алиса у непроходимой тупицы Элайзы взяла бы с радостью.

«Да и то — зачем? Вся беда в том, что я не люблю своих героев... — призналась себе Алиса. — Я не люблю их, и поэтому они мстят мне. Они же не виноваты, что их создали на заказ...»

Алиса тихо пробормотала:

— «Ты их лепишь плоховато, ты их любишь маловато — ты сама и виновата, а никто не виноват»...

Грустно ей стало, обидно, и так захотелось, чтобы Элайза перестала быть надменной красавицей и приобрела нормальные человеческие черты... А мерзкий Роберт стал похожим

на Лизиного Пафнутия... Такой рыжий, длинный, нескладный — и с настоящей любовью во взгляде, с постоянным страхом потерять свою Елизавету.

— Кому они такие нужны? — сказала Алиса. — Кто про это будет читать? Человечество, как всегда, хочет получить конфету в ярком фантике, и не важно, каково будет содержание.

Она посмотрела в окно. Туман властвовал над городом, туман пытался съесть город, как кит Иону. Туман съедал Алисины мысли, проникал внутрь, собирался проглотить и ее. Вместе с городом. Вместе с миром. *«День был похож на старую, усталую шлюху»*, — написала она. И тут же стерла, сама испугавшись собственных строк. *«Она шагнула к балкону, исчезая в темноте ночи, позволяя замкнуться на своей тонкой шее сладким объятиям темноты...»* Это не нравилось Алисе, но нравилось «трем толстякам». Толстяки платили деньги, и бедняжка старательно изображала из себя «мастерицу любовных романов». То есть «переводчицу» бессмертных творений Сары Мидленд.

— Которой может и не быть, поскольку быть не может, — проговорила Алиса, задумчиво глядя на монитор, запечатлевший свидетельство ее маразма. Знали бы наши дамы, что Сара сидит в районе Девятой линии, в скромном старом особнячке — не пугайте с нуворишскими! Рядом с компьютером — клетка с попугаем, на коленях — огромный кот Фаринелли, а на кресле мирно дрыхнет его престарелая мать, Леди Маргарет. Вот такая Сара Мидленд, причем если Сара не сдаст завтра новую «шедевр», придется жить на дедулину получку... Дедуля у Сары служил в храме священником, и его получка была скромной, как любой результат бескорыстного служения. Дедуля по этой причине смотрел на Алисины «греховные» писания сквозь пальцы. Иногда, впрочем, на него находила «стихира», и тогда он начинал робко рассуждать о «зарытом в землю таланте». «Де-ду-ля, — отвечала ему Алиса. — Пусть уж тогда Господь устроит так, что людям надоест читать всяческую бурду про Элайзу, ага?» На такое замечание обычно ни дедуля, ни Господь не отвечали. Справиться с публикой, желавшей узнать побольше о златокудрой красотке, они не могли.

«Раскинув руки, Элайза упала на диван, подумав: «Хорошо бы мне стать птицей, черт побери!» Птицей она стать не успела, поскольку обнаружила себя мирно лежащей на полу, и единственной мыслью, оставшейся в испуганном сознании, была: «Когда я успела так нализаться?»

Прочитав написанное, Алиса засмеялась. Кот поднял голову и уставился на нее с испугом: «Господи, да это у тебя в мозгах замкнуло, дорогая Алисочка!»

Конечно замкнуло, согласилась Алиса с легким вздохом. «Ничего удивительного, если учесть, что я сижу над этим любовным шедевром уже вторые сутки. В конце концов, я же все-таки не компьютер!»

— И не Сара Мидленд, — сказала она, стирая написанное. — И вообще, я исписалась. Я перевоплощаюсь на глазах в Тома Шарпа, чтобы спасти остатки разума!

Спаси остатки разума она могла только одним способом: включить хорошую музыку и сварить кофе. «Хорошая музыка» отчего-то созданию эротоманки Элайзы не способствовала. Дивная героиня хорошо писалась под попсовый аккомпанемент.

Ох, как же Алисе стало себя жалко! Бедная Алиса, дитя, старательно воспитанное на музыке Баха и Моцарта, потом полюбившее в тусовке хиппи «психоделический рок», должно включить «МУЗ ТВ» и вкушать «попс-гамбургеры», чтобы...

— Для создания «шедевры» масскультуры надо самой стать частицей массового

разума, — пробормотала Алиса. — А вообще-то — есть ли он, массовый разум? Вот стадные чувства есть, я знаю... А — именно разум?

Она так и не смогла решить для себя этот вопрос. Для того чтобы заработать, Алиса должна была лишать себя собственного разума. Она прекрасно знала, что получает лишь четверть того, что платят издатели за постоянное насилие над ее, Алисиным, разумом. Как же ей это надоело!

Обида на жизнь была чересчур сильна. В носу предательски защипало, и ей стало очень жаль несчастное создание по имени Алиса Павлицева. Что у нее за жизнь? Сидит круглыми сутками, таращит глаза в компьютер, тогда как вся остальная часть человечества наслаждается отдыхом...

Где-то рядом заиграла музыка. Музыка была громкой, навязчивой, она доносилась из машины, остановившейся неподалеку. Нестройный хор пьяных женских голосов старательно подвывал:

— Мадам Бро-о-ошкина! А я такая — разтакая-вся-такая...

Точно наяву, предстала перед мысленным взглядом Алисы эта самая бессмертная мадам — она отчего-то стояла в бигуди, в дорогом махровом халате, а в ладонях сжимала самую главную драгоценность — книжицу с изображением чертовки Элайзы. И сама при этом чувствовала себя копией Элайзы, и, что самое главное, была совершенно права.

— Какая тоска! — вырвалось у Алисы. — Получается, что я Франкенштейн какой-то!

Может, и в самом деле последовать примеру несравненной Элайзы, рвануться к окну и сгнуться во мраке? Сил больше нет писать историю о страданиях красавицы с зелеными глазами и золотистыми кудрями!

— Вот если бы у Элайзы были, скажем, проблемы с обменом веществ, — мечтательно пробормотала Алиса. — Или она начала бы терять волосы или зубы... Гораздо стала бы симпатичнее! Или вдруг иногда позволяла бы себе грязные ругательства... Если подумать, какая разница между ней и этой Брошкиной? Ни-ка-кой... Так что, раз уж от меня постоянно требуют реалистических подробностей, почему я должна игнорировать их в контексте Элайзы? Скажем так: Элайза, закончив филологический факультет, не смогла найти работу с достойной оплатой. И пошла продавать книги. Там от мороза кожа на ее лице огрубела, денег на дорогую пасту не хватало, поэтому зубы Элайзы были поражены кариесом... Постоянные холода зимой приучили Элайзу согреваться с помощью ста граммов водки, и каждый день доза возрастала все больше и больше... Грязным ругательствам Элайзу научила жизнь в лице книжных воришек и грубых мужланов, одним из которых, несомненно, был сэр Роберт... Вот такой менталитет. А душа у Элайзы была красивая, добрая, нежная. В общем, белая и пушистая. И она мечтала о любви, чистой, нежной, мечтала о том времени, когда ее страдания закончатся. Или хотя бы о том, что сегодня вечером ей не вырубят свет и она успеет пожарить путассу... Потому что каждый вечер в городе происходили веерные отключения...

Образ Элайзы теперь показался Алисе более человечным, забавным и трогательным. Ах, если бы она набралась решимости и так вот все и написала!..

Но несравненная Элайза не собиралась терять ни зубов, ни волос, и если у нее были проблемы с кожей, плодовитая Сара Мидленд про то обязана была помалкивать.

Алиса подперла щеку ладонью и пригорюнилась, уставившись в окно, за которым сгущались дождливые сумерки. Одна, совсем одна, даже мысли куда-то сгнули!

Разве что верные Марго и Фаринелли не покинули ее... Она покосилась на трехцветную

кошку, бесстыдно спящую на диване. Алисины проблемы ее не занимали. Вздохнув, она снова уставилась в окно.

А за окном творилось невесело. Дождь лил и лил. Сырость проникала в душу, и где-то в недрах этой самой души отчетливо нарождался отвратительный насморк. Ну и тоска! В такую погоду умные люди заворачиваются в пледы и, сидя перед камином, мечтательно наблюдают, как язычки огня отплясывают странные и затейливые танцы, да лениво потягивают грог из глиняных кружек, вспоминая дни своей юности... В дождь работать глупо и грешно. Да и вообще — трудовые порывы не были Алисиной стихией. Алиса по натуре была человеком ленивым, меланхоличным, склонным скорее к философским рассуждениям на диване, чем к трудовым подвигам. А когда за окном сутки напролет моросит мелкий и противный дождь, о какой работе может идти речь? Вздохнув, она снова обратила внимание на компьютер и несколько минут тупо смотрела на белый экран. Гениальные мысли не спешили выливаться в слова, точнее, они вообще не спешили. Шлялись где-то в свое удовольствие.

Алиса снова скосила взгляд в сторону уютного дивана, расположенного прямо напротив телевизора. Хорошее местечко, уютное, так и манит в свои сладкие объятия: приди, дорогая, забудь об Элайзе, о толстяках, о работе, не думай о такой тщете, как деньги...

— Что есть деньги? — спросила Алиса, обращаясь к спящей Марго. — Тщета!

Хм, какие-то мысли в голове остались. Правда, в основном вредные для работы, поскольку оторванные от реальности. Это грозные толстяки — реальность, как и деньги, без которых жить все-таки скучновато... Что ж, придется собрать волю в кулак...

Талант просыпаться не спешил, подражая Марго.

— Заснул талант, не выдержав насилья, — проворчала Алиса. — Похорони ж его под грудой тщетных мыслей!

Компьютер тихо и не очень довольно урчал, ожидая продолжения.

— Все, дорогой. Тайм-аут. Госпоже Саре Мидленд придется подождать, — объяснила ему Алиса. — Надо выпить кофе. И выкурить сигарету. И подумать, как нам обойти этот подводный риф, именуемый эротической сценой. Сам понимаешь, брат, отчего-то у нас с этими эротическими сценами вечно случаются незадачи...

Она плюхнулась в кресло, закурила и уставилась в начинающие чернеть небеса, словно вымаливая помощь у какого-нибудь свободного божества. Черт, и почему у нее совсем не получается ничего сладострастного? Вот Джудит Макнот — у нее через каждые пять страниц случается «секс-тетрис»... Алисины же мысли убоги, скучны и робки, как у монахини... Так комплекс неполноценности можно заработать! Кстати, есть ли в природе эта Макнот? Последнее время Алиса начала думать, что нет на белом свете никого. Только Алиса, Елизавета и еще сотня-другая идиотов, согласных работать днями и ночами на толстяков...

Думать Алиса могла сколько угодно. Хоть сутки напролет. Совершенно бесплатно. Поскольку в конторе платили лишь за оформленные на бумаге результаты мыслительных процессов. Придется тебе, Алиса Павлицева, снова садиться за компьютер и вымучивать сцену...

Придется. Завтра надо сдать этот отрывок в издательство, иначе Паршивцев сообщит Алисе, что она не соответствует его понятиям о хорошем писателе. Господи, и почему она не Щепкина-Куперник? Переводила бы сейчас Лоуренса... Впрочем, у Лоуренса тоже хватает любовных сцен. Ну, тогда трудилась бы над экзистенциальными опусами Айрис

Мердок. Скромная леди. Совсем как Алиса. Денег только за нее не платят.

Из комнаты доносилось бормотание радио. Диджей сообщал, что отправляется пить кофе. Алиса встрепенулась. Кофе! Вот что ей надо... Кофе, как известно, стимулирует творческие порывы. Диджей тем временем, позвякивая в эфире ложечкой, молол языком. На него явно снизошло вдохновение. А что же она теряет время?

— Это идея... Может быть, у меня тоже после кофе начнется просветление, мысли хлынут, как водопад, не должно же такого быть, чтобы их совсем в моей голове не осталось... — решила Алиса. Она тряхнула головой, словно проверяя, остались ли там мысли. — Впрочем, от такой работы их запросто могло не остаться, — рассудила она трезво. — Когда долго общаешься с глупым человеком, и сам становишься глупым. Глупость и жадность заразны... Элайза же, несомненно, глупа. А я последнее время больше всего времени провожу именно в ее обществе.

Алиса встала и отправилась на кухню.

Ее кошка Марго, доселе мирно дремавшая в кресле, расценила Алисин поход в сторону кухни неправильно и тут же начала путаться под ногами, всячески намекая, что ей пора пообедать.

— И откуда только у тебя столько энергии? — посетовала Алиса, накладывая в миску рыбу и наблюдая, с каким ажиотажем Марго встречает это радостное событие.

Марго накинулась на рыбу, Алиса занялась кофе. Вспомнила, правда, что кофе она уже пила, а мыслей как не бывало. Алиса приуныла. Что ж, никто не нарушит ее одиночество? Может, отправиться куда-нибудь? Посмотрела в окно. Дождь... Нет! Сначала — дело. Остальное — потом.

Включив кофеварку, Алиса вернулась к компьютеру и к разнузданному сэру Роберту. К тому моменту сэр Роберт окончательно дозрел и вознамерился сотворить с несравненной Элайзой нечто непристойное:

«— У тебя такое нежное тело. — Роберт разлил вино по бокалам».

О, совсем не плохо! Похоже, появилось вдохновение. И несмотря на то что вдохновение стоило строго по тарифу триста пятьдесят рублей, Алиса счастливо улыбнулась.

Глотнув вина, сэр Роберт с похотливой улыбкой принялся мучить бедняжку Элайзу. Сексуальная атака явно затягивалась. Сэр Роберт отказывался подчиниться Алисиной воле, твердо решив понравиться Паршивцеву.

Алиса застонала.

— Яду мне, яду... — пробормотала она тоскливо. — Ведь все равно завтра не жить...

Знала бы она, что ей уготовано судьбой, точно бы выпила яду! Но в тот миг ей казалось, что самое страшное с ней происходит именно сейчас.

Образ свирепого Паршивцева подстегивал воображение, пальцы ее проворно забегали по клавиатуре — прочь, стыдливость, прочь!

О Паршивцев, страшный и ужасный! С очами Зевса-громовержца, неуместными на благодушном, круглом личике, обрамленном косматой бородой и жидкими кудрями! Алиса чувствовала себя рядом с ним маленькой и беззащитной, хотя не далее как вчера утром была выше на целых две головы. У страха, как говорится, глаза велики, — что же говорить об ужасе?!

— Все, Павлищева, — пробормотала Алиса себе под нос, молотя по клавишам. — Пока не напишешь пятьдесят строк самого разнузданного, самого похотливого текста, рассчитывать тебе не на что. Пощады не жди.

С кухни доносилось бульканье кофеварки. Алиса налила кофе, устроилась на кухне в стареньком кресле, пододвинула к себе телефон и решительно набрала Елизаветин номер.

В трубке раздавались длинные гудки, телефон занудствовал, пытаясь убедить Алису в том, что Елизаветы нет дома. Но чутье подсказывало обратное: вряд ли ее подруга в такую дождливую погоду отправится по делам. Скорее пошлет их куда подальше. Елизавета — большая любительница откладывать дела в долгий ящик. Она даже к Паршивцеву не являться находит убедительные доводы. То нога подвернется очень кстати, то голова закружится, а то и вовсе одолеют человеконенавистнические настроения, которые негоже выплескивать на любимого начальника... Паршивцев терпит все ее выкрутасы стоически, поскольку в своем деле у Елизаветы равных нет. Так что, попивая кофе маленькими глоточками, Алиса терпеливо ждала, когда подруга все-таки соблаговолит обратить внимание на телефонные гудки. И терпение ее было вознаграждено.

— Алло, — недовольно буркнула Елизавета.

— Привет.

— Алиска, солнышко! — обрадованно завопила Елизавета. — Как мило с твоей стороны, что ты позвонила! Я как раз намеревалась рвануть к тебе, чертова проблема одолела, а в голове — ни одной путной мысли!

Ну, слава богу... Не только у Алисы проблемы с головой...

— Что случилось?

— Не знаю, куда мне спрятать труп, — деловито сообщила подруга.

— В подвал, — также деловито посоветовала Алиса.

— Банально... Придумай что-нибудь еще, а?

— Спрячь в кухонный шкаф.

Алиса посмотрела на свой «пенал». Глупость какая-то. Разве ж поместится нормальный труп в кухонном шкафу? Там и места-то нет... Сплошные кастрюльки и банки...

— Бред, — отмела и это предложение Елизавета. — Как и у меня. Говорила я тебе, Павлищева, что мы в конце концов начнем расплачиваться за собственную меркантильность! Вот он — час расплаты, не заставил себя долго ждать. Станем глупыми и пошлыми. Ты, кстати, куда не собираешься?

— Нет. Не рискну показаться в таком виде на улице...

— Я сейчас приеду, — обрадовала ее Елизавета. — Может быть, вдвоем мы что-нибудь придумаем?

— Ну, Павлищева, добила своего, — сказала Алиса своему отражению.

Отражение скорчило кислую мину. «Теперь-то уж ты застрахована от работы — Елизавета постарается отвлечь тебя до глубокой ночи. Мало тебе было своей несравненной Элайзы, теперь будешь решать Елизаветины проблемы с трупом».

— Ну и прекрасно, — сказала Алиса и показала отражению язык. — Лучше уж чужие проблемы, чем мои. А от одиночества, между прочим, люди с ума сходят.

Отражение взглянуло на Алису с укоризной. На его месте она бы помалкивала в тряпочку. Такую зануду, как Алисино отражение, днем с огнем не сыщешь. Одно расстройство от него, нет чтобы хоть разок утешить. Каждое утро Алиса подходила к зеркалу с надеждой увидеть в нем роскошную блондинку с сияющими изумрудными глазами, и каждый раз отражение подсовывало ей черт знает что. Не то чтобы все было так уж плохо — справедливости ради придется признать, что бывают физиономии и похуже, по Алисины желания по поводу собственной внешности ни родители, ни небеса явно не учли. Вот нос...

Алиса бы выбрала ровный, умеренной длины, а не такой короткий и вздернутый, как у нее. И никаких веснушек! Губы вроде бы ничего, вполне сносные, но и не зовущие к поцелуям, как ей хотелось бы... С этим тем не менее можно смириться. Не зовут так не зовут...

Но волосы!

Алиса предпочитала это безобразие закручивать в узел на затылке, чтобы не привлекать к нему излишнего внимания. Благодарить за огненный цвет шевелюры она могла только одного человека на свете — своего бедного дедулю, поскольку у ее родителей по странной и причудливой прихоти Фортуны с волосами все обстояло нормально. Они были брюнетами. Их никто никогда не обзывал «морковками», «рыжими ведьмами», не обвинял в том, что они убили дедушку садовым инвентарем!

Будь Алиса истинной дамой, как жена ее брата, увлеклась бы косметикой, и тогда все ее «изъяны» были бы надежно закамуфлированы. Но вот беда — Алиса никак не могла понять, как Верочке удается каждое утро наносить на себя всю эту пакость. Такого терпения у Алисы отродясь не было, она ограничивалась легкими штрихами, не слишком обременявшими ее внешность.

От самосозерцания Алису оторвал какой-то странный звук. Она прислушалась. Звук повторился. Он доносился из комнаты дедули.

Алиса обвела глазами кухню. Марго здесь, посапывает, сытая и довольная. Фаринелли рядом с ней... Алиса поежилась. Считалось, что ее дом находится в черте города, но на самом деле до ближайшего жилья нужно было идти и идти. Когда-то, еще до революции, на этом месте был дачный поселок, не роскошный, но вполне уважаемый, здесь любили проводить летние месяцы врачи, адвокаты и прочая интеллигентная публика. С тех пор много воды утекло, большинство домов кануло в Лету, а этот остался. Старый нелепый дом с мезонином. С одной стороны — лес, с другой — луг, а за ним — река. От трамвайной остановки минут пятнадцать пешего ходу, не так уж и много, но в дождь... Бедная Елизавета!

Из комнаты дедули снова донесся непонятный звук. Алиса вздрогнула. Воображение услужливо нарисовало злоумышленника в черной шапочке «а-ля киллер». Сквозь прорези засверкали глаза графа Дракулы.

Алиса схватила в руки увесистый том «Старше-младшей Эдды» и, впитав в себя героический дух викингов, бросилась в комнату. Распахнув дверь, ощутила, что ее героический пыл иссяк: дедуля не выносил верхний свет, а потому люстры у него в комнате попросту не было. Чтобы добраться до настольной лампы, ей пришлось бы преодолеть всю комнату, а в ней всю властвовали сумерки, придавая мебели зловещие и смутные очертания. С воображением у Алисы все было в порядке, так что стул в углу комнаты немедленно перевоплотился в злого горбуна. Более того, стул откуда-то разжился огненными глазницами и принялся ей подмигивать! Чертово воображение... Алиса иногда завидовала людям, обходившимся без онога! Занавеска плавно взметнулась вверх, и на какое-то мгновение Алисе почудилось, что рядом с окном кто-то стоит. Не стул-горбун — с ним она уже разобралась: это были не глазницы, а окна в доме Алисиного соседа-гоблина. А там, за занавеской, стоял вроде как человек, и это было страшнее горбуна-уродца! Пытаясь разглядеть очертания силуэта, все больше и больше напоминавшие Алисе человеческую фигуру, она хрипло прошептала:

— Кто здесь?

Занавеска зловеще колыхнулась. Зажмурившись, Алиса шагнула вперед, выставив,

словно щит, увесистый фолиант. В защиту его она не очень-то верила: слово, конечно, оружие, кто спорит, но вдруг злодей, спрятавшийся за дедулиной занавеской, не умеет читать?

Алиса добралась до стола и включила лампу.

Уф!

— Вот видишь, — объяснила она Марго, которая была тут как тут и с бестактным любопытством наблюдала за Алисиными маневрами. — Никого нет. Просто дедуля забыл закрыть окно на шпингалет... Всего лишь сквозняк, а мы с тобой черт знает что напридумывали...

Марго снисходительно посмотрела на хозяйку, будто намекая, что глупые мысли пришли не в ее голову, и принялась умываться. Алиса принялась ликвидировать последствия сквозняка: вся комната была усеяна листами бумаги, спланировавшими с письменного стола; ваза с цветами лежала на боку, на полу валялась газета с вырезанной статьей: Алиса удивилась, прочтя незнакомое название, и пробормотала:

— Интересно, почему дедулю потянуло на светские газеты?

Покончив с уборкой, она закрыла окно. И тут задребезжал дверной звонок.

Елизавета предстала перед Алисой в весьма плачевном виде.

С нее ручьями стекала вода, а в глазах застыл немой укор, слегка приправленный восхищением собственной жертвенностью.

— Что-то ты долго раздумывала, впускать меня или нет, — проворчала она, входя и отряхиваясь, как кошка. — Вы вместе со своим Богом явно решили меня утопить... Мало того что на улице Всемирный потоп, еще и ковчег заперли и не спешат пускать бедную, дрожащую тварь, у которой даже нет пары... Где дедуля? Я выскажу ему все, что думаю по поводу его разгильдяйства! Разве он не знает, что, если в твой дом стучится мокрый странник, надо бросать все дела и кидаться навстречу несчастному? Наверняка пристаёт к Господу? Пристаёт к Господу, да?

— Его нет, — улыбнулась Алиса.

— Как нет? — искренне удивилась Елизавета. — Это говоришь ты, внучка священника?! Вот так в лоб заявляешь: Бога нет! Куда катится мир?!

— Да не Бога, а дедули нет, — поправилась Алиса.

— У тебя прямо по Булгакову, — усмехнулась Елизавета. — Чего нихватишься, ничего нет! Ни Бога, ни дедули... А с дедулей-то что? Еще не воротился из дальних странствий? — В голосе подруги появилось что-то похожее на отчаяние. — А я так надеялась, что хотя бы сегодня не лягу спать голодной... Ведь от тебя, дорогая Павлищева, не дождешься, что ты рванешь на кухню готовить ужин? Уж твой дед точно изобразил бы скромненький кулинарный шедевр.

— Рвану, — пообещала Алиса. — Творческие порывы нынче в дефиците. Так что жареная картошка тебе обеспечена.

— Да ты ангел! — посветлела Елизавета. — Так и быть, останусь у тебя ночевать. Не выгонишь?

— Под такой ливень? — ужаснулась Алиса, искренне радуясь тому, что сегодня ей не придется ночевать одной и вслушиваться в пугающие звуки.

Елизавета стянула с себя свитер и потребовала замену.

Ее вымокший до последней нитки «шедевр народного творчества» — широкий и

бесформенный уродец, украшенный на груди огромными красными пятнами, выдаваемыми Елизаветой за райские яблоки, — они вывесили сушиться на кухне. В Алисином свитере Елизавета поместилась едва ли не с головой.

— Хорошо иметь высокую подругу, — удовлетворенно мурлыкнула она. — Конечно, гулять с тобой по улицам не очень выгодно. Рядом с тобой меня можно принять за карлу, которую вывели на прогулку. Зато можно разжиться свитером, в котором некоторые особы могут спрятаться с головой.

— Могла бы не бить по больному месту, — проворчала Алиса. — Впрочем, разве тебе понять? У тебя-то с ростом все в порядке!

— Ага, — хихикнула подруга. — Муж может носить меня в кармане...

Пафнутий, благоверный Елизаветы, и впрямь отличался высоченным ростом: он был выше двух метров. Зато сама Елизавета с трудом дотягивала до полутора метров, так что вдвоем они являли весьма примечательную парочку.

— Он может спокойно носить тебя на руках, — завистливо напомнила Елизавете Алиса.

— Хватит меня успокаивать, — отмахнулась подруга. — Я же не мешаю тебе предаваться комплексам, вот и ты мне не мешай... — Она запела, растягивая слова: — «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал... Что из сигаретной пачки сделал он крутую тачку — и катал!» Здорово? — поинтересовалась Елизавета, закончив петь.

Алиса кивнула.

— Сегодня написала. Сама, — похвасталась довольная подруга. — Гениальность, мой друг, проявляется во всем. Даже в малом.

— Кстати, о гениальности... Что ты там решила со своим трупом?

— В платяной шкаф засунула, — отмахнулась Елизавета.

— Вообще-то там обычно прячут живых любовников, — засомневалась Алиса.

— Пусть там побудет мертвый любовник, — ответила Елизавета, жадно допивая кофе. — И не суди мои гениальные озарения... Если разобраться, такой поворот сюжета наполнен философским смыслом. У англичан есть поговорка: «У каждого в шкафу есть свой скелет». — Она замолчала и загадочно уставилась огромными карими глазами в окно.

— Ну? — спросила нетерпеливо Алиса. — Философский смысл — в чем?

— Павлицева, — печально проговорила Елизавета. — Я думаю, любовные романы Сары Мидленд лишили тебя последних мозгов. Не видишь ты скрытых смыслов. Тебе надо срочно переходить на триллеры! Сама посмотри — я сижу на триллерах и усматриваю связь между трупом в шкафу и сложностями человеческой природы, а ты не усматриваешь!

— Почему не усматриваю? — возмутилась Алиса. — Если человек кого-то убивает, наверное, это вызвано какими-то сложностями с натурой, то есть с жертвой.

— Поверхностно, — постановила безжалостная подруга. — Ты, кажется, говорила что-то о жареной картошке? С тех пор как мой дражайший супруг отправился в неведомые края, я голодаю. Оставил целую кастрюлю гречневой каши и пачку сосисок, но гречку я ненавижу, а сосиски стрескала сразу, стоило любимому раствориться в пелене дождя...

— Вчера дождя не было, — заметила Алиса.

— Какая разница? — меланхолично отозвалась Елизавета. — Дождь шел в моем сердце...

— Пафнутий послезавтра вернется.

— И обнаружит мой бездыханный труп! Отвечать бы ему за мою смерть: любимая жена

поперхнулась ненавистной гречкой! Но жена у него не обычная курица, а гениальная — дотумкала нагрянуть к тебе, вместо того чтобы давиться.

Алиса хотела возразить, что, если бы Пафнутий был женат на обычной курице, та никогда не подавилась бы гречкой, поскольку у нормальных женщин нормальные отношения с плитой.

Это Елизавета боится и ненавидит плиту, предпочитая все есть в холодном виде. Даже чайник ей пришлось купить электрический! Но Алиса промолчала. Спорить с Елизаветой решится только сумасшедший.

— А по моему прекрасному некогда лицу, уже обезображенному дыханием смерти, ползают маленькие белые червячки... — продолжала невыносимая Елизавета. — Туда-сюда, туда-сюда... Представляешь, что стряслось бы с Пафнутием? Тронулся бы умом! Господи, какая удача для него, что он женился именно на мне, и я нашла выход из создавшейся ситуации! Теперь он может спокойно возвращаться, не опасаясь провести остаток дней в психушке! Так что там у нас с картошечкой?

— Сейчас будет, — пообещала Алиса.

— Давай я пока тебе помогу с твоей Мидленд. — Насладившись собственной жертвенностью, Елизавета преисполнилась великодушия.

— Да ладно, — отмахнулась Алиса. — Сама управлюсь...

— А в чем проблемы?

— Как всегда, — вздохнула Алиса. — Не могу нормально отписать любовную сцену... Спотыкаюсь... Начинаю — и становится или смешно, или противно, или то и другое вместе!

— Это потому, что у тебя нет богатого сексуального опыта, — поставила диагноз подруга. — Внутренний аскетизм не позволяет тебе раскрепоститься... Ты боишься откровенностей. Может быть, тебе переписать эти сцены из творений «мастеров жанра»? Впрочем, у них тоже с фантазией не все в порядке!

— А по-моему, у них все в порядке с эротическими сценами, — попыталась Алиса вступить за великих писательниц, по Елизавета послала ей долгий снисходительный взгляд.

— Ага, в порядке, — презрительно фыркнула она. — Ты других почитай — вот у них в порядке... Такое напишут, что волосы поднимаются дыбом от мысли, что ты пропустил в жизни самое интересное! В общем, так. Ты идешь чистить картошку, а я пытаюсь спасти твою похотливую Сару.

С текстом Алиса тянула уже месяц, и Паршивцев, стоило ей только появиться на пороге его кабинета, начинал угрожающе краснеть и дергать правой бровью. Алиса подозревала, что завтра он не выдержит и швырнет в нее стулом.

— Послушай, может быть, тебе все-таки стоит перебраться на триллеры? — спросила Елизавета. — Там нет повышенного эротизма... Сиди себе спокойно и пиши про неразумных маньяков! Согласись, это куда проще! Конечно, надо все логически связывать, выстраивать сюжет, а самое ужасное — заключительная часть, в которой следует разжевать все таким образом, чтобы даже дубу было понятно, отчего на этих самых маньяков напала такая охота убивать своих ближних...

— Там трупы, — отрезала Алиса. — И потом, твоя драгоценная Таня тоже гиперсексуальная. Ничем не лучше Элайзы. Найдет парочку трупов — и быстрее в постель, особо не разбирая с кем! То с ментом, то с киллером... Элайза, по крайней мере, строга с

сэром Робертом. А Танечка... Только с трупом не попробовала...

— Чем тебе трупы не угодили? — возмутилась Елизавета.

— Мне вообще не хочется последнее время ничего описывать, — призналась Алиса. — Может быть, я не писатель... Последнее время у меня при виде включенного монитора сразу головокружение начинается. Хочется развернуться и убежать куда-нибудь в пампасы, где нет компьютеров. Я мечтаю стать ночным диджеем... Или рок-звездой.

— Для рок-звезды ты уже состарилась, — безжалостно вернула Алису на землю Елизавета. — И дедуля не одобрит. А быть ночным диджеем ты тоже не сможешь. Там надо все время разговаривать и ставить попсу.

— Какая разница? Сейчас я ее пишу, потом буду просто ставить...

— Тебя одолела мрачная меланхолия! Вот если бы ты писала триллеры, смотрела бы на жизнь веселее...

Алиса задумалась, как триллеры могут даровать душе блеск оптимизма.

— По Ясперсу, «пограничная ситуация» помогает мобилизовать внутренние ресурсы психики, — сообщила умненькая Елизавета. — Без встряски психика застывает. А так как сама ты наотрез отказываешься побыть в роли жертвы или убийцы...

Алиса вздрогнула. Ей почему-то не хотелось быть ни жертвой, ни убийцей.

— Не надо так трепетать, — заметила Алисино состояние Елизавета. — Я как раз тебе говорю о «фантазии». Лучше про это написать. К тому же ты получишь потом деньги, от которых твой тонус наверняка повысится! Просто и доступно!

В принципе последний Елизаветин постулат был исполнен смысла. Скорее всего, Алисин сплин был вызван именно тем фактом, что Паршивцев, Мерзавцев и Гориллов под различными предлогами уже четвертый месяц отказывались выплачивать ей гонорары.

— Господи, — вздохнула она, устыдившись собственной прозаичной меркантильности. — Даже в мелочах ты удивительно банальна, дорогая!

Два года назад Паршивцева звали не Паршивцевым. Два его друга в те времена тоже звались по-другому. Только вот вспомнить их настоящие имена уже никто не мог: так плотно прикрепились к ним прозвища. Не последнюю роль сыграла в этом Алиса. Именно Алиса с Елизаветой придумали им клички, в чем, к слову сказать, ни та ни другая не раскаивались ни капли!

С Елизаветой Алису связывала столь давняя дружба, что они принимали друг друга если не за альтер эго, то по меньшей мере за сестер. Вообще-то сестер поначалу было классическое число — три, еще имелась Ньюша. Они учились в английской спецшколе, а потом судьба развела их. Ньюшка всегда грызла гранит науки с восхитительным упоением, школу закончила с медалью, после чего шокировала учителей, объявив, что вся эта идиотская филология у нее в печенках сидит, а потому она отправляется прямиком на мехмат. Алисины с Елизаветой успехи были куда скромнее, они с большой охотой предавались всяким сомнительным развлечениям, свойственным юному возрасту, поэтому, когда Елизавета заявила, что с английской филологией порывает раз и навсегда, никто не загрузил. Рассудив, что самое ее любимое занятие — валяться на диване с книгой, она потопала на русское отделение филфака с радостной надеждой, что там никто от нее никаких усилий не потребует. «А потом и муж приличный нарисует, — делилась она с Алисой планами. — За те десять лет, которые я промучилась, пытаюсь понять, чем инфинитив отличается от презент перфекта, мое здоровье пришло в полную негодность. Мне нужен отдых. Желательно — на всю оставшуюся жизнь...» На филфаке ее ожидало

крупное разочарование. На несчастную Елизаветину голову обвалился целый ворох совершенно ненужных, на ее взгляд, предметов — латынь и лексикология, диалектология и старославянский! Да и муж не спешил появиться на горизонте. Так что с отдыхом бедняжке пришлось повременить. Алиса поступила куда банальнее: пошла на факультет романогерманских языков, решив, что раз уж промучилась десять долгих лет, еще пять вполне можно потерпеть. Нюшенька времени зря не теряла и где-то на третьем курсе снова всех удивила: вышла замуж и забросила учебу. Замуж она вышла со свойственным ей математическим расчетом за скромного мальчугана из экономического. Мальчуган в ту пору был невзрачный, худенький, маленький и нескладный. Никто не мог бы угадать в нем будущего бизнесмена, но у Нюши с теорией относительности все было в порядке, и теперь она жила беззаботно, растила двоих очаровательных детишек и мирно толстела в собственное удовольствие. Алисе с Елизаветой пришлось самим биться за собственное благополучие. Закончив свои университеты, они попытались поработать в школе, но ничего хорошего из этого не вышло: они напугали детей, а дети напугали их. Кроме того, Елизавета завела легкомысленный роман с собственным учеником и впоследствии вышла за него замуж, дождавшись, когда Пафнутий окончит школу. Конечно, такого безобразия в школьных стенах потерпеть не могли, и Елизавету с работы уволили, а Алиса ушла из солидарности, поскольку сердцу не прикажешь, и уж если случились высокие чувства, нечего стоять у них на пути. Некоторое время они искали работу без всякого успеха. У них даже возникло нездоровое желание посвятить себя многоуровневому маркетингу, но, слава Богу, однажды Он послал разочарованным подругам скромное объявление, отчего-то в траурной рамке, что некое загадочное издательство приглашает на работу авторов для «создания заказных произведений».

— Интересно, что бы это значило? — спросила Елизавета, рассматривая непонятное объявление. — Порнуха, что ли?

— Почему порнуха? — удивилась Алиса. — Раньше, например, надо было мемуары писать за генеральных секретарей.

— Сейчас нет генеральных секретарей, — напомнила Елизавета.

— Зато есть губернаторы. Может быть, надо им писать мемуары...

— Тогда лучше бы это была порнуха, — вздохнула Елизавета. — Все-таки интереснее. Давай попробуем, — предложила она. — В конце концов, всегда можно отказаться...

— А ты уверена, что у нас с тобой еще есть способность связывать слова в предложения? — усомнилась Алиса в правильности данного решения.

— Я же говорю — попробуем! Тебе что, не интересно?

Раньше чем Алиса успела что-то ответить, Елизавета набрала номер, поговорила и торжественно объявила, что завтра, в двенадцать часов, они должны быть на собеседовании.

* * *

Они долго думали, как им произвести впечатление людей, максимально приближенных к богеме. Поэтому принарядились соответствующим образом: Алиса напялила на себя лосины красного цвета и широкий Елизаветин свитер с «райскими яблоками», повязала на голову бандану с черепашками, а Елизавета надела легкомысленный и фривольный костюм, состоящий из кожаных шортиков и ковбойской куртки с лохмотьями на рукавах, и

довершила туалет черной шляпой с высокой тульей, позаимствованной из Ньюшиного гардероба, недавно обновленного в Англии. В таком нетривиальном виде подруги предстали перед изумленным взором скромной девушки-секретарши. Она так очаровалась Ньюшиной шляпой, что все время их визита посвятила созерцанию этого странного предмета. Зачем Ньюше понадобилась такая уродина, созданная для любительниц острых ощущений, Алиса до сих пор понять не могла! Шедевр был черного цвета, похож на цилиндр, украшенный яркими белыми горошинами. Но Елизавете шляпа безумно понравилась, и секретарше Наденьке тоже, потому что отнеслась она к ним с неожиданной симпатией.

— Я чувствую себя несчастной Суок, — прошептала Елизавета. — Как ты думаешь, они — личные советники губернатора?

— Почему они советники? — удивилась Алиса.

— А ты что, не видела табличку у входа?

— Нет, не видела, — призналась Алиса.

— Тут находится приемная губернатора, — шепотом сообщила Елизавета.

Отреагировать на сие ужасное известие Алиса не успела. Большая дверь, обитая кожей, отворилась, и оттуда с неожиданной грациозной прытью вылетел невиданных размеров молодой джентльмен с небольшой бородкой.

— Вы ко мне, — сказал он утвердительно, радостно потирая руки. — Проходите в кабинет, будем знакомиться...

* * *

Вот так они и оказались в «Экслибрисе».

На работу их приняли. Елизавета до сих пор была уверена, что Мерзавцев пленился ее шляпой. Алиса вообще смутно помнила первую встречу, потому что все время опасалась, что появится губернатор, сядет за небольшой столик и примется рассматривать Алису так пристально, что она окончательно испугается. «Ну что ж, — задумчиво скажет губернатор. — Пожалуй, вы попробуете написать небольшой кусочек — на пробу... Опишите мое босоное детство в селе Дубиновка-Раздербаны!» Алиса даже зажмурилась представив себе будущий кошмар, — и прослушала очень важную часть разговора, в котором рассказывалось о том, что писать надо под чужим именем, поскольку так выгоднее и проще. Чем это было выгоднее и проще, Алиса так и не поняла, потому что, когда до нее дошло, что губернатором тут и не пахнет, она начала опасаться порнухи.

— По этой причине мы и придумали неких писательниц, — закончил рассказ Мерзавцев, подозрительно посмотрев на Алису: та сидела, сжав руки, и старалась справиться с вечной проблемой «заикания на нервной почве».

— Н-да, — пробормотал он.

Алисе показалось, что диагноз, который обычно ставят писателям и поэтам, в большинстве случаев оказывается правильным. Подняв с недовольно скрипнувшего стула свое грузное тело, Мерзавцев достал книгу с очаровательной блондинкой на обложке и молча протянул ее Алисе. Елизавете досталась другая — с длинноногой особой в кожаной мини-юбке и черных очках. Особа держала в руках громадный наган, по размерам больше напоминающий широко известный по фантастическим романам бластер, и нехорошо улыбалась. До сих пор Алиса не может понять, каким образом он так верно угадал их

натуры? Елизавета поддерживала с Мерзавцевым светскую беседу, а Алиса молчала, рассматривая фотографию «придуманной» тетки с насмерть перепуганными глазами на Елизаветиной книжке. На ее книжке вообще не было ни одной фотографии, только имя — Сара Мидленд. Подругам было велено все прочитать и написать что-нибудь в том же духе.

— Бедняжки, — сочувственно вздохнула Елизавета, когда они вырвались из псевдоприемной губернатора на свежий воздух.

— Кто? — удивилась Алиса.

— Эти тетки на обложках, — пояснила Елизавета. — Мало того что им придется пожизненно отвечать за написанную нами дребузню, так и жизнью рисковать придется стопроцентно...

— Почему им придется рисковать жизнью? — испугалась Алиса. Ей совсем не хотелось, чтобы кто-то рисковал ради нее жизнью!

— Вспомни «Мизери», — начала проявлять свой недюжинный триллерный талант Елизавета. — Там писателю надоело описывать эту дуру Мизери, а психованная читательница уже не могла без этой дамы жить. И тогда она начала устраивать ему каверзы. Вот надоест мне расписывать зловключения этой Барбареллы, психи-почитатели меня не найдут и начнут разбираться с этой несчастной, ни в чем не повинной леди... — Проникшись ужасным будущим «автора», Елизавета расчувствовалась. На минуту Алисе даже померещилось, что Елизавета сейчас заплачет — таким горестным был ее взгляд.

Алиса робко дотронулась до Елизаветиной руки и попробовала ободрить ее:

— Может быть, нас еще не возьмут... Для того чтобы писать книги, талант нужен. Ты уверена, что он у нас обнаружится?

— Если ты вознамеришься стать господином Пушкиным, может, и не обнаружится, — задумчиво сказала Елизавета. — Но я так думаю, им пушкинский талант ни к чему. Им нужно попроще.

Она притормозила возле книжного развала и наугад взяла книгу.

— Это хороший детектив, — обрадовался продавец. — Прямо нарасхват идет... Говорят, наша отечественная Хмелевская... Будете покупать?

Он так сладко улыбался, что Алисе захотелось провалиться сквозь землю: денег-то не было, да если бы и были — она никогда не стала бы покупать эту книгу. Рядом лежали «Хроники Нарнии». Вот их бы она непременно купила!

— «Да я с тобой... не сяду на одном поле», — зачитала Елизавета, опустив одно слово. — А еще на Пелевина ругаются... Вон как крепко наши домохозяйки заворачивают! Да, Алиска, чего-то расхотелось мне писать прозу. Ты думаешь, употребление таких слов обязательно в современной отечественной литературе? — Она положила книгу на место.

— Не будете брать? — огорчился несчастный продавец.

— Нет, друг мой, — ответила Елизавета. — В наше время писатели были скромнее... Был, конечно, протопоп Аввакум, позволяющий себе употребление крепкого слова, но у него это как раз не резало многострадальный читательский слух. А в этом «контексте» сие слово выдвигается вперед и мешает по достоинству оценить стиль Хмелевской отечественного разлива...

Они отошли от прилавка, но, пройдя несколько шагов, Елизавета остановилась:

— Знаешь, Алиска, придется все-таки ее купить... — Она принялась рыться в карманах, пытаясь отыскать двадцать рублей, нашла только пятнадцать и уставилась на Алису. — У тебя пятерка есть?

Алиса достала смятую десятку, и Елизавета быстро вернулась к продавцу.

— Значит, вы утверждаете, что эту книгу хорошо покупают?

— Очень, — стал радостно убеждать Елизавету парень. — Каждый день уходит, без остатка... Берете?

— Беру, — вздохнула Елизавета. — Должна же я понять общественное сознание. Все как-то было недосуг, а теперь буквально приперло к стенке...

Парень протянул книгу и забрал деньги.

Алисе такой обмен показался несправедливым и даже глупым — куда лучше было бы купить бутылку пива или две порции итальянского мороженого... Но Елизавета опровергла все Алисины протесты:

— Это наш ключ к успеху... Так что лучше помолчи. Через месяц мы начнем пить пиво, есть мороженое, и проблемы материального характера наконец-то разрешатся, и знаешь, что самое удивительное? Материальные проблемы мы решим с помощью того самого интеллекта, который до сей поры казался нам чем-то бесполезным и даже обременительным! Гип-гип-ура! Мы станем богатыми и знаменитыми!

— Ага, — кисло согласилась Алиса, не очень-то уверенная в том, что ее интеллект может принести средства к существованию. — Богатыми... знаменитыми... — И, не удержавшись, процитировала любимого Лизкиного Пелевина: — «Слух обо мне пройдет, как вонь от трупа...»

— Доля истины в этом есть, кстати, — безмятежно отозвалась Елизавета, уже погружившаяся в скромный «шедевр» новорусской словесности. — В триллерах очень важно присутствие энного количества трупов... — Она так нехорошо улыбнулась, что Алиса поежилась.

«Иногда писатели сходят с ума, — подумала она, с опаской глядя на подругу. — Кто знает, вдруг у Елизаветы началось умопомешательство? Правда, она еще пока не стала писателем. Хоть бы нас не приняли на работу, честное слово!»

— Все равно не пойму, зачем надо было покупать эту книжку, — проворчала Алиса. — Честное слово, не понимаю... Нам же дали по книге: сиди себе, читай, если так хочется наслаждаться отечественными детективами!

— Я хочу стать лучшей, — заявила Елизавета. — Можешь сейчас прочитать мне проповедь о смирении, гордыне и хорошей литературе, меня это не тронет! Бог знает, до чего я устала жить на гроши, которые кончаются сразу, стоит только им появиться. Ты слышала, сколько нам будут платить? Целую тысячу за жалких семь листов откровенного бреда, который ты напишешь левой ногой!

— Я не хочу писать ногами! — запротестовала Алиса.

— Не хочешь — не надо, — пожалала плечами Елизавета, почти утратив интерес к старомодной особе. — Продолжай подыскивать себе местечко под солнцем в районе Славянского рынка. Можешь еще пристроиться в местную газету. Рублей триста в месяц заработаешь... Надо было пять лет таскаться в университет и сушить мозги над «Гаргантюа и Пантагрюэлем»!

* * *

Ведя бесконечную словесную игру, начатую еще в начальных классах, они шли по

проспекту и были вполне счастливы.

Начальство тоже было счастливо: те литературные опусы, которые принесли на собеседование девицы, были тут же изучены, и теперь они сидели, обсуждая «новых дурочек».

— Ты бы видел, как у темненькой челюсть отвисла, когда я ей сказал про тысячу...

— Мог бы назвать цену поменьше, — сказал задумчивый джентльмен с красивым, породистым лицом. — Ты, дорогуша, еще пообещал, что будешь поднимать планку через каждые три книги...

— Да ладно тебе, — отмахнулся тот, который вел собеседование. — Они через три книжки успеют забыть, что им было обещано...

Про тот разговор девушки не знали, а потому сохраняли полнейшую уверенность в завтрашнем дне.

Точно так же было уверено в грядущих переменах к лучшему их начальство. Тогда еще бедное начальство не знало, что раз в неделю ему будут обеспечены скандалы и капризы с Елизаветиной стороны, поскольку ее триллеры будут пользоваться бешеным спросом. А Алиса...

Придя домой и открыв книгу, Алиса принялась постигать «стиль и язык». Сначала ей показалось, что предложения в тексте напоминают школьное изложение. Нарочито односложные, они усваивались, как простые блюда. *«Элайза проснулась рано. Утро было пасмурным. Красный цвет шелковых простыней померк. Элайза закрыла глаза. «Я не хочу сегодня просыпаться», — подумала она. На душе скребли кошки. Роберт сегодня не придет. Он уехал».*

Алиса закрыла книгу. «Я не смогу так писать», — подумала она и почувствовала облегчение. Раз она так писать не сможет, на работу ее не возьмут... Она достала разрозненные листы с печатным текстом — это было ее, Алисино, давнее творение. Воспоминание о ее, Алисиной, первой любви, так внезапно и трагично закончившейся:

«Мышка стояла на остановке, глядя вдаль. Сигарет не было, солнца не было, смысла в жизни, на ее, Мышкин, взгляд, не было тоже. Прямо перед ней с красного плаката хитро улыбался Ленин, и отчего-то в Мышкину глупую голову притащилось воспоминание о Галкином дяде Валере. Она называла его Гуру Вар Авера. Этот гуру как-то сказал, что красный цвет — цвет безрассудного и необузданного секса, и, хотя все другие идеи Галкиного дяди Мышка подвергала сомнению, эта ей показалась не лишенной смысла. «Ленин — секс-символ социализма», — подумала она и тоскливо огляделась».

Прочтя собственный опус, Алиса рассмеялась, потом вздохнула и отбросила его в сторону.

— Это никому не нужно, — сказала она жестоко. На минуту ей стало жалко своих незадачливых героев. Она достала забытую, пыльную машинку. Машинка была ужасно тяжелой — все-таки «Украина», — и Алиса дотащила ее до письменного стола с трудом. Отдышалась, вытерла со лба капельки пота, села, задумчиво изучая подзабытую клавиатуру.

«Я уже сто лет ничего не писала, — вздохнула она. — Черт его знает, получится ли у меня что-нибудь путное...»

Путного у нее ничего не получилось.

«Элайза проснулась. Свет лился из открытого окна. «Мне не хочется сегодня просыпаться, — подумала Элайза, снова закрывая глаза. — Жизнь теряет смысл, когда рядом нет Роберта...»

Алиса осталась недовольна собственным «шедевром». Она хотела уже выбросить листок в мусорное ведро, но передумала.

— Все в руке Божией, — внезапно решила она. — Не примут на работу — значит, так и надо. Не всем же суждено стать писателями...

На следующий день Алиса отнесла несколько листков супермараматического бреда в агентство.

А еще через неделю ей позволили и приятным женским голосом известили, что она, Алиса Павлицева, принята на работу.

* * *

Очистив очередную картошку, Алиса вырвалась из плена воспоминаний и с тоской взглянула в потолок — в данный момент кухонный потолок выполнял функцию вечно молчаливых небес. Алиса, увы, продолжала вести скромный образ жизни, она трусливо помалкивала о том, что ее гонорар отчего-то не растет уже целый год. Она настолько застряла в объятиях английской писательницы с ее романом о несравненной Элайзе, что стала относиться к ней как к близкой родственнице, и надежд на расставание с Элайзой у Алисы уже не осталось.

У Елизаветы, напротив, дела шли в гору: триллеры она выдавала без особенных затруднений, делала это весьма талантливо и пользовалась у читателей популярностью и спросом. От успеха у Елизаветы началась легкая мания величия. Она утверждала, что, если бы ей предложили собственное имя, она бы гордо отказалась. К чему ей это, говорила она, ссылаясь на собственную скромность, но Алисе все-таки призналась, что надеется, когда решатся материальные проблемы, написать что-то большое, великое и вечное. Именно по этой причине Елизавета позволила наклеить на последнюю страницу обложки невесть откуда появившуюся фотографию, на которой была изображена объемная дама, с трудом поместившаяся в медальон, и, внимательно изучив морданцию с заплывшими маленькими глазками, удовлетворенно сообщила Мерзавцеву, что именно так, по ее мнению, должна выглядеть женщина с именем Авдотья Зырянская.

Уф! Картошка была очищена, дело Сары находилось в надежных Елизаветиных руках, за окном темнело, а нескончаемый дождь не перестал действовать Алисе на нервы.

«Уйду в редакторы-составители», — пришла ей в голову светлая мысль. Так она и сделает: будет себе спокойно и мирно расписывать рецепты, а если повезет, напишет сонник какого-нибудь Миллера... Конечно, им меньше платят, но и работы поменьше... К тому же не надо жить придуманной жизнью, забывая, где правда, а где вымысел, где Алиса — а где Элайза...

Стоп. Что за нытье? Впереди ее ожидал приятный вечер, и незачем было вспоминать о собственном глупом страхе и сопутствующих ему неприятных ощущениях. В холодильнике обнаружилась початая бутылочка «Черного лекаря», и мир показался уютным и приятным местечком — может быть, впервые за сегодняшний день.

— Зараза! Это нарочно, да?! — послышался из комнаты вопль Елизаветы.

Удивительно, как это поднос не выпал у Алисы из рук от этого вопля?

— Что — нарочно? — осторожно поинтересовалась она.

— Они нарочно меня засыпали! — взревела, как труба, Лиза. — Гады какие гадские, а?

Нет, ты только на их рожи посмотри! Вылитые наши три толстяка! Только и думают, как покруче надуть бедную Авдонию!

Алиса посмотрела. «Добрая самаритянка» Елизавета, пообещавшая воплотить богатый сексуальный опыт на бумаге, играла с тремя противными толстячками в «девятку». На ее счете было «минус сорок», толстячки заметно обогатились и выглядели немного обиженными Елизаветиными злобными наветами.

— Кажется, ты хотела мне помочь, — напомнила Алиса.

— Успею, — мрачно пообещала Елизавета, явно раздосадованная Алисиной бестактностью. — Любишь ты, Павлицева... — начала она было долгую обвинительную речь, в которой основная часть обычно уделялась Алисиным нравственным несовершенствам, но, заметив принесенные яства, сменила гнев на милость. — Картошечка, — умилительно протянула она. — И вино. Алисочка, ангелочек ты мой! Напишу я тебе сцену, ей-богу напишу!

Поразмыслив, Алиса решила поверить подруге на слово. Честно говоря, не хотелось писать эту идиотскую сцену.

Может быть, Елизавета права? Все дело — в отсутствии опыта? Опыта у Алисы и вправду почти не было... Как-то так получилось, что ей любимое большинством народонаселения занятие сразу не очень понравилось — было скучно, утомительно, а хороших впечатлений почему-то совсем не осталось. Не то чтобы Алиса была пуританкой, просто ее лень родилась если не вперед ее, то вместе с ней, и тратить огромные силы на всякую ерунду Алисе не хотелось... Принцы на белых конях упорно разъезжали не по Алисиной улице, а на компромисс она не могла согласиться! «Раз уж мои мечты не могут стать реальностью, — думала она, — и нет на этом свете исполненного ума и благородства, тонкой иронии и нежности, красивого, с загадочными серыми глазами и светлыми волосами Принца, я предпочитаю одиночество». Окружавшие ее «кандидаты в принцы» никаким образом не отвечали Алисиным эстетическим требованиям. Общалась-то она в основном с собратьями по перу да с бандитами, которые жили в этом районе, а отыскать среди них что-то похожее на нарисованный Алисиным пылким воображением портрет было крайне сложно.

Пока она задумчиво грустила по этому поводу, Елизавета преспокойно слопала всю картошку и теперь сидела с бокалом вина, как заправская светская львица, томно полускрыв глаза, вытянув стройные маленькие ножки, на которые Алиса всю жизнь смотрела с завистью: тридцать четвертый рядом с тридцать девятым, согласитесь, явно выигрывал.

— Нюшки не хватает, — вздохнула Елизавета. — А то бы детство вспомнили...

— Мы все-таки в детстве не потребляли алкоголь, — заметила Алиса.

— Все равно, — отмахнулась Елизавета. — Значит, вспомнили бы юность.

— Да и так можно, без Нюшки, — заметила Алиса.

Елизавета с ней согласилась, и они немного повспоминали юность. Потом что-то странное случилось с глазами — они стали слипаться, да еще Елизавета заразительно зевнула, и девушки решили, что надо и честь знать. Тем более что Елизавете предстояло оформить Алисин бред в непристойную сцену. Лиза отправила Алису спать в дедулину комнату, а сама осталась в обществе компьютера, не забыв напомнить, как Алисе повезло, что у нее такая хорошая подруга — скромная, склонная к самопожертвованию и к тому же гениальная.

— Как Пушкин, — проговорила она, мечтательно глядя в окно. — Вот, бывало, придет Александр Сергеевич, а у его друга Дельвига поэма не слагается. Дай-ка, говорит Пушкин выручу товарища по перу... Всю ночь сидит, гусиным пером скребет... А Дельвиг спит себе, в ус не дует.

— Ага, — сонно откликнулась Алиса. — Я-то думаю, с кем бы нас сравнить... И правда, вылитые Пушкин и Дельвиг... И пишем так же. Скромность украшает нас все больше и больше...

— Не трогай Пушкина, — меланхолично отозвалась Елизавета. — Пушкин — это наше все... Во всем ты, Павлицева, склонна усматривать личную выгоду. Так нельзя. Ты все-таки инженер человеческих душ. Тысяча дам разного возраста «чистят» себя под Элайзу-прекрасную... Слушай, а кто появился сначала? Элайза или кукла Барби?

— Барби...

— Жалость-то какая. А то можно было бы с них штраф взять. За использование нашей Элайзы в качестве прототипа. А так придется промолчать. Поскольку получается, что это мы взяли да воплотили Барби в Элайзу!

Алиса с подругой во всем согласилась, даже не стала возражать, потому что спать ей хотелось ужасно, да и Елизавета могла обидеться.

В дедовой комнате было тихо и спокойно. Алиса устроилась на диванчике, Марго улеглась ей на живот. Алиса сделала робкую попытку прочесть хотя бы страничку из Борхеса, но поняла, что ничего не сообщает: буквы странно прыгают, мутнеют, а уж до смысла написанного так трудно добраться, что лучше это безнадежное предприятие вовсе прекратить. Она не заметила, как перешла границу сна, и очень скоро бродила по развалинам вместе с дедулей, а он говорил Алисе: «Вот сейчас, сейчас я тебе ее покажу...»

Дед ее был помешан на археологии, он каждый год копил деньги, чтобы отправиться на поиски какой-нибудь доисторической штуковины, но до сих пор ему отчаянно не везло — самым большим его трофеем был глиняный горшок, кажется, скифский. Алисе он почему-то казался «ночной вазой», но она не знала, были ли у скифов ночные вазы, а дедуля утверждал, что не было. В истории дед разбирался лучше Алисы, и она ему поверила.

Что дедуля хотел Алисе показать, узнать было не суждено.

Вдруг раздался ужасный крик, просто вопль, и они с дедулей вынуждены были прекратить блуждания во сне.

Кричала Елизавета. Алиса посмотрела на часы. Было уже три часа, и она подумала, что Елизавета, закончив сочинять эротическую сцену, опять ругается с партнерами по виртуальной «девятке».

Только крик был какой-то истошный, полный настоящего ужаса. Алиса резко вскочила, накинула на себя кофту и бросилась к своей подруге.

Подруга сидела на кровати, тупо уставившись в окно, и дрожала.

— Лиза, что с тобой?

Лиза обернулась. Взгляд ее был способен напугать кого угодно.

Алиса щелкнула выключателем. Лизка зажмурилась от яркого света, попыталась заслониться рукой.

— Там... — Она показала рукой на окно.

— Что — там?

Алиса посмотрела в окно, но ничего криминального не обнаружила. Окно как окно. Темное, каким ему и положено быть ночью.

— Там была рожа, — объяснила Елизавета.

— Во сне? — терпеливо спросила у подруги Алиса.

— В каком сне? — тоненьким голоском прошептала Елизавета. — Господи, как это я решила в твой бандитский поселок поехать? Рожа! Мерзкая... Прилипла к стеклу и пялилась. Прямо на меня! Нет, ну ты посмотри получше, — снова запричитала она через некоторое время, и Алиса посмотрела туда, куда был направлен безумный взор Елизаветы.

Ни-че-го... Ветка дерева царапает по стеклу как ни в чем не бывало, и дождь, конечно, кого угодно сведет с ума...

— Это дождь, — решительно заявила Алиса. — Знаешь, я перед твоим приходом тоже испугалась... Окно открылось, что-то такое в дедовой комнате стукнуло, и шаги человеческие послышались...

Елизавета отвлеклась от окна и с интересом уставилась на подругу, правда, Алисе этот ее интерес совершенно не понравился. Да что там Елизавета — у Алисы так талантливо получился замогильный голос, что и сама она поддалась тому же чувству страха. Впору хватать все, что можно унести, и бежать куда глаза глядят из родного дома!

Да еще ветки эти... Отчего-то Алисе их царапанье по стеклу теперь напомнило с брентности человеческого существования — что-то было в этом поскрипывании тоскливое и безнадежное, как погребальный звон или пение монахинь...

Подруги некоторое время сидели молча, как будто пытались осмыслить сложнейшую философскую проблему. «Если не отвлечься немедленно, — подумала Алиса, — невесть до чего можно додуматься!» Она попыталась сменить тему разговора:

— Как, кстати, у тебя с Элайзой? Пристроила ее в объятия Роберта?

Елизавета мрачно кивнула и спросила, явно не желая возвращаться в реальный мир из своих гробниц и подземелий:

— Так что там было, в дедулиной комнате?

— Ничего. Призрак бродил, — отмахнулась Алиса, пытаясь перевести все в шутку. — Такой белый весь, в саване и веригах...

Словно в ответ на ее неуместную остроту, в дедулиной комнате что-то стукнуло. Алиса замерла, а Елизавета, вконец обессиленная бесовскими обстоятельствами, прошептала:

— Господи! Павлицева, и зачем я к тебе пришла ночевать?

Марго на эти зловещие звуки давно устала обращать внимание. «Наверное, мы тоже в конце концов к ним привыкнем и будем продолжать мирно дрыхнуть», — подумала Алиса с невыразимой тоской. Говорят, что люди, живущие в замках с призраками, начинают относиться к ним как к домочадцам.

— Надо сходить посмотреть, — предложила Алиса.

— Надо, — согласилась Елизавета.

Они переглянулись, посидели еще несколько секунд, но никаких стуков больше не повторилось, только акация продолжала скрипеть по стеклу.

Мысль, что они сидят себе как ни в чем не бывало, а в дедулиной комнате хозяйничает призрак, Алисе не понравилась, и она решительно поднялась:

— Пойдем!

— Куда? — ужаснулась Елизавета.

— Нельзя же этому привидению все позволять! Мало ли что ему в голову придет... Напакостит там, все переломает...

— Хорошо, если это призрак, — пробормотала Елизавета, покорно поднимаясь. — С

призраком я еще как-нибудь договорюсь. Молитву прочитаю... А если бандит? Вряд ли на бандитов молитва действует.

— Нет, на них точно не действует, — согласилась Алиса. Чего-чего, а опыта общения с бандитами у нее было достаточно. Вокруг стояли бандитские особняки. И поэтому Алиса имела высочайшую честь быть представленной в бандитском свете.

— Тогда надо на всякий случай вооружиться. — Елизавета осмотрелась в поисках какой-нибудь достойной звания оружия вещи.

Алиса по привычке взяла свою «Эдду», Елизавета вооружилась старой лыжной палкой, и они понуро, мелкими шажками, двинулись навстречу страшной опасности, которая поджидала их за дверью дедулиной комнаты.

* * *

— Ни-ко-го...

Алисе показалось, что в интонации, с которой Елизавета это произнесла, сквозило не только облегчение, но и едва заметный оттенок разочарования.

— Тебе что, хотелось увидаться с призраком? — не удержалась она от язвительного замечания.

— Да нет, что ты, — заверила Елизавета. — Просто я думаю...

— А что тут думать, у нас обыкновенные, милые галлюцинации, — пробурчала Алиса. — Напились «Черного лекаря» — название-то какое сатанинское! — вот и стало мерещиться черт знает что... А это просто форточка брякнула. То ли дед окно не закрыл, то ли я форточку плохо заперла.

— А рожа? — с большим сомнением возразила Елизавета.

Про рожу Алиса уже успела забыть. Да и не относилась она к этой рожке серьезно: скорее всего, Елизавете она приснилась.

— Что — рожа? Ветки сплелись, а тебе кошмар снился...

— Ну, во-первых, я и заснуть-то не успела, — запротестовала Елизавета. — Я до половины третьего делилась своим сексуальным опытом. Чтобы тебя завтра наш Зевс-громовержец не сильно распинал. Потом попила чаю, покурила и собралась спать. У меня, кстати, такое ощущение, что эта самая рожа там просто сначала таилась, ждала, когда я свет выключу... Потому что стоило мне это сделать, как вот она тебе, здрасте! Явилась не запылилась!

Последнее было сказано прямо в злобное окно с таким выражением, что Алиса невольно обернулась, опасаясь увидеть рожу. Никакой рожки не было — Алисе явно не везло! Или Елизаветина рожка Алису избегала, или Елизавете это все-таки привиделось.

— А тут никакой древней чашки нет? — спросила Елизавета, оглядывая с пристрастием дедулину комнату.

— Какой древней чашки?

— Я-то откуда знаю, чего он недавно раскапывал? — ответила вопросом на вопрос Елизавета. — Скифской, например...

— А зачем тебе?

— Чаю хочу из нее попить, — сообщила она. Может, рожка эту чашку разыскивает...

— Ага, — согласилась Алиса. — Шастает у меня но саду древний скиф, потому что

дедуля выкопал его чашку! Хочет свою чашечку назад получить. Ты, Лизка, явно помешалась на своих триллерах!

— Помешалась, между прочим, не я. А ты. Потому что я никаких древних скифов в виду не имела. Эта чашка стоит наверняка бешеные деньги, и рожа хочет ее у дедули притарить — а мы ему мешаем. То ты по дому мотаешься, то я разваливаюсь на диване...

— Между прочим, это мой дом, а не его, — заметила Алиса. — Если он не древний скиф, он на нашу чашку никаких прав не имеет...

— Так чашка есть? — наседали Елизавета.

— Нет никакой чашки, — отмахнулась Алиса. — Была ночная ваза, но дедуля ее отнес в краеведческий музей... Так что пусть твой скиф там разгуливает, если у него возникла надобность в ночном горшке!

— Повесь объявление, — посоветовала Елизавета. — Может, он от нас отстанет?

— Лиза! Никто тут не ходит! — взорвалась раздраженная Алиса. — Просто мы с тобой природы художественные, склонные к фантазиям... — Алиса остановилась. Голос звучал громко, но неубедительно.

— Ну конечно, — кивнула Елизавета. — Я же не протестую. В конце концов, это твой дом, твой дедуля. Я даже могу героически посторожить тебя, пока он не вернется из своих исторических скитаний.

— Ты настоящий друг, — обрадовалась Алиса. — А то тут одной и впрямь неуютно... Ладно, — нашла она соломоново решение. — Давай наши споры оставим на утро. Завтра вставать рано, то есть вставать нам уже сегодня и легче совсем не ложиться...

— Ну уж нет, — отрезала Елизавета, — то я твою Мидленд обучаю сексу, то мне в окно рожи заглядывают, теперь ты предлагаешь до утра какие-то бдения устраивать! Спать я буду, пускай и микроскопически мало. Единственное, что я тебе хочу предложить, — давай ляжем в одной комнате. А в другой свет включим!

На этот раз Алиса ничего возразить не могла. Предложение Лизы показалось ей вполне разумным и заслуживающим внимания.

Так они и сделали: Елизавета перебралась к Алисе, в дедулину комнату, а в Алисиной комнате оставили включенным свет. Елизавета подумала и включила на полную мощность приемник, а занавески плотно задернула.

— Пускай он думает, что спать мы вообще не собираемся, — зловредным голосом проговорила она. — Собрались две подруги и развлекаются по полной программе... Вино пьют, музыку слушают. Вспоминают былые времена, когда небосклон был чист и светел и все бандиты сидели по тюрьмам. Не дождется он, когда мы уgomонимся и дадим ему возможность украсть нашу скифскую вазу! И потом — с радио нам не страшно... Там музыку веселую передают...

Засыпать они должны были под музыку из «X-файлов», которая не замедлила явиться, подобно призраку, и придала «ночи кошмаров» еще более загадочный и мрачный оттенок. Алисе стало немного не по себе, и она жалобно взглянула на Елизавету.

— Сейчас, — вздохнула Елизавета и перевела приемник на другую волну.

Раздался жуткий собачий вой. Алиса вздрогнула и прошептала:

— Собака Баскервилей...

— Что? У вас тут и торфяные болота неподалеку имеются? — ужаснулась Елизавета.

— Да нет, это микс на музыку из фильма... Я под нее точно не засну! От этой мелодии мне не по себе...

Алисино воображение немедленно нарисовало в окне морду, на сей раз собачью, с горящими глазами и зубами, и она вскрикнула. Лиза чертыхнулась, встала, прошлепала в соседнюю комнату, перевела приемник на какую-то станцию, специализирующуюся на отечественной попсе, и убавила громкость.

— Ради твоих драгоценных соседей со слабыми нервами, — проворчала она, устраиваясь рядом с Алисой. — Хотя, если подумать, именно рожа одного из твоих соседей и мелькала намедни в моем девичьем окне...

— Уверяю тебя, милочка, — шептал Король, — я так испугался, что похолодел до самых кончиков бакенбардов.

— Но у тебя нет бакенбардов, — возразила Королева.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

...«И почему мне снится дедуля? Ума не приложу... Может быть, я скучаю по нему — ведь никто не мог меня понять так, как дедуля!» Сначала Алисе снилось, что ее приковали к компьютеру толстяки и требуют, чтобы она немедленно дописала роман, причем весь он должен стать порнографическим. «Вы бы, Алиса Игоревна, не сопротивлялись, — ласково шептал, зловеще сверкая очками, ведущий редактор. — Вам бы все королеву из себя изображать, а надо быть проще... Место ваше, Алиса Игоревна, на полу, а не на троне». Алиса пыталась возразить, что она, конечно, не мнит себя королевой, но и на полу ей делать нечего. Потом возникла откуда-то секретарша в новом костюме из бутика и, презрительно скосив глаза на Алису, елейным голосом протянула: «У вас оттого сексуальные сцены не получаются, Алиса Игоревна, что вы мало смотрите порно. Хотите, я включу вам видеомэгнитофон?» — «Нет!» — закричала Алиса, пытаясь закрыть глаза от ужаса. Потом она все-таки попыталась найти выход, но быстро поняла — глаза лучше не открывать. Выбраться из подземелья, в которое ее поместили, она не могла. Слезы тоже находила занятием глупым и бесполезным, поэтому обдумала свое положение и пришла к выводу, что без молитвы ей выбраться из этого паршивого сна никак не удастся. Это дедуля научил Алису выбираться из ночных кошмаров с помощью коротеньких молитв. Ответ последовал незамедлительно: в темном и сыром подземелье вдруг все осветилось ярким неземным светом, и появился дедуля — один к одному Даймон Хилл, только в волосах побольше седины.

— Я же тебе говорил, — укоризненно сказал дедуля, — не связывались бы с Елизаветой с бесенятами, было бы лучше для вас!

— Но деньги-то, дедуля, — запротестовала Алиса. — Жить нам нужно?

— Вот оставлю тебя в этих веригах, — ворчал дедуля, освобождая внучку из цепей и кандалов. — Раз тебе жить нужно... Лучше уж газетами торговать, чем данным тебе талантом!

— А если у меня его нет?

— Тогда не пиши, — нашелся дедуля. — Сиди дома и людям голову не морочь!

Под известное ворчанье дедуля быстро вывел Алису на свет божий, и она ахнула.

Зеленые луга мягко блестели под утренним солнцем, вдалеке был виден лес, в краях, куда ее вывел дедуля, всю властвовало лето.

— Где мы? — спросила Алиса, оглядываясь по сторонам.

— В Ирландии, — ответил дедуля невозмутимо. — От твоих толстяков только в Ирландии спасешься... Теперь вот думай, как нам отсюда домой добраться, а то у меня в шесть вечера служба.

Алиса выбираться из райского местечка совершенно не хотела.

Но обстоятельства были сильнее снов. Даже в эти ирландские края настойчиво доносился пронзительный зов надтреснутого будильника, как вой пресловутой собаки Баскервилей с торфяных болот.

* * *

За окном сияло солнечное утро, как будто и не было накануне ливня и штормового ветра. Елизаветы в комнате не было, а из кухни доносились тоскливое пение о Джеми, запах кофе и поджаренных яиц. Памятуя о том, как негативно относится Елизавета к плите, Алиса подскочила, в ужасе представив себе, что может произойти с газом, если к нему прикоснется Лизок, но вспомнила про электрическую плитку и успокоилась. Вряд ли ее подруга решится на неслыханный подвиг ради Алисы. Скорее всего, Елизавета по своей милой привычке эксплуатирует электричество.

— Ты шутил со мною, милый, ты со мной лукавил, — предъявляла Елизавета вокальные претензии нечестному парню Джеми. — Клялся помнить до могилы, а потом оставил, Джеми...

Получалось у нее трогательно и задушевно, как будто она взывала о помощи, и Алиса не сомневалась, что к помощи она взывает именно Алисиной.

Алиса посмотрела на часы, пытаясь найти зацепку для своего нежелания вставать: а вдруг вставать еще рано?

Но — нет! Часы безжалостно показывали половину девятого утра, встреча с начальством была назначена на половину одиннадцатого, так что времени оставалось мало. Алиса вскочила с кровати.

«Черт возьми, — горестно подумала она, — и почему перед встречей с любимым начальством мне непременно выпадает бессонная ночь и мерещатся кошмары, в которых именно начальству отводится центральная роль?»

* * *

И в хорошие времена, после мирных и спокойных ночей, Алисе казалось, что она выглядит с утра отвратительно — волосы растрепанные, в глазах немой испуг перед наступающим днем, да и проснуться без холодной воды и чашечки кофе она не могла. Так что перед появлением на кухне, дабы и без того напуганная ночными «фантомасами» Елизавета, узрев сомнамбулу, не упала в обморок, Алиса зашла в ванную.

Зажмурившись, так как из предыдущего опыта она прекрасно знала, что увиденное в зеркале с утра способно лишить на весь день уверенности в себе, она безжалостно окунула лицо в полные пригоршни ледяной воды и претерпела великие мучения — в доме было холодно, но только после этой жестокой процедуры Алиса рискнула открыть глаза и посмотреть в глаза «жестокой правде», то есть отражению.

Она удивилась... «То ли мне полезны всяческие катарсисы с ужасами вперемешку, то ли мне вредно много спать», — подумала она. После кошмарной ночи, посмотрев в зеркало, Алиса впервые осталась почти довольна увиденным. Даже с волосами было все не так безнадежно — легкий, лирический беспорядок, придающий лицу некоторое своеобразие.

«Может быть, мне их просто распускать по плечам? Не пытаться распрямить эти отвратительные кудряшки, а позволить им вольности? Если их хозяйка превыше всего ценит свою свободу, то почему бы и им ее не предоставить?»

— Ты скоро? — начала терять терпение Елизавета.

— Сейчас, — пообещала Алиса. — Зубы почищу...

Елизавета что-то хмуро проворчала и ушла назад, на кухню.

— И все-таки интересно, — пробормотала Алиса, продолжая изучать себя в зеркале. — Глаза прямо-таки сияют, кудри выются, улыбка на губах... Может быть, эта страшная рожа в окне у Елизаветы была какой-нибудь доброй старушкой феей?

Эту мысль она поспешила высказать подруге, когда, покончив с умыванием, появилась на кухне.

— Ага, — задумчиво сказала Елизавета, после того как пристально оглядела Алису с ног до головы. — Добрая. Добрее не бывает... — И как-то не совсем вежливо хмыкнула. Сама она пребывала в состоянии мрачной задумчивости и озабоченности.

— Честно говоря, не понимаю твоей иронии, — заметила Алиса. — Может быть, я не стала такой красавицей, как Шарон Стоун, но и на себя я тоже не похожа...

— Ну да, — снова согласилась Елизавета, выражение лица у нее было препаскуднейшее. — Ты на себя и вправду сегодня совершенно не похожа. Из-за той доброй старушки с мерзкой рожей... Я всю жизнь наивно полагала, что старушки феи обладают приятными лицами. Странно...

— И что тебе странно?

В Алисе закипал гнев. Теперь понятно, почему у нее такой внушительный комплекс неполноценности! С такими подругами, как Елизавета, чего еще ждать? С их отвратительной иронией нужно спрятаться дома, чтобы никого не пугать!

— Да я вот думаю: потрясения сегодня ночью достались мне, а крыша поехала у тебя, — закончила глубочайшую мысль Елизавета. — Я остаюсь спокойной, трезвомыслящей, а тебе в голову приходят какие-то далекие от реальности идеи... Что ты вроде бы теперь и не ты вовсе, а кто-то совсем другой. И феи к тебе в окна заглядывают...

— Галлюцинации, между прочим, были не у меня, — огрызнулась Алиса.

Елизавета вытянулась и уставилась на Алису, округлив глаза. «Как кошка в минуты праведного гнева», — пришло на ум Алисе.

— А у кого в сумерках призраки шлялись по дому? — тихо и зловеще спросила Лиза, собравшись с силами. — Я, между прочим, никаких постукиваний и поскрипываний не слышала!

— Слуховые галлюцинации нормальны, — возразила Алиса. — Не то что зрительные... Тем более что дедуля и впрямь забыл закрыть окно как следует... Правильно — когда он уезжал в свой Никополь, была жара в тридцать градусов. Он же не мог догадаться, что так резко настанут холода!

Они взглянули друг на друга, и ссориться им совершенно расхотелось. Какой смысл в ссорах, когда становится холодно и надо сбиваться в комок, чтобы было теплее? Конечно, ссориться они с Елизаветой любили с детства, с возрастом у них эта охота не отпала.

Сразу сдаваться Алиса не стала — она проворчала:

— Могла бы сказать доброе слово. Я сегодня отчего-то на себя не похожа...

— Конечно, кто же после такой ночи останется похожим на себя? — меланхолично отозвалась подруга. — Удивляюсь, что мы еще не утратили способности разговаривать и

улыбаться...

Она была целиком погружена в занятие, важнее которого ничего не было, — приготовление кофе по-занзибарски было важнее даже подруги...

— А может быть, мы вчера вечером зря пили вино? — предположила Алиса. — Пошли слуховые и зрительные глюки... Мы впали в экстатическое состояние!

— Ты что, подмешала туда наркотики? — усмехнулась Елизавета. — Честное слово, Павлицева, твоя наивность меня иногда потрясает! Вот сколько лет живу с тобой бок о бок, но не перестаю удивляться, как это тебе удалось так замечательно сохраниться в нашем жестоком мире...

— Ладно, ты права, — выбросила Алиса белый флаг. — Я наивная. А ты умная...

— Угу, умная... Особенно когда ты говоришь это таким тоном... — фыркнула Елизавета.

— Ты умная, — заверила подругу Алиса. — И кофе у тебя получается замечательный... Это я недотепа. За что ни возьмусь — все из рук валится. И потом — у меня язык как-то неправильно пристроен. Вечно я ляпну что-нибудь этакое, сама знаешь! Сначала говорю, потом думаю...

Елизавета сообщила Алисе, что с ней происходит то же самое.

— Главное, чего я никак не могу понять, это отчего все мои дурацкие мысли исчезают, стоит только твердо решить поработать? — делилась она с Алисой наболевшим. — Вот ни словечка в голову не придет, сижу и пялюсь на пустой экран. Или наоборот — такая заумь вдруг выплеснется, прямо как у писателя-авангардиста! Я даже подумываю все это записать и отправить на Букеровскую премию...

— Может быть, тебе что-то такое написать, — предположила Алиса. — Авангардистов почему-то ужасно уважают!

— Ну и пусть себе уважают, — отмахнулась Елизавета. — Мне больше нравится писать страшилки... Хотя Букеровская премия мне тоже нравится. Двенадцать тысяч баксов — это не шутки. Можно потом целых два года ничего не писать. Лежать на диване, как все нормальные женщины, и смотреть в телевизор... — Ее лицо просветлело, на губах появилась мечтательная улыбка. — Ах, до чего неплохо было бы получить Букеровскую премию, — прошептала она. — И почему это ее не хотят давать авторам страшилок?

Лучше бы она не вспоминала о своих страшилках! Алиса посмотрела на часы — и подпрыгнула.

— Черт! — вырвалось у нее. — Времени-то почти не осталось, кстати, о страшилках... Надо двигаться со всей возможной быстротой, а то мой дальнейший жизненный путь Паршивцев усеет шипами!

— Не забудь дискету с моим сексуальным опытом, — напомнила Елизавета.

— А ты? — Алиса надеялась, что Лиза все-таки составит ей компанию.

— Нет уж, — отмахнулась от возможности совершить еще один подвиг Елизавета. — Мне туда не надо. Лучше я тебя подожду дома... Я вот тут думала: что страшнее, уборка или Паршивцев с компанией?

— И к какому выводу ты пришла? — поинтересовалась Алиса, закалывая волосы на затылке.

— Слушай, Павлицева, тебе обязательно забирать волосы в этот ужасный кукиш? — возмутилась Елизавета. — Мне кажется, ты с утра была вполне довольна своей внешностью...

Алиса тут же представила тактичное недоумение Паршивцева, который был приверженцем порядка, и решила, что красотой, как всегда, придется пожертвовать.

— Никаких но, — решительно возразила Елизавета. Она поднялась и, выдернув шпильки, распустила неуправляемые кудри Алисы по плечам. — В конце концов, может быть, именно сегодня в твоей жизни наступят коренные изменения, а ты из-за нашего Зевса окажешься к этому не готова, и Судьба пройдет мимо.

— Может, пускай проходит? — с сомнением спросила Алиса. Трех толстяков она боялась куда больше, чем равнодушия Судьбы.

Но разубеждать Елизавету у Алисы не было времени. Она вывела из гаража старушку «берни» и тут же удостоверилась в глобальной неправоте подруги.

Судьба сегодня совершенно не собиралась ее баловать!

Неприятные сюрпризы начались сразу. В соседнем дворе возился со своим «фольксвагеном» Леха. Вообще-то у Алисы со всеми окружающими бандитами были добрые отношения, а с Лехой всю жизнь даже дружеские. До своего перехода в мафию Леха был автомехаником, и тем, что старушка «берни» все еще не утратила способности двигаться, Алиса была обязана именно ему.

Проезжая мимо, Алиса помахала Лехе рукой и одарила его самой дружелюбной улыбкой. И что? А ни-че-го...

Леха не спросил, как «берни». Он вообще не отреагировал на приветствие. Только странно и недружелюбно покосился в ее сторону и пробормотал, предварительно сплюнув под ноги:

— Привет...

Ну что ж. Может быть, и права Елизавета — бандиты люди очень неуравновешенные, и понять их нормальному человеку практически невозможно.

Мало ли, в конце концов, какие у парня проблемы... Может быть, ему сейчас совсем не до Алисы!

Алиса успокоила себя рассудительными и благоразумными мыслями и поехала дальше.

Поселок, в котором они жили, славился на всю округу красивыми домами. Дом Павлицевых резко отличался от окружающих храмин не в лучшую сторону. Хотя если подумать, то это у них была храмина. У соседей были хоромины... К изыскам окружающего ландшафта Алиса уже привыкла, как и к физиономиям тех, кто в этих хороминах селился. У каждого, в конце концов, свое лицо. Алиса же предпочитала ценить в людях «лицо внутреннее». Конечно, приходилось признать, что у Алисиных соседей с этим самым внутренним лицом обстояло даже хуже, чем с внешним.

Вообще-то раньше 9-я Дачная в черту города не входила. Поэтому добраться отсюда до центра было довольно трудно без машины, а издательство находилось как раз в центре, поэтому родители отдали в Алисино пользование старенькую машину. Мама, правда, долго не могла поверить, что Алиса сумеет ее водить, и страшно нервничала, если дочь садилась за руль. Алиса и сама долгое время нервничала, а если честно, не перестала этого делать и сейчас.

Тем не менее благодаря вечной истерии за рулем она отвлеклась от всяческих неприятных мыслей и была вынуждена следить за дорогой. Алиса уже выехала из «тихой бандитской обители» и катила по шоссе.

Может быть, поэтому она не сразу обратила внимание на этого типа?

То есть внимание-то она обратила: он стоял прямо у выезда из поселка и был

непозволительно хорош собой. У Алисы было очень развито эстетическое чувство, а красивые мужчины в родных пампасах встречались чрезвычайно редко, так что единственный знакомый Алисе красавец приходился ей дедушкой. Поэтому Алисино внимание сфокусировалось на незнакомом типе независимо от нее. Тот стоял, подозрительно равнодушный к окружающей его среде, и курил.

Особенно хороши у незнакомца были глаза — такие серые, глубокие, мечтательные. Отчего-то именно его глаза Алисе и запомнились больше всего.

Она остановила «берни» и распахнула дверцу.

— Я могу вас подвезти, — предложила Алиса. В конце концов, для каких-то целей он стоит на обочине?

— Куда? — поинтересовался незнакомец, рассматривая ее с откровенным любопытством и легкой насмешкой.

— В центр.

— Мне не надо в центр, — улыбнулся красавец вежливо и холодно. — Спасибо.

Мысли, одолевшие ее, были настолько неприятны, что она обрадовалась, увидев перед собой величественное серое здание, где располагалась не только приемная губернатора, но и маленькое издательство с гордым названием «Экслибрис».

Поднявшись по громоздкой железной лестнице, Алиса повернула налево, потом еще раз налево — издательство пряталось от нескромных глаз в глубине лабиринта. В курилке под пожарной лестницей кто-то был — Алиса прищурилась и нагнула голову, чтобы увидеть, кто там — может быть, редакторша Оля? Общаться с редакторами ей нравилось намного больше, чем с компанией боссов.

— Павлицева! Привет...

Ромик стоял прямо по курсу, то есть преспокойно курил и загадочно улыбался. Когда он так вот улыбался, у Алисы рождались самые худшие подозрения относительно ее будущего. Будущее приготовило тебе «сюрприз», злорадно сообщала Ромикова ликующая физиономия.

— Здравствуй, Ромик, — сказала она, пытаясь придать физиономии дружелюбное выражение.

— Вид у тебя, Павлицева, какой-то...

Ромик задумался, подыскивая Алисиному виду подходящее определение. Думал он долго. «Наверное, такой у меня внешний облик сегодня, — подумала она, — что даже болтуну Ромику не удастся найти слов».

— Какой? — поинтересовалась Алиса, поскольку ожидание начало ее утомлять.

— Словно ты всю ночь предавалась разврату с конюхом, — наконец объяснил Ромик.

— Почему с конюхом? — удивилась Алиса, пытаясь припомнить, какая профессия была у Элайзинога Роберта в последнем «изыске» госпожи Мидленд-Павлицевой. Кажется, он был то ли графом, то ли герцогом, но уж никак не конюхом!

— Потому что ты вся изрядно помялась, — объяснил Ромик.

Алиса подумала, что теперь ей точно следует обидеться, но, решив, что Ромика весьма трудно отнести к разряду умных людей, а на неумных обижаться глупо, великодушно простила хамство.

— Ну и ладно, — сказала она. — Что нового в наших пенатах?

— Да все как обычно... Возле кассы ждут ананасы, народ ропщет, что расценки ниже,

чем в «Карате», и грозитя убежать туда. Открылось еще одно агентство, там нужны авторы, но мне там не показалось... Как-то, Павлицева, там сурово. Девочек даже покурить выпускают под расписку... Просто концлагерь. А платят всего ничего — двести в неделю, с одним выходным. А, прости... Тебя ждет Мерзавцев, — мерцая радостью, как новогодняя гирлянда, сказал Ромик.

— Сейчас я все отдам, — пообещала Алиса, решив, что Мерзавцев ждет ее текст.

— Он имеет больше тебя и в милостынях не нуждается, — попытался пошутить Ромик.

— Даже в несравненной Элайзе?

— Да в ней-то все и дело! — порадовал Алису Ромик. — Там какие-то умопомрачительные новости, и он уже с половины девятого выскакивает из кабинета, как кукушка из часов, требуя срочно представить ему тебя — живую или мертвую!

— Господи! — испугалась Алиса. — Лучше уж я представлюсь ему живой. Я еще никогда не была мертвой, не думаю, что мне это понравится!

Приятная перспектива, обещанная ей Ромиком, пригвоздила Алису к месту. Если за минуту до этого сообщения она собиралась открыть дверь и войти в «святая святых» нашей «изящной словесности», теперь ее планы изменились.

— Дай сигарету! — попросила она.

Ромик протянул полупустую пачку «Честера», Алиса закурила и с тоской посмотрела на длинный коридор, в глубине которого, за мрачной дверью, ее не ожидало ничего хорошего. «Если наш босс разыскивает меня с раннего утра и требует меня в виде трупа, лучше сразу развернуться и уйти», — подумала она. Но ее желания, как всегда, не выдержали испытания реальностью. Конечно, деду носили в храм на помин и хлеб, и яйца на Пасху, да и зарплату ему платили — маленькую, конечно, но скромно прожить можно. Дед курение не одобряет, поэтому на сигареты внучке денег давать не станет. Кроме того, исторически так сложилось, что Алиса может нормально заработать только в этом чертовом издательстве.

— И почему он так разозлился? Я же все закончила.

— Да он не был злым, — успокоил ее Ромик. — Скорее он был встревоженным. И взволнованным. Кстати, как твой дедуля? Приехал со своей иконой?

— Да нет еще, — отмахнулась Алиса. — Торчу одна в пустом доме, а сегодня еще всю ночь писала эту жуткую Мидленд...

— Призраки пугали? — спросил он.

— Если только несравненной Элайзы и ее Роберта, — удивилась Алиса Ромиковой прозорливости. — Меня пугала тишина, Ромик. Понимаешь, со мной что-то происходит. Надо, чтобы кто-то за стеной кашлял или храпел... Или распевал романсы. А тишина наводит на меня ужас, мне мерещатся разные глупости или в голову приходят какие-то кошмары...

— Замуж тебя пора выдавать, Павлицева, — ответил Ромик. — Непосильное бремя целомудренного одиночества начинает давить тебе на мозги...

— Да вот уж и нет! — возмутилась Алиса. — На мозги мне эта Элайза давит, а не одиночество!

Он пожал плечами:

— Как знаешь... Я дал рекомендацию, а уж принимать лекарство или нет — дело умирающего.

Зевс-громовержец, или грозный Фатум, поджидал Алису в своем кабинете. Кабинет был огромный, а Зевс-Фатум маленький. Поэтому у Алисы иногда рождались в голове подозрения, что, когда Мерзавцев остается один, он вальсирует. Алиса даже представляла себе, как это выглядит: он снимает с носа очки, включает Штрауса и танцует, танцует, танцует — с таким упоением и страстью, словно этот танец — последний в его жизни. Только и мелькают в воздухе его маленькие ручки и острые ко...

Вот о коленках она вспомнила зря. Коленки у нее дрожали, и начитавшийся любовных романов Мерзавцев запросто мог это истолковать неправильно. Как признак Алисиной страсти. Она сжала кулаки и попыталась по Елизаветинному методу внушить себе безграничное спокойствие и уверенность в собственных силах.

— Здравствуйте, — пролепетала Алиса и протянула Мерзавцеву дискету, пытаясь вообразить, что дискета на самом деле огромная и ей можно защититься, как щитом.

— Здравствуйте, Алиса, — кивнул Мерзавцев. Теперь он смотрел прямо на нее.

Алисе казалось, что он видит все тайные движения ее души, таким пронизательным был его взгляд. «Вот, — говорил его пронизательный взор, — протягиваешь ты мне дискету, Павлицева, и думаешь, что я ни о чем не догадываюсь? Сидели вы вдвоем с Березкиной, и Березкина писала этот текст за тебя... Меня не обманешь!»

Чтобы отвлечь его от такого внутреннего монолога, Алиса спросила:

— Вы хотели меня видеть?

Он кивнул, загадочно усмехнулся и уставился прямо на Алисины невоспитанные коленки. «Ну все, — тоскливо подумала она. — Теперь он точно заподозрит меня в плохих намерениях...»

— У нас большая радость, Алиса, — сообщил он отчего-то печальным голосом. — Да вы присаживайтесь, присаживайтесь... Не стойте. Что вы там замерли, как истукан?

Она положила перед ним дискету и села на краешек огромного кресла.

— Так вот, Алиса, у нас с вами большая радость, — повторил загробным голосом Мерзавцев. — Потому что завтра к нам приезжает... Догадайтесь, кто?

Конечно, она сделала вид, что пытается догадаться. Но ее умственные способности после ночного подвига были ниже среднего, поэтому Алиса честно поморщила лоб, поворачивала глазами и развела руками.

Он довольно улыбнулся и торжественно объявил:

— Госпожа Мидленд, Алиса... Да-да, она решила нас посетить. Госпожа Сара Мидленд собственной персоной!

Эта новость Алису оглушила. Сначала она даже решила, что босс просто тронулся в рассудке или ему приснился сон, которому он поверил, как дитя. Приснилось бедному Александру Валериановичу, будто и в самом деле где-то в графстве Суссекс, Великобритания, в маленьком доме с черепичной крышей, проживает тихая, задумчивая дама в седых буклях, которая для того, чтобы скоротать время между возделыванием грядок, пишет женские романы.

— Какая госпожа Мидленд? — поинтересовалась Алиса.

— Обычная, обычная, — растянул Мерзавцев пухлые губы в подобие улыбки. «Все-таки прав был дедуля, — неожиданно подумала Алиса. — Физиономии у них тут и в самом деле

немного бесовские... Глаза вроде бы хорошие, а внутри сидит хитрость. Или мне это кажется?»

— Если вы имеете в виду обычную госпожу Мидленд, я не имею к ней никакого отношения, — мягко сказала Алиса, поскольку при очередном взгляде на лицо Мерзавцева она утвердилась в мысли, что он просто помешался. — Вы же сами мне говорили, что госпожи Мидленд... То есть именно САРЫ МИДЛЕНД нет в природе...

Он сокрушенно покачал головой, вздохнул и пробормотал так тихо, что Алисе пришлось изрядно поднапрячься, чтобы что-то расслышать:

— Видите ли, Алиса, историческая реальность требует от нас предъявления Сары Мидленд... Поэтому она приезжает в нашу страну, чтобы дать несколько интервью, встретиться с читателями и таким образом полностью развеять гнусные инсинуации желтой прессы, постоянно пишущей, что мы шарлатаны, придумавшие несуществующую писательницу...

Алисе речи Мерзавцева показались безумными, — она-то прекрасно знала, что Сара Мидленд существует только в ее воображении. Собственно, так же, как и Елизаветина мадам Зырянская.

— Подождите-ка, — попросила Алиса Мерзавцева. — Когда мы поступили к вам на работу, вы сказали, что наши дамы придуманные... Их же нет в природе! Откуда явилась эта ваша Сара? Кто она такая?

— Она очень хорошая женщина, — обрадовал Алису Мерзавцев.

Алиса собиралась усомниться в ее высоких душевных качествах — вряд ли можно было назвать «хорошим» человека, позволяющего кому-то другому работать вместо него. Поставив себя на место этой «хорошей женщины», Алиса представила, как бы ей это не понравилось. «Вот, — подумала она, — я узнала, что мою фотографию наклеили на обложку, а книга оказалась бестселлером... Но я-то знала бы, что это написано не мной!» Разве это честно? Вслух Алиса ничего сказать не решилась. Ее остановило осознание того факта, что Мерзавцев Алису не поймет. Он живет в совершенно другом мире, и Алисины слова в лучшем случае покажутся ему глупыми.

Поэтому она стояла, тупо рассматривая краешек носа Мерзавцева. Не то чтобы у него был особенный нос, просто нос был выдающейся частью его лица, исключая, конечно, очки, а Алисе надо было сосредоточиться, чтобы прийти в себя.

Мерзавцев дождался восторженной реакции, а когда до его сознания дошел факт, что ликования не будет, немного приуныл.

— Сара Мидленд, — зачем-то снова повторил он с ранее несвойственной ему просительной интонацией.

Алисе даже стало его жалко — обычно-то он разговаривает совсем по-другому. Поэтому она выдавила из себя улыбку, искренне надеясь, что улыбка выглядит натуральной. Но, увы! Мерзавцеву от Алисиной гримасы стало явно не по себе.

— Ну-ну, — пробормотал он, нервно постукивая по столу указательным пальцем. Потом снова посмотрел на Алису и решительно изрек: — Однако, каковы бы ни были наши с вами эмоции по этому поводу, Алиса Игоревна, а едет госпожа Мидленд именно к нам, и более того — к вам в первую очередь!

— Ко мне?

Теперь Алиса окончательно поверила Мерзавцеву. Она была склонна верить в полный бред. К тому же у Мерзавцева, которого Алиса знала достаточно долгое время, никогда не

было склонности к фантазиям. Иногда ей казалось, что он и с писательской братией связался исключительно из мрачного чувства зависти, так что не могла она его заподозрить во вранье! ,

Только вот с какой же радости несравненная Элайза решила посетить именно Алису?

— То есть прямо ко мне, в мой дом? — переспросила Алиса.

— Да. Госпожа Мидленд хочет испытать все тяготы простых русских, — снисходительно объяснил Мерзавцев. — То есть жить в простом доме, пользоваться общественным транспортом, короче, пожить нашей с вами жизнью... Как она мне объяснила, это связано с ее творческими планами.

«Или ей нужен переводчик... Переводчик, который лучше ее знает, что творилось с глупой Элайзой в романах», — подумала Алиса с горькой усмешкой.

— Алиса, вы ее переводчик, — терпеливо принялся объяснять Мерзавцев, подтверждая своими словами ее опасения. — Вы ей нравитесь. Она хочет с вами познакомиться... Когда вы устроились к нам, Сара Мидленд стала меняться в лучшую сторону. Книжки начали раскупаться, Алиса! И Сара признала, что ваши... «переводы» ей нравятся больше всех других! Это же такая честь!

Он прижал свои маленькие кулачки к груди и посмотрел на Алису с таким умилением, что она невольно вздрогнула, — словно тень славы Сары Мидленд коснулась ее чела, от высоты момента перехватило дыхание, а члены обьял сладкий трепет!

«Значит, сегодня ночью в моем доме буянила Сара Мидленд, — подумала она. — Вот вам и фантом обнаружился! Возможно, она явилась не одна, а с моими любимыми героями. То есть с Элайзой и Робертом. Кстати, о этой парочке... Может быть, стоит в следующей книге Элайзе приискать нового любовника? Скажем, стриптизера. Сейчас они вошли в моду».

Она не слышала, что говорил Мерзавцев — обдумывала новый сюжет. Мерзавцева ей удалось «выключить», и он шевелил губами, как диктор новостей, когда в телевизоре вырубает звук.

— Вот такие дела, Алиса... — удалось еще услышать ей, когда она вернулась на грешную землю с не менее грешных небес.

— Простите, — сказала Алиса. — Вы ничего не путаете? Сары Мидленд нет... Есть я Алиса Павлицева. Какие могут быть встречи с читателями?

Секунду назад добродушные глазки Мерзавцева сверкнули злым огнем.

— А-ли-са! Как вы не понимаете? Если люди узнают, что наших писателей нет, книги не станут больше покупать, нам придется платить неустойку... Да что говорить! Мы просто закроемся, и вы перестанете получать гонорары... На что вы будете жить? Мы-то найдем, как заработать денег, а вот вам будет трудно!

Вопрос «на что я буду жить» Алису сейчас не занимал. Ее словно ударили током, и она не могла прийти в себя.

— Хорошо, — снова заговорила Алиса. — Если надо кого-то предъявить вашей публике, почему надо предъявлять заезжую иностранку? Предъявите публике Елизавету, Ольгу, меня, наконец! Раз уж, как вы говорите, на нас наезжает пресса, может быть, пора начать играть честно? Когда я пришла сюда, вы обещали, что я только три года проработаю под чужим именем, а потом вы мне поможете!

Мерзавцев сидел задумавшись, постукивая карандашиком по столу.

— Как вам объяснить, Алиса? Ваши идеи очень оригинальны... Но у вас нетипичное

лицо. Надеюсь, с этим вы спорить не будете. Мы заинтересованы в том, чтобы книги раскупались. Представьте себе — идет женщина с базара, в руках тяжелая авоська, она очень хочет почитать что-то на ночь. Остановившись у прилавка, задумчиво смотрит на книги — и видит там ваше лицо... Или, упаси господи, лицо вашей подруги Елизаветы. Что она испытывает при этом, как вы думаете?

Алиса вспомнила вальяжную Авдотью Зырянскую и подумала, что, если это мясистое лицо с маленькими глазками, заплывшими жиром, и отвратительными бульдожьими щеками находят привлекательнее их физиономий, дело плохо!

— Глубочайшее отвращение, — вздохнув, заметила она. — Их просто тошнить начнет от наших уродливых лиц!

— Дело не в красоте, — не заметил иронии Алисиного высказывания Мерзавцев. — Просто эти женщины хотят увидеть автора, похожего на себя... «Если она смогла такое закрутить, то и мне по силам», — думают они и покупают книжки. Вы для них, простите великодушно, представительницы того самого класса, к которому они привыкли относиться с предубеждением. Интеллигенция...

Алиса продолжала молчать. В голове было полно мыслей, только вот высказать она их не могла — дедуля не одобрил бы такого потока нецензурщины.

— Александр Валерианович, — наконец промолвила Алиса. — Может быть, вы тогда сами займетесь Сарой Мидленд? Мне надо писать, и еще — скопилось много дел... К тому же мне ее нечем кормить. У меня в связи с дедовым отсутствием одна геркулесовая крупа! Это у нас дед — личность хозяйственная, а я совершенно не приспособлена к реальности! Не стану же я мучить несчастную «писательницу» своей быстрорастворимой овсянкой!

Напрасно она иронизировала. Мерзавцев к Алисиным упражнениям в остроумии отнесся совершенно спокойно, он сказал:

— Ничего страшного, Алиса, сейчас я позвоню Надежде Ивановне, она выдаст вам аванс, и можете отправляться домой. Наша гостья прибывает послезавтра, и вам надо подготовиться к ее приезду...

— Хоть какие-то плюсы есть в ее приезде! — сказала Алиса. — Аванс наконец-то дадите... Правда, насчет «тягот простых русских»... Может, не надо мне особенно готовиться? Деньги лишними не бывают. Да и сможет ли чувствительная англичанка вынести достойно эти самые «тяготы»? Или эта англичанка — из Ершовки?

— Почему из Ершовки? — нахмурился Мерзавцев.

— Не знаю, — беспечно улыбнулась Алиса. — Вам лучше знать, почему у нас все секретарши, менеджеры и прочий обслуживающий персонал — из Ершовки. Может быть, в нашем городе не дают такого хорошего образования, как в Ершовке. Или у вас что-то связано с этим поселком...

Мерзавцев насупился. «Что-то ты слишком осмелела, Алиса, — испугалась она. — Нельзя напоминать человеку про тайные пороки — сколько раз тебя учил этому дедуля?»

— Мне ее встречать в аэропорту? — спросила она, чтобы загладить собственную невоспитанность.

— Нет, нет... Я же сказал: госпожа Мидленд хочет жить как мы с вами. Она прибудет на автовокзал...

— Из Ершовки, — снова не удержалась Алиса и прикусила язык. Что это с ней сегодня?

Мерзавцев ничего не ответил, только окинул ее долгим, выразительным взглядом, демонстрирующим безграничную усталость от таких вот невоспитанных девиц, как Алиса

Павлищева. Хотя, на Алисин взгляд, ему повезло. Если бы читающая публика возымела желание увидеть Авдотью Зырянскую, пришлось бы бедному Мерзавцеву иметь дело с Елизаветой!

Алиса поднялась с кресла. Обсуждать, почему госпожа Мидленд хочет пожить ее жизнью, было занятием явно глупым — она же «пишет» эти книжки. А Мерзавцев... Сколько Алиса себя помнила, никому еще никогда не удавалось выжать из него что-либо путное, кроме общих, ничего не объясняющих фраз. Поэтому она встала и направилась к выходу. Но Мерзавцев внезапно остановил ее в дверях:

— Да, Алиса... Если будет нужна помощь, не стесняйтесь... Как тяжело живет наша творческая интеллигенция, я прекрасно знаю. Мы можем увеличить вашу ставку. На триста рублей. Кажется, давно пора это сделать! Так что зайдите к Надежде Ивановне. Я сейчас ей позвоню, она во всем разберется.

Его глаза были невинны, как у ребенка, не понимающего, почему во взоре матери, поймавшей его за «нехорошим занятием», такое сердитое лицо.

Может быть, Мерзавцев и в самом деле ничего не понимал?

* * *

В предбаннике перед заветной дверью Надежды Ивановны томились в ожидании авансов «сеятели». «Сеятелями» их обозвала Елизавета, относящаяся к коллегам с легкой долей иронии.

— Вы к Надежде Ивановне? — спросила Алису секретарша.

Секретарш вывозили с исторической родины Надежды Ивановны, то есть из села Ершовка, поэтому девицы были все как на подбор «прекрасные пейзажки» с вытекающими последствиями в виде округлых щек, плавных и пышных форм и наивных, радостных взглядов. Впрочем, и сама Надежда Ивановна, заодно обучающаяся в вечернем техникуме сантехнической направленности, начинала с секретарши. Секретарши, в отличие от писательской братии, быстро повышались в должностях, поэтому менялись с такой стремительной быстротой. Ромик мечтал как-нибудь съездить в эту Ершовку и выяснить, сколько там осталось девиц, не переехавших в наш город.

— Да, — кивнула Алиса.

— Представьте, пожалуйста...

— Алиса Павлищева, — механически отрапортовала она.

Девушка исчезла за «двести первой» дверью и через несколько минут вернулась:

— Проходите.

— Опять без очереди, — возмутилась Ираида Васильевна, пищущая бесконечные нравоучительные детские сказания.

— Я по делу, — поспешила оправдаться Алиса. — Меня Матвеев прислал...

— Меня тоже, — отпарировала Ираида Васильевна, буравя Алису недобрыми глазами из-под кустистых бровей.

Алиса терпеть не могла быть невежливой. Но когда в очереди торчит пять человек и трое из них — поэты, которые уже смотрят на тебя жадными глазами, собираясь немедленно приступить к громкому прочтению своих новых шедевров, приходится хамить. Залившись краской, Алиса шагнула к двери и открыла ее.

Надежда Ивановна красила ногти на левой руке и была так поглощена этим занятием, что не сразу отреагировала на Алисино вторжение. Наконец, она подняла глаза и с чувством легкой досады отложила свое занятие, отчего Алисе стало совсем не по себе. «Кажется, я родилась только затем, чтобы мешать людям заниматься своими делами! Надо же быть такой несурзной!» — подумала она.

— Александр Валерианович, — робко сказала Алиса, предварительно откашлявшись, — просил выдать мне...

— Да, я знаю, — важно ответствовала Надежда Ивановна.

Во взгляде ее снова появились чувство отеческой снисходительности и легкого превосходства, которые всегда появлялись на ее узком челе, стоило только появиться перед ее очами представителю писательской братии. Видимо, Надежда Ивановна успела четко усвоить преподававшийся в общеобразовательной школе урок, который говорил, что все писатели являются непонятной никому «надстройкой», в то время как сама она счастливым образом успела примкнуть к «базису».

— Сейчас посмотрим, что вы имеете, — протянула Надежда Ивановна, открывая файл с зафиксированными «достижениями» в области изящной словесности. — Та-ак... Вы знаете, Алиса Игоревна, а выдавать вам, извините, нечего.

— Как нечего? — удивилась Алиса.

По ее подсчетам, даже если не учитывать последний, незаконченный «шедевр», у нее было на счете еще тысячи две как минимум.

— Понимаете, Алиса Игоревна, ваши вещи не приняты. Отправлены на доработку. Москва их не проплатила, а мы и так вас проавансировали вперед... Почти на все книги. Взгляните сами.

Она развернула монитор. Алиса честно уставилась на экран, пытаясь попятить нагромождение цифр.

— Но, понимая ваше положение, — мягко и снисходительно улыбнулась Надежда Ивановна, — мы пойдем вам навстречу.

Она достала небольшую мужскую сумочку, открыла ее и посмотрела на Алису:

— Триста рублей вас спасут?

Алиса задумалась. Честно говоря, она сомневалась в том, что эти самые триста рублей могут ее спасти от нашествия Сары Мидленд. «Вряд ли я смогу откупиться от нее такой незначительной суммой. Отравить ее на эти деньги тоже не получится: откуда мне знать, почему у нас на черном рынке яд кураре или цианистый калий? Но на то, чтобы уморить ее нашими продуктами, денег, может быть, и хватит. Тем более что мы с дедулей тоже не бедные, уж найдем чем прокормить эту странную даму, в голову которой взбрела такая нетривиальная мысль — познакомиться со своей «переводчицей!»» — подумала она, глядя на странное кукольное личико своей визави.

— От чего спасут? — поинтересовалась Алиса.

Надежда Ивановна стыдливо увела взгляд в сторону, а ее улыбка показывала с невыносимой ясностью всю степень непонятливости и безграничной тупости, которая была присуща Алисе Павлицевой.

— Ну, как бы вам сказать...

Бедняжка призадумалась, как бы ей подступнее объяснить, что конкретно «она имела в виду», но Алиса решила избавить ее от необходимости напрягать мозговые извилины: бог знает, к чему это могло привести, и решительно кивнула:

— Спасут, конечно. Раз вам так хочется...

Надежда Ивановна облегченно вздохнула, явно обрадованная неожиданной поддержкой, словно награду, протянула Алисе три сторублевые купюры и пожелала вдогонку ее быстро удаляющейся спине «приятного общения». Наскоро пробормотав «спасибо», Алиса вылетела из кабинета. О, с каким наслаждением она отдала бы ей эти триста рублей вместе с Сарой Мидленд и приятным общением в придачу!

«Почему у меня каждый раз складывается ощущение, что я прихожу сюда за подавнием?» — тоскливо подумала она.

Дела в издательстве были сделаны. До приезда «английской гостьи» остался целый день, да и сегодняшний еще в самом разгаре, надо ехать к Елизавете. У нее от написания триллеров явно развилось логическое мышление. А у Алисы оно всегда отсутствовало. Алисе часто казалось, что она плывет, как щепка в бурлящем водовороте, — куда вынесет поток мутной воды, там и будет тусоваться. Алиса решила, что Елизавета — именно тот человек, который ей сейчас необходим. Поскольку ситуация с Сарой Мидленд казалась безумной, непонятной и загадочной, а сама Алиса ничего понять не могла.

Ромика уже не было. Алиса поискала его взглядом и очень скоро обнаружила за домом воркующую парочку голубков. Одним из голубков был Ромик, а вторым — хорошенькая редакторша Иринка. Мешать их счастью не хотелось. Так что все обстоятельства складывались в пользу Елизаветы, к которой Алиса немедленно отправилась, пребывая в мрачной задумчивости беспроглядности своей судьбы.

— Алиса Игоревна! — услышала она за спиной приятный мужской баритон.

Она остановилась и с удивлением увидела перед собой литературного агента Валеру, который до той минуты никогда не интересовался ее скромной особой.

Он догнал Алису и с ласковой улыбкой проговорил:

— Нам надо поговорить. Так, чтобы нас не слышали...

Алиса решила, что он знает что-то важное про Сару Мидленд, поэтому настороженно оглянулась и кивнула.

— Пойдемте-ка вон туда... — Он протянул руку в сторону лестницы, ведущей вверх. Там располагался офис какой-то брокерской конторы.

Они поднялись на несколько ступенек. Валера нервничал, потому постоянно оглядывался, заражая Алису своим страхом. Она поймала себя на том, что тоже ежеминутно оглядывается.

— Сколько вы тут получаете за лист, Алиса Игоревна? — шепотом спросил Валера, пыхтя сигаретой.

— Триста за лист, — призналась честная Алиса.

— Хотите получать четыреста? — тоном благодетеля, явившегося нищей на дороге, проговорил Валера.

Алиса промолчала. Просто потому, что не могла понять, каким образом Валера может сделать ее гонорар больше.

Он истолковал ее молчание по-своему.

— Это начальная ставка, — проговорил он. — Потом будете получать четыреста пятьдесят... Пятьсот...

— Каким образом? — выдавила наконец Алиса.

— Это секрет, — прошептал он, тревожно оглядываясь. — Поклянитесь, что пока никому не скажете...

— Я никогда ин в чем не клянусь, — сказала Алиса строго. — Клясться нельзя. Это грех.

— Ну просто — пообещайте...

— Обещаю, — как старательная школьница, повторила Алиса.

— Мне предложили открыть здесь филиал одного издательства, — быстрым шепотом начал рассказывать он. — Дали денег на аренду. Сейчас моя задача — набрать авторов и редакторов-составителей... Дело куда более легкое, чем ваша работа. Надо писать кулинарные сборники. Получать же за них вы будете больше, чем за ваши книги.

«Странно как, — подумала Алиса, рассматривая арийский профиль Валеры. — Только с утра подумала, что надо уходить в редакторы-составители, и — нате вам с кисточкой! Может, этот Валера — перст Божий?»

Она присмотрелась к нему повнимательнее. На «Божий перст» Валера не тянул, но что-то стоящее в его предложении было.

— Я подумаю, — сказала Алиса.

Он обрадовался.

— Позвоните тогда вот по этому телефону, — протянул он ей листок бумаги. — Только помните, Алиса, — это большой секрет! Никому не говорите о моем новом начинании — здесь и стены имеют уши! — Он опасливо покосился на стену, в грязных разводах которой и в самом деле мерещилось большое розовое ухо.

Алиса ущипнула себя за правую руку, чтобы наваждение исчезло, — и стена снова стала ровной, безухой, а поэтому приятной взгляду и душе.

Она вздохнула и отправилась прочь из литературного вертепа. Настроение у нее стало окончательно беспросветным, как вчерашнее небо.

Столь печальное настроение появилось у Алисы совсем не из-за госпожи Мидленд. Это не из-за великой писательницы она сейчас не замечала прекрасного, летнего дня, уже освободившегося от дождя, и красот родного города... Даже мимо пруда с лебедями Алиса прошла, мрачно потупившись взором в асфальтовую дорожку и не реагируя на приветливые взгляды, которые несчастные птицы бросали в ее сторону, ожидая хотя бы пучка свежей травы, раз уж она не сооблаговолила принести им булочку.

Алиса думала о Надежде Ивановне. Надежда Ивановна была моложе ее на девять лет училась в техникуме-колледже, как это теперь называется, и в то же время ее называли Надеждой Ивановной, а Алису... Она горько махнула рукой. Даже Алисой ее называли только в те моменты, когда от нее что-то требовалось. Редко кто ее называл Алисой Игоревной. Да и не умела Алиса так важно выглядеть. «Нет во мне представительности и никогда уже, наверное, не будет! Так и проживу — не солидная и не серьезная, прямо как моя бабушка!» — вздохнула она.

— Впрочем, моя бабушка все-таки прожила с дедулей свою жизнь, — проговорила Алиса уже вслух. — А Надежда Ивановна проживает ее с Мерзавцевым. Мало того что у Мерзавцева, помимо нее, наличествует жена, он все-таки непривлекательный тип. Так что лучше оставаться рядом с дедулей.

Пнув ногой камушек, некстати попавшийся на дороге, Алиса подняла глаза и столкнулась взглядом с собственным отражением в витрине.

Ничего хорошего она там, конечно, не увидела. Длинная девица в джинсах, волосы снова скручены в лошадиный хвост на затылке, нос в этой витрине у Алисы отчего-то стал скошенным влево, а щеки — раздутыми, как будто она вложила в каждую по воздушному

шару! От избытка отрицательных эмоций Алису передернуло. Она отвернулась. Лучше уж вообще не смотреть, так можно вообразить себя светловолосой красавицей с изумрудными глазами и пышной грудью.

Она рассмеялась. Нет уж, лучше остаться собой, тем более что Елизавета утверждает, что Алиса похожа на Венеру Боттичелли, а дедушка твердит про Саскию — но как это Алиса умудрилась быть похожей и на ту и на другую, она не могла понять! Обдумывать эту дилемму Алисе не хотелось, потому что у нее от бессонной ночи было плохо не только с настроением, но и с соображением.

Бумс! Алиса остановилась, потирая лоб. В глазах потемнело. Она решила, что налетела на фонарный столб. Когда туман в глазах рассеялся, Алиса подняла глаза.

— Простите, — пробормотал «фонарный столб». — Вы не ушиблись?

Если бы Алиса была нормальной женщиной, как Надежда Ивановна, она бы немедленно упала в обморок. Или, едва шевеля губами, заметила, что ей очень трудно теперь добраться до дому, и попросила бы ее проводить. Вместо этого Алиса мужественно улыбнулась и проговорила:

— Ничего... Можете еще разок!

Он рассмеялся. Он тоже потирал лоб. «Ну конечно, — грустно подумала Алиса. — С моим ростом куда бы и заехать встречному красавцу, как не в лоб? Надежда Ивановна мягко уперлась бы в эту мужественную, широкую грудь и даже всплакнула бы на ней, а я — исключительно в лоб!»

— Простите, — пролепетала она, с ужасом понимая, что ее лицо приобретает багрово-красный оттенок. И быстрыми шагами направилась прочь, отчаянно проклиная свою способность краснеть.

Только потом, когда ее чувства пришли в относительный порядок, она остановилась и недоуменно оглянулась назад.

«Интересно, — подумала Алиса. — Можно ли расценивать вторую случайную встречу за день как судьбу?»

Судя по тому, как Алисина «судьба» безмятежно удалялась прочь — вряд ли, печально подумала она, усаживаясь в «берни». Настроение никто не смог бы назвать радостным, столько в Алисиной жизни накопилось обломов, а тут еще этот тип...

«А собственно, почему я на него так обиделась, — пожалала Алиса плечиком. — Конечно, он мог бы броситься за мной вслед, отнести на руках в машину, ну, на крайний случай дать понять, что наши встречи не являются случайностью, а тщательно им запланированы. Например, он уже давно в меня влюблен и следует за мной безмолвной тенью, лишь бы насладиться моим обликом сполна...»

Почему-то вспомнился Леха. По какой причине он с ней не поздоровался? В свете сегодняшнего «обстояния» этот вопрос был для Алисы чрезвычайно важен. Голос разума тщетно взывал, пытаясь оправдать невежливого соседа-бандита, — мало ли какие траурные мысли отягощали его не очень-то развитое сознание? Может быть, именно в тот момент ему было совершенно по фонарю, существует ли в этом пространстве индивидуум по имени Алиса Павлицева!

А тут еще Мидленд, которая свалилась как снег на голову!

«В конце концов, это своеобразное приключение, — успокоила себя Алиса. — А то станешь скоро замшелой, покрытой собственными заморочками, как столетней плесенью... Посмотри на себя, даже встречного красавца не смогла завлечь в сети страсти!»

— Но у меня были свои планы, — ответила она самой себе вслух совершенно несчастным голосом. — И я не собиралась никого никуда завлекать... Тем более — в эти самые сети. Я же не несравненная Элайза!

Надо ли объяснять, что от впечатлений сегодняшнего дня кошмары ночи померкли, отдалились, стали зыбкими и теперь уже окончательно далекими от реальности?

* * *

«Берни» катила по городу, старательно косившему под немецкую готику, что ему почти удавалось — из-за обилия романтических решеток, шпилей и прочих изысканных наворотов. На одном из зданий даже умудрились взгромоздиться два массивных рыцаря при мечях — мечи они держали острием вниз, отчего у Алисы вечно закрадывались опасения, что когда-нибудь, если эти два джентльмена рассердятся, они запросто могут выпустить их из ладоней. Кому пришла в голову идея водрузить тут этих «меченосцев»? Бог с ними. В принципе Алиса ничего против никогда не имела, а одно время они ей даже нравились. Благодаря им можно было вообразить, что ты находишься в крошечной европейской стране, где эти рыцари смотрелись бы куда более кстати.

Припарковавшись возле супермаркета, Алиса оставила «берни» в одиночестве и отправилась за покупками, прикидывая в уме, что может любить «автор» Элайзы. В ее книгах ответа на сей вопрос искать было бесполезно — Элайза не питалась ничем. Даже Святым Духом — из-за своей сексуальной распушенности. Поэтому Алисе пришлось импровизировать на ходу. В результате ее импровизаций кошелек изрядно опустел, а в большом пакете появились маленькие баночки деликатесов, две бутылки кьянти — черт знает почему Алисе пришло в голову, что госпожа Мидленд должна непременно упиваться этим дорогим кьянти! Наверное, от потрясений у нее что-то сместилось в голове, и она все перепутала. Мидленд превратилась в писателя-битника типа Керуак, которая глушит вино и курит сигары... Сигары Алиса купила не сразу. Сначала она таращилась на них битых полчаса из-за их эстетически выдержанного вида — длинные, черные, с немного загнутыми кончиками... Жаль, что она не курит сигар! Подумав, она все-таки купила парочку для дедули — он тоже не курил сигар, но кто знает, может быть, соблазнится?

Правда, Алисе совсем не хотелось быть причиной дедулиного грехопадения, поэтому, уже оказавшись в машине, она снова все перерешила и постановила отдать прекрасные сигары Елизавете для Пафнутия.

Надо же было хоть как-то вознаградить бедную Лизу за ее стоицизм. Алиса загрузила деликатесы в беднягу «берни», которая при виде заморских редкостей и вкусовостей слегка ошалела и нипочем не желала двигаться с места.

— Поедешь, дам сигару и тебе, — пообещала Алиса «берни».

Старушка издала воинственный рык, от которого шарахнулись в благоговейном ужасе напуганные «запорожцами» «мерседесы», и рванула с места с невиданной прытью.

Настроение у нее перестало быть загробно-безнадежным. Все дурные предчувствия, терзавшие Алису еще пять минут назад, странным образом ее покинули, и она твердо решила для себя, что неприятности, ежели они имели место, теперь закончены, она возвращается домой, у нее впереди целый день безмятежного спокойствия. Деньги, конечно, кончились, едва успев начаться, но это было их обычное свойство. Сара Мидленд Алису беспокоила, но

она уже отнесла ее в своем воображаемом реестре к приключениям, а приключения Алисе всегда нравились. Все равно ей больше повезло, чем Елизавете, — страшно подумать, что с ней было бы, завяйся «во плоти» ее толстощекий монстр!

— Жизнь прекрасна! — строго сказала Алиса. — Я еду, из магнитолы несется Брамс, а небо дарит мне осеннее, ласковое солнце...

Она даже не сразу сообразила, что произошло. Машина остановилась. И сделала она это прямо... почти рядом с задним капотом великолепнейшего черного «мерина» с затемненными стеклами!

Алиса моментально почувствовала могильный холод. Колени мелко дрожали. Больше всего на свете она сейчас боялась не за себя — за свою бедную, старую «берни». Ей даже показалось, что она сама перепугана, как Алиса.

«Все, сейчас выйдет амбал...» Что сделает амбал после того, как выйдет, она додумывать совершенно не хотела. Самые страшные ночные кошмары вкупе с Сарой Мидленд, Авдотьей Зырянской и перспективой выйти замуж за Мерзавцева показались ей детскими сказками... Внутренний голос тщетно указывал на тот неоспоримый факт, что она даже не задела это совершенное творение автомобильной промышленности. Уж про что про что, а про фокусы с машинами Алиса была прекрасно наслышана... Сейчас ей покажут царапину, которой лет сто, и потребуют денег на ремонт... Вид у Алисы был вполне располагающий к шантажу. Такая взъерошенная курица с округлившимися от ужаса глазами.

Она таращилась на «мерс», который продолжал вести себя странно — не двигался с места, из-за чего Алиса никак не могла проехать дальше в переулок. Никто из машины не выходил.

— Ну и долго мы будем тут стоять? — поинтересовалась Алиса.

«Мерс» не двигался. Обернувшись, Алиса невольно чертыхнулась: за ней не было ни одной машины. В этом идиотском переулке стояли только они, но иного пути к дому не было — разве что в объезд, а это лишних полчаса. В конце концов, сколько могут выдержать нервы? Алиса вышла из машины и решительно направилась к «мерсу», так бестактно загородившему путь к ее родному «бандитскому» поселку.

«Сидит, паразитина, — мрачно подумала она, — ждет, когда я сама подойду. Подойду, а он направит на меня свой чертов револьвер или шарахнет по башке кувалдой...»

Алиса изо всех сил рванула на себя дверь «мерина».

Дверь распахнулась.

— Ой, ма-ма, — прошептала она, пытаясь удержать то, что вывалилось прямо ей на руки из чертовой машины. — Ма-моч-ки...

* * *

Тип, вывалившийся Алисе на руки из «мерса», был тяжеленным. Где-то она читала, что в состоянии аффекта человек способен на многое, так что этот парень вполне мирно упокоился на ее хрупких руках, а она умудрялась держаться, не падая под его старательно набранным при жизни весом, хотя — бог весть как ей это удавалось!

Первым было вполне благоразумное желание: затолкать «находку» обратно в машину и быстрыми темпами рвануть отсюда прочь. Но попытки поступить благоразумно у Алисы

почему-то всегда были обречены на провал, и она таращилась на «подарок небес», продолжая стоять на месте и держа его, как драгоценный сосуд.

Обернувшись, она поняла, что этот бесценный дар был приготовлен исключительно для нее одной — никому и в голову не пришло поехать за Алисой следом. Машины мчались по шоссе с невозмутимым спокойствием, несколько домов в чертовом проулке хранили загадочное молчание, как будто ничего странного в том, что перед их окнами застыла насмерть перепуганная девица, прижавшая к груди голову неизвестного, не подающего признаков жизни, не было. Никто Алисой и почившим гоблином не заинтересовался!

«Надо вызвать милицию», — подумала она и снова осмотрелась. Таксофона нигде видно не было, так что все равно ей придется вернуть пария на место. Можно еще громко крикнуть «Помогите!», но вряд ли из окон кто-нибудь выглянет после Алисиного вопля... Внешность владельца «мерса» прямо указывала на его принадлежность к бандитам, а кому надо ввязываться в массовые перестрелки?

Поразмыслив, Алиса решила, что ей тоже не надо — но в милицию все-таки позвонить стоит, не лежать же бедолаге без всякой надежды на захоронение? Поэтому она попыталась запихнуть «находку» назад в машину.

Для этого ей пришлось изрядно поднатужиться. Она закрыла дверцу и выдохнула с облегчением:

— Ну, слава богу...

Уже сделав шаг прочь, она зачем-то обернулась и застыла как вкопанная. «Мертвец» приподнялся, открыл дверь и посмотрел на Алису неприветливым взглядом! Алиса отшатнулась: как общаться с ожившими мертвецами, она не знала. Триллеры писала Елизавета, но ее рядом не было, поэтому Алиса довольно глупо кивнула ему, выдавила жалкое подобие приветливой улыбки и пробормотала:

— Как вы себя чувствуете?

Он продолжал смотреть ей в лицо молча и пристально.

Судя по выражению лица, Алиса ему чем-то не понравилась. Поэтому она начала пятиться к своей машине, стараясь не поворачиваться спиной. По спине бежали противные мурашки, ноги отчего-то отказывались ее слушаться. В голову, как и следовало ожидать от такой несуразной особы, ничего путного не приходило — наоборот, отчего-то засияла в самом ее центре фраза, достойная пера Елизаветы: «СТРАХ НАКРЫЛ ГОРОД ТЕМНО ВОЛНОЙ» и сопутствующая, не уступающая по идиотизму первой: «НЕ НАЧАТЬ ЛИ АЛИСЕ ТОЖЕ ПИСАТЬ ТРИЛЛЕРЫ?»

Алисин визави таращился на нее укоризненно, как и подобает живому мертвецу. Его бледные губы вдруг начали шевелиться, словно он пытался поведать ей что-то важное. Вспомнив все читанные когда-либо образчики готической литературы, Алиса решила, что он наверняка сейчас сообщит ей имя своего убийцы, и, повинувшись первому порыву, подалась вперед, но тут же остановила себя — потом за этими «свидетелями» начинали охотиться, а Алисе эта перспектива не нравилась. Ей и своих неприятностей хватало, поэтому она быстро рванула в машину, закрылась и начала истерически давить на педаль.

Жизнь, увы, зачастую бывает глупее романов! В самый неподходящий момент верная «берни» вспомнила о своих преклонных годах и решила заартачиться. Или на нее тоже подействовал вид ожившего покойника?

— Ну, давай же, «берни», детка, — бормотала Алиса, снова и снова пытаюсь заставить машину сдвинуться с места.

«Берни» продолжала стоять на месте, тараща свои фары на «мерс», казавшийся Алисе пришельцем из дурацких Елизаветиных триллеров, тем более что крутолобый труп уже окончательно обнаглел и пытался открыть дверь, настолько ему хотелось расправиться с Алисой и «берни».

Наконец «берни» надоело исполнять роль зеваки, и она начала подавать признаки жизни, и вовремя, потому что ожившему покойнику удалось выбраться из машины, и он неуверенно шагнул из своего долбаного «мерса», раскинув руки, словно для объятий. Губы его при этом продолжали шевелиться, и Алисе показалось, что она слышит его голос. «Зачем?» — спрашивал он, а может быть, и не спрашивал, а просто матерился, но ей так показалось. Он подходил все ближе и ближе, шатаясь, как гомункулус, впервые пробующий ноги.

«Все, — сказала себе Алиса, — ты влипла, Павлицева. Саре Мидленд, похоже, придется посещать тебя в больнице. Или...»

Она представила себе небольшой могильный холмик, украшенный бумажными цветами. События сегодняшнего дня все-таки повлияли на ее мозг, потому что под скромным медальоном она увидела строгую надпись: «Сара Мидленд. Покойся с миром, дорогая Сара...» На медальоне было ее лицо, и надпись свидетельствовала о том, что даже после своей гибели она останется прежде всего Сарой Мидленд.

— Хорошо, что не Элайзой, — прошептала Алиса.

Она сглотнула противный комок и попыталась убедить себя, что она тут ни при чем. Она этого парня ничем не раздражала, только помочь хотела, но внутренний голос тут же напомнил, что она хотела выругать этого типа за то, что он загородил ей проезд к отчому дому, а ему было плохо, бедняге. Она вжалась в кресло и попыталась изобразить навстречу «гомункулусу» вежливую, приветливую улыбку.

Наверное, ему эта улыбка показалась форменным безобразием, потому что «гомункулус» удивленно вскинул брови, и, к собственному ужасу, Алиса увидела неприятный черный глаз, направленный прямо на нее. Глаз принадлежал револьверу черт его знает какой марки. Да не все ли равно? В Алисиной душе поднялась паника, она чувствовала, как по спине стекают противные липкие струйки, а сама не могла оторвать взгляда от жуткого дула. «Господи, — взмолилась Алиса, — сделай что-нибудь, а? Пожалуйста...» Гоблин обернулся, словно что-то услышал. Неизвестно, откуда у Алисы взялись силы, но она рискнула, схватила первую попавшуюся железяку, валявшуюся на заднем сиденье, и изо всех сил шарахнула его по голове. Он посмотрел на Алису огорченно и укоризненно и начал заваливаться на бок. Почему-то по его лбу стекала струйка крови.

Господи, — простонала Алиса, глядя на умирающее тело. — Ну, не надо... По-жа-луйс-та!

«Больше я ничего не могу сделать, что бы там ни случилось, — сказала она про себя. — Что-то со мной будет?»

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

— Я не знаю этого человека, — снова повторила Алиса, глядя недоверчивому следователю в глаза.

В голосе рыжеволосого отчетливо слышалось: «Я вам не верю, Алиса Игоревна Павлищева. Вы нарочно поехали в этот тупик, нарочно стукнули машину, а потом хладнокровно ударили несчастного гоблина по голове... Иначе и быть не может — вид у вас, Алиса, такой, что возбуждает самые худшие подозрения». У следователя были очень большие уши. Как у эльфа. Почему-то Алису это чрезвычайно занимало.

— Это было самозащитой, — наконец решилась она на объяснение своего неблагоприятного поступка.

— Вы о чем?

— О гоблине...

— И от кого он защищался? — уставшим голосом спросил мальчик-следователь. — От вас?

— Вы не поняли, — энергично замотала Алиса головой. — Это я защищалась. Он шел ко мне с револьвером, я его ударила первым предметом, попавшим мне в руки, и...

Продолжать она не могла. У нее только и хватило сил, чтобы развести руками. Участь ее явно была решена.

Где-то Алису ждала Елизавета, но — увы! Не суждено ей было дожидаться Алисиного возвращения... Интересно, сколько дают за нечаянное убийство гоблинов?

— И вы ничего не видели?

Вопрос следователя вырвал Алису из «потока сознания» так внезапно, что она сообразила не сразу, о чем он ее спрашивает, и переспросила:

— Простите, что?

— Вы никого не видели в переулке? — терпеливо спросил он, подавляя зевок.

«Бесчувственный какой, — подумала Алиса. — Тут целая трагедия, а он зевает... Впрочем, конечно, он пойдет себе спокойно домой. Это ты отправишься за решетку». Сейчас она ругала себя за то, что выбрала в качестве средства для заработка любовные романы, а не триллеры. Ее понятия о наших «законах» были столь незначительны, что Алиса даже не знала, куда ее теперь отправят и надолго ли. Последний детектив, который она прочитала, был написан в прошлом веке, и там, помнится, отправляли убийц по этапу на каторгу. Впрочем, тогда и гоблинов не было.

Алисино затянувшееся молчание ушастый тюлень явно принял за попытку вспомнить и терпеливо ожидал ответа. Алисе очень хотелось сказать ему, что она видела киллера, который притаился в одном из окон, но она была честной. И, горестно вздохнув, сказала:

— Нет, не видела.

— Тогда получается мистика, — огорчился следователь. — И я ничего не понимаю...

Например, почему он хотел вас убить, если вы его не знали? Подумайте хорошенько, Алиса Игоревна!

— Я не знаю, — честно призналась Алиса. — Вы ищете мотив преступления, так?

— Да нет, я пытаюсь понять... С виду все нормально — обычная разборка. Но тогда почему вы ничего не видели? Получается все просто: вы нечаянно оказались в переулке, он попытался вас выпроводить... И в этот момент его убили. Какая-то совершенно бредовая ситуация!

— Ничего бредового, — возразила Алиса. — Убила-то его я!

— Да при чем тут вы? — отмахнулся тюлень. — Убит-то парень пулей. Тридцать восьмой, банальный калибр... Вы, Алиса Игоревна, простите, много на себя берете. Вы уже фактически по мертвецу ударили...

Почему-то Алиса не обрадовалась. Наоборот, ей стало ужасно стыдно. Потому что одно дело шарахнуть по живому, грозному бандиту, и совсем другое — ударить беззащитного мертвеца!

— Вам надо сходить к невропатологу, сочувственно похлопал ее по руке следователь. — Вы пережили шок, потрясение... Обязательно сходите, а то черт знает чем эта история для вас кончится!

— Хорошо, — кивнула Алиса. — Я схожу... Послушайте, так это не я? И я могу идти?

— Можете, конечно, — кивнул следователь. — Только, возможно, нам понадобится ваша помощь... Или вы все-таки вспомните что-то такое, что сейчас укрылось от вашего взгляда... — Он протянул ей визитку.

Алиса встала. Он проводил ее до самого выхода и снова посоветовал не мешкать с невропатологом.

«И почему он пристал ко мне с этим врачом? — сердито подумала Алиса, усаживаясь в «берни». — Неужели у меня такой вид...» Она посмотрела в зеркальце, пытаясь найти определение своим округлившимся глазам, растрепанным волосам и немного безумной улыбке.

— Ошпаренная, — пробормотала она, пытаясь привести себя в нормальный вид. — Конечно, дорогая, любой посоветует тебе немедленно бежать к психиатру!

* * *

— Нет, сегодня просто праздник какой-то, — проворчала Елизавета, выслушав Алисин сбивчивый рассказ. — Знаешь, на что все это похоже?

— На бред, — вздохнув, сказала Алиса. — Этот чертов тип, два раза умерший на моих глазах... И одного бы хватило, чтобы напугать меня до смерти... Менты, замучившие меня своими квадратными вопросами...

— Ну, менты тебе вернули ощущение реальности... — задумчиво резюмировала Елизавета.

— Ничего они не вернули, только больше запутали, — возразила Алиса. — Мне показалось, что они до сих пор думают, что я им сказала неправду, а с этим парнем меня связывало давнее знакомство...

— Надо мне было поехать с тобой, — вздохнула Елизавета.

— Зачем? — искренне удивилась Алиса. — Собирать материал для новой «нетленки»?

— Нет, на фиг, — отмахнулась Елизавета. — Для моей «нетленки» это не подходит... Крови там почти не случилось, секса не было. Была только испуганная Павлищева, образ которой вряд ли заинтригует нашего Мерзавцева, поскольку он тебя и так видит постоянно, и всегда — испуганную. Дважды убитый бандит тоже вряд ли сможет стать «хитом сезона». Я просто сама бы все хорошенько рассмотрела и, будучи человеком мужественным и хладнокровным, разобралась бы во всем, не сходя с места преступления.

— Ну-ну, — мрачно усмехнулась Алиса Лизиной наглости. — Посмотрела бы я на тебя... Кто сегодня орал половину ночи про какую-то жуткую рожу в окне?

— Это другое, — заметила Елизавета. — Это на границе сна и яви, там все приобретает зыбкие очертания и поэтому кажется особенно ужасным. А когда я сижу в родной машине, меня вряд ли... — Она осеклась и уставилась на Алису с живым интересом.

— Ты что? — робко поинтересовалась Алиса, устав от ее пристального взгляда.

— Ни-че-го, — пробормотала она. — Если в твоём доме нет никакой скифской чашки, фамильных драгоценностей и древних икон...

— Откуда они у меня возьмутся? Я бы ничего не имела против того, чтобы они у меня были, особенно фамильные драгоценности — без скифской чашки я как-нибудь перетопчусь, но чего нет, того нет, и, насколько ты меня знаешь, никогда и не было!

— Тогда получается, что ты сама кому-то жутко не нравишься, — развела руками Елизавета.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Откуда мне знать? Ты же не доллар, чтобы всем нравиться... Нашелся, значит, один недоразвитый индивидуум, которому ты не кажешься совершенством!

— Да нет, — отмахнулась Алиса. — Я понимаю, что я далека от того, что ты называешь совершенством. Я просто не могу понять, почему ты решила, что этого типа дважды убили потому, что я кому-то не нравлюсь? Тогда бы убили меня.

— Да сначала его никто и не убивал, — начала терпеливо объяснять Елизавета. — Он просто косил под мертвеца, чтобы... Ну, как тебе это объяснить, если ты сама не понимаешь?

— Доступно, — попросила Алиса. — И постарайся уложиться в несколько четких фраз без разведения всяческих антимоний и розмаринов...

— Могу объяснить одной, — фыркнула Елизавета. — Тебя очень хотели напугать. Вот и все...

Сначала Алиса отнеслась к ее словам с глупой доверчивостью, поскольку от потрясений у нее в голове поселился полнейший хаос в виде черной дыры, и соображать она стала совсем плохо. Более того, простота объяснения Алису моментально пленила. Ее мозг так устал от размышлений, что был согласен на любую версию, лишь бы не утруждать себя новой работой. Но потом приверженность к логике победила усталость, и Алиса снова принялась увязывать все происшествия с Елизаветиным заявлением. Начала она с устрашающих звуков в дедулиной комнате. Стоп. Звуки эти Алиса сразу отмела: они уж точно тут были ни при чем... Дедуле вряд ли хотелось ее до смерти напугать, так что эти звуки вычеркнем: причина их в его вечной рассеянности. Дальше следовала Елизаветина страшная рожа, но о ней Алисе сказать было нечего, поскольку она эту самую рожу не видела, а полагаться на Елизаветины слова ей казалось в высшей степени неразумным. У Елизаветы чересчур развито воображение. К тому же в данном случае напугали именно ее, а Алиса напугалась уже от ее душераздирающего вопля.

Тут в Алисину голову забрела и вовсе глупая мысль, что напугать-то ее хотела именно Елизавета! Зачем это ей было надо, Алиса не знала. Может быть, она решила проверить на Алисе свой будущий триллерный сюжет. Ведь что получается? Именно Елизавета напирает на то, что Алиса кому-то там ужасно не понравилась, настолько, что этот самый «кто-то» решил, выражаясь словами той же Елизаветы, ее насмерть напугать.

Елизавета в это время попивала кофе и, поймав Алисин пристальный взгляд, улыбнулась. Улыбка Алису не успокоила, наоборот! Она показалась ей немного кривоватой и неискренней.

Ох и расстроил Алису этот вывод! К Елизавете она всегда относилась с доверием, видеть в ней злоумышленницу совсем не хотелось... Все-таки подруга детства... Поэтому Алиса прекратила размышлять, чтобы не расстроиться окончательно, и, покачав головой, сказала:

— Нет, все это полный идиотизм... Ну откуда тогда взялся этот тип? Неужели он ради моей скромной особы согласился на двойную смерть? Не может такого быть...

— Да он и не соглашался! — горячо воскликнула Елизавета, махнув почему-то рукой в сторону окна. Чашка с кофе чудом удержалась на ее коленях. — Какая же ты глупая, Алиска! Он не соглашался, просто так все исторически сложилось, что ему пришлось...

— Ни-че-го не могу понять, — честно призналась Алиса. — То есть что там что-то нехорошее исторически сложилось, это я поняла. Сначала он сидел в машине и ему было плохо. Потом явилась я, он от моих усилий пришел в чувство, даже вылез из машины, потому что я его этими усилиями разозлила, и хотел дать мне как следует по физиономии, но какой-то другой бандит пальнул в него из пистолета с глушителем. Все это чистая случайность, Лиза, и не надо мешать в одну кучу ночные глюки и дневные ужасы...

— У меня голова болит, — неожиданно заявила Елизавета. — От сильного голода...

— Ладно, — без особого труда поняла намек Алиса. — Пойдем приготовим чего-нибудь.

Они занялись картошкой.

— Все-таки я попала в черную полосу, — сказала Алиса. — Сама посмотри: кому-то я не нравлюсь. Люди на моих глазах погибают. Может, я стала Баньши?

— Кем ты стала? — переспросила заинтересованная Лиза.

— Баньши. Провозвестницей смерти.

Лиза внимательно посмотрела на Алису и рассмеялась:

— Провозвестница ты наша... Лучше выбрось все из головы, тебе эти впечатления не пригодятся. Сара пока еще не пишет детективы...

— Господи, забыла! — Алиса хлопнула себя по лбу. — Еще один кошмар. Она же приедет! Послезавтра!

Лиза некоторое время молчала, а потом спросила:

— Слушай, Павлицева, может быть, тебе и в самом деле нужно к психиатру? И к кому она собирается приехать?

— Она собирается ко мне, — трагическим голосом сообщила Алиса.

— К тебе? — удивилась Лиза. — Какая глупость с ее стороны! Особенно теперь, когда ты превратилась в Мойру или в Баньши! — ехидно рассмеялась Елизавета.

— Не смейся, — попросила Алиса. — И так тошно... Я даже не знаю, как она будет здесь жить...

— Нормально, — отмахнулась Лиза. — Полюбит жареную картошку. Познакомится с

бандитами. К тому же ей ночами не будет одиноко. В смысле визитов твоей «доброй феи» с перекошенным лицом... И привидений... Сама понимаешь: что делать с тобой бедному привидению, хотя ты теперь и Мойра? Поговорить не о чем... А тут — по дому бродят призраки, разыскивают скифские ночные вазы... Сара будет в достойном ее обществе!

Алиса обиженно замолчала — нечестно напоминать об утренних глупостях!

— Ты надо мной смеешься, — расстроено сказала она.

— Я?! — возмущенно охнула Елизавета. — Это ты надо мной смеешься! Почему тебе взбрело в голову приехать к самой себе именно послезавтра? Может быть, появишься у себя уже сегодня? А я приглашу Авдотью Зырянскую? Чтобы не скучали... Сядут вдвоем, с литературе поговорят... А то у меня скоро раздвоение личности начнется. Я ведь иногда, Алиска, думаю: а может, я не только Авдоня? Может, я еще кто-нибудь? Например, Клаудиа Шиффер... Просто я об этом ничего еще не знаю.

— Ты меня не поняла. Она действительно приезжает, — твердым голосом сказала Алиса.

— Али-са! — отчеканила готовая испугаться за подругу Лиза. — Ее же нет! Это ты — Сара. Ты!

— Получается, что она есть, — развела руками Алиса. — Потому что о ее появлении мне сообщил сам Мерзавцев...

* * *

На сковородке румянились ломтики картошки, уютно ворчал чайник. Елизавета смотрела на Алису. Алиса смотрела на Елизавету. В комнате зависла гнетущая тишина.

В этот момент зазвонил телефон.

Алиса подняла трубку:

— Алло...

— Здравствуйте, — произнес в трубку приятный мужской голос. — Алису Павлицеву будьте добры...

— Я слушаю.

Сердце Алисы тревожно забилося.

Голос был ей незнаком. В голове сразу появились мысли о плохом. Первая — что-то случилось с дедулей. Вторая — это милиция. Они нашли против Алисы неоспоримые улики и теперь были уверены, что того типа на «мерине» убила все-таки она.

— Добрый день, Алиса. Вас беспокоит секретарь Сары Мидленд.

Какое облегчение!

Алиса не смогла скрыть охватившей ее радости. Слава богу!

— Простите за беспокойство, но госпожа Мидленд просила меня вам позвонить.

— О, никакого беспокойства, — вежливо отозвалась Алиса. — Передайте ей, что я жду ее. Как договаривались.

— Дело в том, что это она вас ждет, — проговорил невидимый секретарь. — Она в гостинице «Братислава». Если бы вы подъехали и забрали ее...

— Подождите, — взмолилась Алиса. — Она ведь должна приехать послезавтра?

— Так получилось, что она приехала сегодня.

О боже! Она уже здесь...

— Хорошо, сейчас приеду, — пообещала Алиса, представив гнев Мерзавцева, Паршивцева и Гориллова, вместе взятых. Бедняжка Сара сидит в гостинице никому не нужная! Впрочем, незачем было тащиться на день раньше. И все-таки, повесив трубку, Алиса начала собираться.

— Куда ты? — осторожно спросила Елизавета.

— Мидленд уже здесь, — обреченно пробормотала Алиса. — Ждет в гостинице. Если ее сейчас же оттуда не забрать, завтра мне устроят судный день!

— Подожди, я не понимаю... Ты это серьезно? — робко переспросила Елизавета.

— Увы, — развела руками Алиса. — Мерзавцев хочет доказать «прогрессивному» человечеству, что Сара Мидленд есть на самом деле. С этой целью он извлек ее на свет божий и собирается предьявить широкой публике. А я должна напоминать ей сюжеты написанных ею произведений...

— Ничего себе история, — присвистнула Елизавета. — Видишь ли, Павлицева, мне ужасно любопытно взглянуть на подставную Сару Мидленд, — объявила Елизавета. — Тем более что я тоже не застрахована от участи встретить на своем пути воплотившуюся Авдонию... Ладно, поехали...

* * *

— И чего она раньше времени приехала? — ворчала Елизавета уже в машине. — Надо же, у этой самозванки есть секретарь! У тебя вот нет, у меня вот нет, а у нее... Картошечку не поели...

Алиса пропустила Елизаветин «крик души» мимо ушей.

«Берни» вела себя на удивление прилично. словно поняв, что от нее зависит Алисино благополучие, она даже не дребезжала, как разболтанная дрезина, — была послушной и сговорчивой.

— Интересно, какая она?

— Обычная. Серая, как лондонский туман, — ответила Алиса. — У нее бледное лицо тонкие губы и длинный нос. Еще у нее маленькая собачка с таким же вытянутым носиком. И горжетка...

— Как из детского стишка, — согласилась Елизавета. — А на голове она носит шляпу с фруктами.

— Нет! — возразила Алиса. — У нее на голове большой малиновый берет!

— Шляпа с фруктами ей идет больше, — не сдавалась Елизавета.

Они остановились перед пятизвездочным отелем.

— Подождешь в машине, — распорядилась Алиса.

Елизавета собралась было возразить, но передумала и согласилась.

Алиса вышла и уже направилась к гостинице, как вдруг...

— Вот черт! — вырвалось у нее.

Она невольно сделала шаг назад.

— Что с тобой? — поинтересовалась Елизавета.

«Это все-таки судьба!» — подумала Алиса и ничего не ответила.

Он стоял возле киоска. Утренний красавчик никакого внимания на Алису не обращал, куда больше его занимали сигареты и вина, выставленные за стеклом витрины.

Алиса постаралась взять себя в руки, чтобы скрыть от Елизаветы истинные чувства, — уж кому-кому, а ей известно, как эта «поручица Ржевская» может опошлить высоту момента!

«И все-таки это судьба, — снова подумала Алиса, делая шаг в сторону утреннего знакомого. — Иначе как можно расценить его появление именно сейчас, именно здесь — третий раз? Бог троицу любит, — вспомнилось ей. — Значит, этот парень послан Богом».

«Или дьяволом, — почему-то голосом Елизаветы пропел внутренний голос. — Может быть, это именно он хочет тебя напугать?»

«Чушь какая, — возмутилась Алиса. — Какой ему резон?»

«Эта тайна покрыта мраком, — не унимался вредина, внутренний голос Елизаветы. — Может быть, именно ему нужна скифская чашка? Или он планирует выжить тебя из дома, завладев земельным участком?!»

«Чем дальше, тем глупее», — постановила Алиса и, стараясь не слушать околесину, которую несло ее разгоряченное сознание, продолжила путь.

С каждым шагом приближался решающий миг. Алисе был отчетливо виден его профиль. «Слишком он красив, — подумала она. — Прямо антик какой-то...» «Или готик», — не замедлил присоединиться к размышлениям внутренний голос.

Он обернулся.

Его большие глаза смотрели удивленно, как будто он пытался припомнить, где он видел Алису. У Алисы же губы сами начали расползаться в улыбке. Он улыбнулся в ответ и проговорил:

— Ах да... Это опять вы. Вы меня преследуете, — рассмеялся он.

Надо же... От возмущения Алиса даже не нашла ответа. Она его преследует?! Да и над чем отвечать!

Подумав, Алиса решила промолчать, чтобы этот красавчик не вообразил невесть чего относительно своей персоны, и шагнула в холл гостиницы.

«Вполне в духе Сары Мидленд, — думала она, поднимаясь в лифте на девятый этаж. — И ты, Алиса, краснеешь и несешь полную чушь, как глупая Элайза!»

— Глупая Элайза, — повторила Алиса, выходя из лифта.

У окна курила какая-то дама. Она живо обернулась и уставилась на Алису.

Алиса пробормотала «здравствуйте», прошла мимо нее и постучала в дверь с номером 311.

Никто не отозвался.

«Ну, вот вам и новый облом», — подумала Алиса с удовлетворением. Так ей и надо. Пока она кокетничала с неизвестным красавцем, Сара Мидленд уехала к трем толстякам и теперь жалуется на бунтарку Павлицеву, несправедливо забравшую аванс!

Дама затушила сигарету и теперь направлялась к ней.

— Алиса? — спросила она. — Вы — Алиса Павлицева?

Алиса кивнула, продолжая недоуменно таращиться.

— Добрый день. — Дама протянула ей узкую руку. — Я Сара. Сара Мидленд.

* * *

Алиса взяла себя в руки и пролепетала:

— Очень приятно.

— Я... не знаю, как это сказать... — Сара Мидленд замешкалась.

Сара скромничала. С русским языком у нее было все в порядке. Только мягкий акцент выдавал иностранку.

— Если хотите, давайте говорить на английском, — предложила Алиса.

Сара посмотрела на нее с легким испугом и быстро замотала головой:

— Нет, мне нужна практика. Разговор, понимаете? Я хочу знать язык моих предков...

Настал черед удивляться Алисе.

— Ну да, — кивнула Сара. — Моя прабабушка из Петербурга. Она вышла замуж за англичанина и... была такова, да?

— Вовремя, надо думать, — рассмеялась Алиса.

— Перед революцией, — сообщила Сара. — Но нам надо идти.

— А ваши вещи? — удивилась Алиса.

— Побудут здесь, — беспечно махнула она рукой. — Ничего страшного.

* * *

На улице уже начинало темнеть, и вдобавок ко всем неприятностям резко похолодало.

Алиса поежилась и посмотрела на Сару: бедняжка была одета в легкую куртку из тонкой кожи.

Вела она себя безмятежно, словно это не Алиса писала за нее, а она за Алису. Алисе даже стало обидно, что такая красотка на самом деле — жалкая лицемерка.

А если она чего-то не понимает?

Может быть, Сара и в самом деле честно отписывает романы один за другим, вот только переводить их на русский никто не хочет, поэтому подключили Алису! Эту мысль Алиса тут же отнесла в разряд безумных. «С какой стати? — одернула она себя. — Какая ей выгода? И кому это нужно? Ну уж нет, не буду я размышлять на эти темы — и так голова похожа на переспелый арбуз с подгнившей мякотью», — решила она.

— Вон машина, — кивнула Алиса в сторону «берни».

В глазах Сары вспыхнул ужас, но она вежливо погасила его, послушно шагнув к развалюхе. Алиса даже немного обиделась: конечно, «берни» у нее далеко не «лендкрузер», но нельзя же так откровенно показывать пренебрежение!

Алиса открыла дверцу:

— Знакомьтесь, Сара, это... — и застыла, остолбенев, как жена Лота: Елизаветы в машине не было!

Алиса огляделась вокруг, пытаясь обнаружить Елизавету. Куда же могла подеваться?

«Бросила, — горестно подумала Алиса. — Бросила в такую трудную минуту! Предпочла спокойный сон подвигу во имя дружбы...»

Делать нечего. Придется ей самой справляться с напастью по имени Сара Мидленд.

— Вы совсем не похожи на свою фотографию, — вежливо заметила Саре Алиса.

Гостя смущенно потупилась:

— Видите ли, я сознательно выбрала ту фотографию... Это моя тетушка. У нас не очень любят молодых красивых женщин в качестве авторов...

— У нас тоже, — засмеялась Алиса, вспомнив ужасную физиономию Авдотьи

Зырянской, заменившей обложечное лицо Елизаветы. — Говорят, с молодым и интеллигентным лицом нет никакой надежды «продаться»!

Женщина бросила на Алису странный взгляд и что-то тихо пробормотала себе под нос.

Они отъехали. Алиса еще пыталась обнаружить Елизавету, поминутно оглядываясь: а вдруг где-то появится ее маленькая, тонкая фигурка?

«Берни» вела себя вполне прилично, словно пыталась понравиться иностранке, и они быстро добрались до бандитской вотчины.

— Вот мой... — начала говорить Алиса и осеклась: из невинного и тихого вишневого сада доносились выстрелы!

* * *

«Этого только мне и не хватало», — подумала Алиса.

Ну ладно — хоть бы было светло — так нет же, сад был темным, наступил осенний ранний вечер.

Алиса взглянула украдкой в сторону Сары: на нее рассчитывать было глупо. Если бы сейчас рядом была Елизавета! А Сара — сидит вытянувшись, с приклеенной вежливой улыбкой на губах, как кукла из Музея мадам Тюссо!

— У нас беспокойно, — вымучила Алиса из себя объяснение, которое и ей самой показалось неубедительным...

— Да, я знаю, — согласилась спутница.

Алиса вылезла из машины, но Сара никаких попыток вылезти не сделала. Похоже, посещение опасных мест не входило в ее планы. Конечно, Алиса могла бы заметить, что в изучение местных нравов и обычаев очень неплохо впишется посещение ее садика, в котором в данный момент идет бандитская разборка... Но она промолчала.

«Мои бандиты — мне с ними и разбираться», — вздохнула она.

Выстрелы стихли, и Алиса шагнула в сад, нарочито громко скрипнув калиткой. Если там кто-то есть, пусть поймет, что хозяйева вернулись.

— Ох, блин, не поймал! — услышала Алиса знакомый голос.

Леха выплыл из темноты со своей сумрачной улыбкой, от которой Алису всегда бросало в дрожь.

— Лешка! — удивилась она. — Почему ты бегаешь по моему саду с оружием?

— Привет, Алька, — сказал он. — Кто-то у тебя в саду шарил.

В руках у Лехи был револьвер, которым он вольно размахивал, наводя ужас на бедную иностранку.

Алиса глупо улыбалась, испытывая невероятное облегчение.

— Это ты стрелял? — спросила она.

— Ну, я, — хмуро согласился Леха. — Тут кто-то тусовался. У тебя, Алиска, вообще в последнее время одни хмыри торчат ночами. Сейчас хотел подсечь гада, и — фиг вам с маслом, ушел! Ты одна тут ночуешь?

— Да нет, вчера была Елизавета, а сегодня со мной будет Сара, — охотно объяснила Алиса, пытаясь говорить громко, чтобы тот злодей, которого только что напугал Леха, понял, как бесполезны его попытки проникнуть в дом.

— Смотри, — мрачно сказал Леха в темноту. — Если что, звони мне. Неладно с твоим

домом, Алиска.

— Леш, а что ночью-то было? — не утерпев, спросила она.

— Какой-то кент пытался забраться к тебе в окно, — сообщил Леха. — Я вышел покурить, гляжу, а он уже ногу закинул. А ты как дурочка! Свет у тебя горит! Ну, думаю, Алиска ничего не слышит! Я гаркнул, что стрелять буду, он и исчез. А сегодня снова — выхожу, смотрю — рыщет. По саду. Кусты шевелятся. Сначала я подумал — собака. Подхожу, пистолет достаю, говорю: «Что ты тут делаешь?» Тишина. Я через забор перепрыгнул, но он прыткий такой, начал уходить...

— А как он выглядел?

— Да я не разглядывал, — передернул Леха плечом. — Щуплый такой. Длинный. Двери поплотнее закрой на всякий случай. Не нравится мне этот тип.

Алисе тип тоже не нравился. К тому же получалось, что никаких кошмаров у них с Елизаветой не было.

— Леша, — остановила Алиса уходящего соседа. — В котором часу это было?

— Около восьми, — подумав, сказал Леха. — Я точно тебе могу сказать, только спрошу у Ленки. Она смотрела какой-то сериал... Алиска, ты все-таки позвони, если этот тип вернется. Жаль, я его не заценил!

— Да ладно, — отмахнулась Алиса. И снова в ее голову притащилась идиотская мысль: «А вдруг это ТОТ, мой принц, узнавший, где я живу...»

«Ага, принц. Воров принц, — начал ехидничать внутренний голос. — Принц, пытающийся под покровом ночи проникнуть в твоё жилище. Похитить красавицу Алису и увести ее в свое воровское королевство, раз уж чашки скифской ему не припасли!»

Иностранка, если и была перепугана, виду не показала. Не зря англичане прославились своей выдержкой, Сара на происшествие смотрела с любопытством и ловила каждое слово.

— Алиса, что происходит? — спросила она.

— Да так, ничего, — постаралась успокоить ее Алиса. — Кто-то пытался меня ограбить... Вот и все... Леша — мой сосед.

Сара выдавила улыбку и ничего не сказала.

«Странная особа, — подумала Алиса, рассматривая украдкой Сарин профиль. — Вроде бы это я пишу за нее дурацкие книжки... Или я вообще ничего не понимаю в создавшейся ситуации? На ее месте я вела бы себя немного иначе... Впрочем, может быть, ее не посвятили во все тонкости. Например, наняли за определенную сумму, чтобы она сыграла роль некой Мидленд, вот она и старается».

— Он из полиции? — пролепетала гостя.

— Он не из полиции. Он дружинник, — сказала Алиса первое, что пришло ей в голову.

— Кто? — не поняла Сара. — Дру-жин-ник?

— Это что-то типа народного ополчения, — принялась объяснять Алиса. — Вроде полиции, но неформальной. Следит за порядком в нашем районе...

«Мамочки, что за глупости я говорю? — ужаснулась она. — Хорошо, что в данный момент мы говорим по-английски и Лешенька-дружинник ничего не понимает!»

Лешенька в это время строил глазки невинной овечке Саре, забыв о брошенной дома супруге Ленке.

— Она кто? — поинтересовался он шепотом.

— Англичанка, — шепотом же отозвалась Алиса. — Писательница...

— Вот это ничего себе! — восхитился Леха. — Самая настоящая?

— Кто настоящая? — услышала вопль Лешинной души Сара.

Хорошо, что было темно и никто не видел, как Алиса покраснела!

— Мы говорим о...

— Дедулиной находке, — быстренько вышел Леха из неудобного положения. — У Алисы дедуля археолог, знаете?

Она удивленно покачала головой:

— Я слышала, что Алисин дедушка пастор.

— Не пастор, а священник, — снисходительно поправил Леха, явно раздумавший их покидать. — Он на досуге всякую старую рухлядь раскапывает...

Сара почему-то покраснела и спросила Алису совсем тихонечко:

— Алиса, почему ваш приятель так страшно ругается?

— Как? — удивилась Алиса.

— Это слово... Мне говорили, что оно ужасное.

— Да какое слово? — удивленно раскрыла глаза Алиса.

— Это... с таким окончанием...

— Рухлядь? — наконец-то догадалась она. — Это не ругательство... Это... Как бы вам объяснить? Старые вещи. То, что давно вышло из употребления.

Сара сначала обрадованно закивала, а потом снова посмотрела на Леху подозрительно. Хотела что-то спросить, но сдержала приступ любопытства. Только почему-то в ее взгляде появилась странная жалость.

— Ладно, девочки, — по-свойски приобнял за плечи Сару сосед. — Если что, зовите на помощь...

Лешенька явно напрашивался в гости. Сердце у Алисы было не каменное, но, честно говоря, после всех сегодняшних событий Алисе хотелось побыть одной или обсудить все с Лизой, но уж никак не наблюдать легкий флирт «иностранной писательницы» с отечественным бандитом!

«Хватит с меня и одной Сары», — решила она и встретила Лехин жалобный взгляд с твердой решимостью. Сначала Алиса сама попробует с ней разобраться.

Поняв, что надежды у него нет, Леха тяжело вздохнул.

— Мне пора, — улыбнувшись, проговорил он.

— Вот моя крепость, — произнесла Алиса, открывая дверь в родное жилище.

Произнесла — и осеклась...

Крепость... Кто-то шатается под твоими окнами, а ты называешь это опасное место «крепостью»...

— У вас уютно, — сказала Сара, глядя по сторонам.

Голос ее, правда, прозвучал как-то неискренне и уныло. Алиса немного обиделась.

Все-таки хороший дом, прошлого века, между прочим! Нет у них с дедулей средств на евроремонт, но Алисе и так нравится. Несмотря на всяческие «околодомные» обстоятельства.

Алиса зажгла свет, включила приемник, поставила чайник. Сара сняла куртку и устроилась в старинном кресле с ногами.

— Я позвоню? — спросила она.

— Конечно, — кивнула Алиса, вспомнив, что ей тоже надо бы позвонить Елизавете.

— Секретарю, — зачем-то пояснила Сара.

Алисе было безразлично, кому она звонит, хоть в посольство! Только бы побыстрее: в ее душе поселилась тревога за Елизавету: теперь Алисин таинственный преследователь

перестал казаться принцем. Вдруг он напал на ее бедную подружку? Охотился на Алису, а похитил Елизавету? Но тогда какого черта он шлялся возле Алисиного дома?

Она размышляла, заваривая кофе, пока Сара разговаривала со своим таинственным секретарем. Зачем ей секретарь? И почему она не взяла его с собой?

— Надо посмотреть на все трезвыми и ясными глазами, — прошептала Алиса. — Но если так именно посмотрю на все, я снова вляпалась в историю!

Кошка, решив, что в кухне находится только она, а значит, именно к ней Алиса и обращается, мурлыкнула.

— Да, Марго, надо нам все хорошенько обдумать, — повторила Алиса.

Обдумывать Марго ничего не хотела. Она свернула калачиком и закрыла глаза.

— Да, встретимся завтра, — донеслось до Алисы из комнаты. — Где-то ближе к пяти, хорошо? Думаю, я успею...

«Интересно, что она должна успеть, — пришла Алисе в голову подозрительная мысль. — И почему она говорит со своим переводчиком и секретарем по-русски? Да и вообще, почему она так хорошо знает русский язык, даже если принять во внимание ее далеких предков? Может, лучше все-таки позвать Леху?»

Сара сидела уставшая, грустная и была воплощением невинности и искренней простоты. Алисе тут же стало стыдно за ужасные мысли. «В конце концов, она такая же невинная жертва мерзавцевской алчности, как и я, — подумала Алиса. — Может запросто оказаться актрисой, вынужденной разыгрывать перед человечеством Сару Мидленд за гроши!»

Алиса прошла в комнату и набрала номер Елизаветы.

Елизаветы дома не было.

На город уже опустилась ночь, и, если ей было известно, куда подевалась Алисиная подружка-авантюристка, она этим секретом делиться не хотела.

* * *

Судьба Алису по-прежнему баловать не собиралась: в гостиной ее поджидала Сара Мидленд, и, несмотря на все сегодняшние неприятности, надо было сохранять «хорошую мину». «Хватит с бедняжки и Лехи с пистолетом, — решила она. — Если теперь еще и я начну метаться по комнате, заламывая руки, госпожа Мидленд тронется умом».

Хозяйственные хлопоты немного отвлекли Алису от сумрачных мыслей. Она порадовалась, что Нюша когда-то подарила ей две чашечки из тонкого фарфора, достаточно изысканные для приемов. Кофе был готов. Алиса вошла в гостиную — и поднос чуть не вывалился у нее из рук.

Сара Мидленд стояла возле окна и как-то странно размахивала руками.

Алисе вспомнилась сцена из «Собаки Баскервилей». Она вспомнила, как Бэрримор махал свечой в окне.

Свечи у госпожи Мидленд в руках не было, а то она наверняка спалила бы старенькие гардины. Но руками она размахивала очень энергично: то сложит их крестом, то распахнет, будто приготовив себя для страстных объятий.

Когда она обернулась, хорошей мины у Алисы не получалось. Вышла только кривая улыбка. Сама Сара тоже засмушалась и, встав спиной к окну, пробормотала:

— Простите меня, Алиса. Я немного... отвлеклась.

— Увлеклась, — машинально поправила ее Алиса, продолжая недоуменно смотреть на странную писательницу.

— О да, именно так, — обрадованно закивала она. — Я работала...

«Интересно, над чем?» — хмыкнула про себя Алиса.

Похоже было, что она никаким образом не могла повлиять на психику гостя.

— Я просто подумала, что Элайза стоит у окна, а за окном — русский красавец... Элайза не может открыто заявить о своих чувствах и пытается скрыть их от этого мужчины, — скромно потупилась бедняжка.

«По этому поводу она размахивает руками, как голодная ворона крыльями», — подумала Алиса. Впрочем, она уже пришла в себя от потрясения и теперь снова могла управлять эмоциями.

— Как интересно, — проговорила она, установив поднос на журнальном столике.

— Я всегда представляю себя на месте Элайзы, — поделилась творческими секретами Сара. — Чтобы передать чувства как можно правдивее.

Алиса кивнула. Ее так и подмывало спросить: как она обходится в момент написания эротических переживаний?

Сара сидела в кресле и маленькими глоточками потягивала кофе.

— У вас так хорошо, Алиса! Правда, не хватает камина, чтобы дом походил на готический замок... — Сара Мидленд задумчиво огляделась по сторонам.

— Есть печка, — сказала Алиса. — Это почти камин. А камин дедуля никак не сделает, хотя ему Лешка уже кирпичей привез — огнеупорных...

— О, как интересно! — вежливо ответила Сара, хотя по ее взгляду Алиса догадалась, что ей это несколько не интересно. Она украдкой посматривала в окно, словно надеялась там увидеть кого-то.

Алиса тоже бросила взгляд на окно, пытаясь попят, что же там привлекает Сарино внимание.

За окном было темно. Только в Лехином домике горел свет. «Неужели она и в самом деле пленилась Лехиной самобытностью? Ерунда какая-то», — подумала Алиса. Она снова посмотрела в окно и застыла. В темноте среди деревьев на одно мгновение вспыхнул красный огонек, словно кто-то в саду решил закурить, да передумал, поймав ее взгляд.

— Что случилось, Алиса? — Сара осторожно дотронулась до ее руки.

От неожиданного прикосновения Алиса вздрогнула.

— Ничего, — сказала она, продолжая всматриваться в темноту окна. — Просто... показалось.

Не выдержав, Алиса подошла ближе к окну. В темноте ничего не было видно, и она пожалела, что не включила внешний свет. Потом глаза привыкли к темноте, и Алиса начала различать очертания. На одно мгновение ей снова показалось, что там, за китайской вишней, притаилась чья-то тень.

Алиса отошла от окна и снова встретилась взглядом с Сарой. Кажется, теперь напугана чужими странностями была она.

— Что-то не так, Алиса?

— Нет, все в порядке, — постаралась успокоить гостью Алиса и добавила немного погодя: — Просто день сегодня выдался напряженный. Вот и кажется невесть что...

Иностранка вежливо закивала, как китайский болванчик, и согласилась:

— Да, сегодня удивительно тяжелый день. Наверное, нам следует отдохнуть.

Взглянув на часы, Алиса обнаружила, что Сара абсолютно права: за беседами незаметно прошел вечер, и теперь стрелки часов показывали без двадцати минут двенадцать...

* * *

Сару Алиса устроила в дедулиной спальне.

— Надеюсь, вам будет тут спокойно, — сказала она, включая лампу.

Сара осмотрелась, но ничего не сказала. Только кивнула и вежливо улыбнулась.

Алиса разобрала кровать и, пожелав гостю спокойной ночи, вернулась к себе.

Теперь можно было насладиться одиночеством да заодно поразмыслить о всех неприятностях, свалившихся на ее бедную головушку. Надо же было как-то из них выбирать, а как она могла это сделать, не проанализировав все тщательным образом?

Конечно, была бы сейчас с ней Елизавета...

Вспомнив о Елизавете, Алиса снова пододвинула к себе телефон и набрала Лизин номер.

Елизаветы дома по-прежнему не было. Телефон гудел в пустой квартире, и Алисе от этого безнадежного гудения было немного не по себе.

Воображение рисовало ей ужасные картины: раз уж за ней бегают какие-то преступные элементы, то вполне может случиться, что и Елизавету они включили в сферу своего пристального внимания! Но кому понадобилось их преследовать?! Вот тоже придумали...

Алиса еще раз набрала Елизаветин номер, прослушала гудки, убедилась, что ничего не изменилось и надо смириться с тем фактом, что ничего она сегодня о Елизаветиной судьбе не узнает.

Звонить Нюше было уже поздно, поэтому Алиса решила сделать это завтра. И думать о всех неприятностях она тоже решила завтра, как Скарлетт. В конце концов, от ее мыслей ничего не изменится! По крайней мере, на сегодняшний момент.

* * *

Сон Алисе приснился настолько сложный и концептуальный, что она ничего не поняла.

Почему-то Алиса сидела на берегу Аравийского моря — хотя откуда она узнала, что оно Аравийское, Алиса объяснить не могла. Просто узнала — и все...

Вокруг Алисы звучала странная, красивая музыка, а сама она была совершенно бестелесна — этакое облачко по имени Алиса. Она колыхалась от дуновения ветерка, принимая самые разные очертания: то вдруг становилась деревом, то превращалась в Элайзу, пока эти метаморфозы не закончились сами собой.

Музыка звала ее и манила, Алиса вскинула руки, точнее, руки вскинулись сами, потому что теперь ее новое тело жило только в танце, подчинялось его летящему ритму.

Алиса снова стала походить на себя — высокая, тонкая, похожая на мальчишку-подростка. И в то же время это была не она. Слишком прекрасна, чтобы быть Алисой.

Она услышала голос ветра, ветер звал ее по имени, а она все танцевала под странную музыку, пока не раздался кошмарный звон и страшный вопль из дедулиной комнатки.

— А-а-а!

Вслед за воплем последовали крепкие ругательства и причитания на чистом русском языке.

Алиса вскочила, еще не перейдя окончательно границы сна и яви. Одна часть ее продолжала плясать на аравийском побережье.

— Что вы делаете? — услышала она возмущенный вопль.

Похоже, в этом доме спокойные ночи закончились. Алиса окончательно проснулась, безжалостно прекратив танцы во сне. Дом стал пристанищем безнравственных призраков, которые от безделья ничего лучше не придумали, как заселиться в безмятежном жилище!

Схватив том «Старше-младшей Эдды», Алиса ворвалась в дедулину комнату.

Несчастливая английская гостья сидела на кровати, тараща безумные глаза на поверженного врага. Враг сидел на полу и тихо постанывал.

— Ну, Павлицева, какая ты все-таки подлая! — заявил враг. — Что это за тетку ты поселила к дедуле и почему она дерется?

— А почему ты лезешь в окно? — спросила Алиса врага. — Что вообще у вас происходит?

— Она меня трогала. — От волнения бедная Сара начала говорить с чудовищным акцентом. — Я лежу, а по моей ноге что-то ползет... Тарантул, думаю я, и в страхе просыпаюсь. И что я вижу?

— Это я тарантул? — возмутилась Елизавета. — Я вообще не знала, что вы будете тут. Я думала, это Алиска! А вы разорались и стали дубасить меня по голове! Я ей, между прочим, работаю! А если вы у меня вышибли последние мозги?

— Вы меня напугали, — заявила Сара, обиженно поджав губы. — Вы сильно меня напугали!

— Это не оправдание, — возмутилась Елизавета. — Вы меня тоже напугали — я же вас не била! Человек спокойно влезает в окно к любимой подруге, рассчитывая увидеть тут именно ее, а вместо Алиски натывается на вас! Я тоже могу подумать, что вы убили Павлицеву и улеглись на ее месте, как Волк из Красной Шапочки, чтобы теперь расправиться со мной...

Сначала Сара беспомощно таращила глаза и разевала рот, как выброшенная из Аравийского моря рыбина, потом собралась и прошептала, глядя на Елизавету с ужасом:

— Что она говорит, Алиса? Почему я должна вас убивать и ложиться на ваше место? Почему я должна убивать ее? Я не знаю эту девушку! Какой-то кошмар!

— Не обращайтесь на нее внимания, — сказала Алиса. — Она пишет триллеры...

— Три-лле-ры? Но при чем тут я? Я не пишу триллеры! Почему меня обвиняют в убийстве?

— Не в убийстве, — попыталась успокоить бедняжку Алиса. — В замысле убийства.

— Боже, боже, — простонала Сара. — Я не хотела вас убивать, вы мне верите? Зачем?

— Откуда нам знать зачем, — не унималась Елизавета. — Может, вам нужна скифская чашка!

— Какая еще чашка? — Она беспомощно оглянулась на Алису. — У меня дома есть много чашек...

— Это у нее бред, — пояснила Алиса. — Она никак не оправится после вашего удара. Кроме того, идея фикс насчет скифской чашки у моей подруги уже давно... Лиза, успокойся, в моем доме никогда не было никакой чашки! Особенно скифской!..

— Ты сама говорила, что была, — обиженно сказала Елизавета. — Похожая на ночную вазу... А теперь ради псевдоиностранки предаешь родную подругу... Которая, между прочим, рисковала из-за тебя жизнью, выслеживая весь вечер подозрительного типа, а потом получила дедулиной подушкой по башке...

Бедная Лиза!

Получить по голове дедулиной подушкой — это было действительно страшно! Дедулина подушка напоминала камень, и Алиса до сих пор не могла понять, как на ней можно было спать. Разве что при этом дедуля воображал себя древним скифом, заночевавшим прямо в степи с седлом под головой!

— Я оборонялась, — заявила Сара. — Может быть, вы вообще насильник, откуда я могла знать?

— Елизавета! — все-таки попыталась еще раз спасти положение Алиса. — Извинись перед Сарой... А почему, черт возьми, ты полезла в окно?

— А как я могла оказаться у тебя в доме? — Елизавета смотрела на Алису большими удивленными глазами.

— Позвонить в дверь! — закричала Алиса.

От Алисиного крика обе дамы дернулись и испуганно усталились на хозяйку.

— Я не могла! — собравшись с духом, ответила рычанием Елизавета. — Потому что возле твоего дома торчал какой-то урод! Может быть, это твой поклонник, но в последнее время я стараюсь быть осторожной! С таким же успехом это мог оказаться маньяк или убийца! А единственным местом, где я могла проникнуть в дом незамеченной, было дедулино окно.

— погоди, — пресекла Алиса ее вопли. — Какой маньяк? Опять под моими окнами маньяк?

— Нет, не под окном. Прямо перед дверью! — провозгласила довольная собой Елизавета.

Алиса схватила в одну руку «Эдду», в другую — дедулину подушку и, сгибаясь под непомерной тяжестью предметов, рванула к двери.

— Алиса, постойте! — робко попробовала остановить ее Сара.

Но Алисино терпение истощилось окончательно! Сколько можно? Что за нашествия на ее бедный дом?

Она распахнула дверь и застыла, как статуя Свободы, с поднятым томом «Эдды».

— Где этот ваш маньяк? — грозно спросила Алиса, всматриваясь в темноту.

Обе дамы дрожали за ее спиной.

В саду было тихо, ни веточки не шелохнулось.

— Нет его, — обрадованно выдохнула Елизавета. — Ушел... Надо было его раньше ловить.

Алиса включила освещение в саду и вышла.

Тщательная проверка каждого деревца показала, что маньяка и в самом деле нет.

Смирившись с этим очевидным фактом, Алиса вернулась в дом. Спать уже не хотелось.

Алиса посмотрела на часы и тяжело вздохнула: было только три часа, и она могла спокойно спать, видеть сны про Аравийское море и быть счастливой и безмятежной!

— Спать совсем не хочется, — робко проговорила Елизавета. — Может, кофе выпьем?

— Выпьем, — согласилась Алиса. — Только ты мне расскажешь, что там случилось. И объяснишь мне, какого черта ты бросила на произвол судьбы беднягу «берни»?!

* * *

Кофе варить отправилась конечно же Алиса. К кофе она должна была приготовить тостики с апельсиновым джемом.

Ночь была тихой и ясной, с россыпью звезд на синем бархате неба, и, прогнав из головы маньяков и злодеев, Алиса устроилась на подоконнике с твердым намерением найти Большую Медведицу. Медведицу она так и не нашла: помешал выплеснувшийся на плиту кофе, но она успокоилась.

Алиса вспомнила про Воплощение Мечты и улыбнулась. В оконном стекле она отражалась очень хорошо, даже себе понравилась... Может быть, это он, таинственный поклонник, стоит по ночам перед домом, и только вздох, тихий, как ветерок, вырывается из его уст?

— Могу же я наконец-то стать объектом чьей-то страсти? — спросила Алиса.

Она выключила тостер, намазала тосты джемом и решительно заявила:

— А почему бы нет?!

Елизавета была предметом страсти. Нюша тоже успела побыть предметом. И только Алиса ни разу не была ничьим предметом!

Она уложила тосты в форме цветочка на тарелке, и почему-то этот цветочек окончательно утвердил ее в том, что это несправедливо. В конце концов, до чего Алиса дожила, если любое проявление внимания к ее особе расценивается остальными как криминал?

Этот вопрос Алиса и задала Елизавете, нарушив ее тет-а-тет с Сарой.

— Почему ты думаешь, что за мной охотится именно преступник?

Елизавета посмотрела на Алису и хмыкнула:

— Удивляешь ты меня, Павлицева! Во-первых, они не за тобой охотятся. Если бы ты им была нужна, они бы тебя уже давно прибрали к рукам! Много преступного навыка не нужно, чтобы взять то, что плохо лежит! Им нужна...

«Господи, спаси! — догадалась Алиса. — Сейчас последует плач про скифскую чашку!»

— У меня ее нет, — процедила она сквозь зубы.

— Тогда есть еще вариант, — меланхолично отозвалась Елизавета.

— Есть, — согласилась Алиса. — Что никто ничего против нас не замышляет дурного.

Елизавета от возмущения чуть не поперхнулась тостиком и, отодвинув подальше чашку, вытаращилась на Алису как баран на новые ворота.

— А что тогда они замыслили? — тихо и зловеще спросила она. — Влюбились в тебя, что ли, всей компанией?

— Отчего же? — покраснев, стала оправдываться Алиса. — Просто мы все это раздули, и получился целый маньячный триллер! А на самом деле кто-то ошибся калиткой...

— Ага, — кивнула Елизавета. — Кто-то сначала домом ошибся, потом по саду таскался так настырно, что Леха его с пистолетом гонял... А в это время другой загадочный юноша перепутал машины...

— Машины? — удивилась Алиса. — А что было с машиной?

— Ну ты же не хочешь меня слушать, — развела руками Елизавета. — Я уже полчаса пытаюсь рассказать, что произошло перед гостиницей и почему я исчезла, а ты все время меня перебиваешь! Простите меня, Сара, но Алиса перечитала любовных романов и окончательно повредила в рассудке.

Оскорбления Алиса пропустила мимо ушей. С этим она как-нибудь разберется потом, а сейчас ее беспокоила история с машиной.

Она бросила на Сару быстрый взгляд и вытащила Елизавету на кухню:

— Рассказывай, а то мы до утра так и не успеем все выяснить!

— Было все так, — начала Лиза. — Ты вышла из машины и отправилась в гостиницу, но возле киоска почему-то остановилась и стала любезничать с этим типом...

— Ничего я не любезничала, — возразила Алиса. — Просто я этого человека уже встречала...

— Встречала? — заорала Елизавета. — Значит, я права?! Ладно, все по порядку... — Елизавета обвела кухню долгим выразительным взглядом. — Так вот, ты полубезничала с этим типом и исчезла. А я осталась в машине. Как тебе известно, я не очень высокого роста. Поэтому он меня поначалу не заметил. Постоял какое-то время, посмотрел тебе вслед, как влюбленный идальго...

Сердце Алисы радостно откликнулось на такое предположение. Пока она ничего предосудительного в поведении утреннего красавца не усматривала.

— Так вот, он меня сначала не приметил, и стоило тебе скрыться с глаз, пошел напрямик к «берни»! Я похолодела от ужаса... И сделала глупость... — Она стыдливо замолчала.

— Какую?

Алису глупость Елизаветы ужасно заинтересовала. Не ей же одной совершать невероятное количество глупостей!

— Я вышла из машины, — проговорила Елизавета, словно извиняясь. — Надо было спрятаться где-нибудь под сиденьем, тогда бы мне сразу стали понятны его намерения. То есть я не сомневаюсь в том, что они были гнусные...

— Может быть, он хотел, чтобы его подвезли? — попробовала вступить за прекрасного незнакомца Алиса. — А ты его напугала...

— Я? Ничего подобного! Я вела себя как образец прекрасного воспитания!

Алиса недоверчиво фыркнула. С воспитанием у Елизаветы, мягко говоря, было далеко не все в порядке. Но и это Алиса оставила на потом: рассказ о таинственном незнакомце взбудоражил ее воображение, а уж про любопытство и говорить нечего...

— Он остановился, увидев меня, и смотрел с таким ужасом, словно я не улыбаюсь ему, как идиотка, а угрожаю украденным пистолетом! Я спросила, что ему нужно. Он пробормотал что-то невразумительное, потом спросил, где находится краеведческий музей, чем окончательно утвердил меня в подозрениях...

— Почему? — Алиса широко распахнула глаза. — Тебе кажутся подозрительными все, кого интересуется история?

— Да, представь себе! — огрызнулась Елизавета. — Во-первых, твой дорогой дедуля периодически обогащает этот самый музей новыми экспонатами, а во-вторых, именно сегодня музей не работает!

— Но он мог этого не знать!

— А я ему сказала, — отмахнулась Елизавета. — Он меня вежливо поблагодарил и пошел прочь... Я не могла оставить его без присмотра, поэтому отправилась вслед за ним...

— И он пошел в другую сторону? — замирая, спросила Алиса: уж больно ей не хотелось разочароваться в утреннем незнакомце!

— Нет, — ответила Елизавета. — Он направился именно к музею! Я думаю, он почувствовал, что я за ним слежу, и постарался отвести подозрения... Музей, как назло, оказался открытым — из-за выставки с весьма подходящим названием...

— С каким?

— А догадайся...

В краеведческом музее Алиса не была уже лет десять, если не больше... И о выставках тамошних она ведать не ведала, поэтому только пожалала плечами. Был бы дедуля, он наверняка смог бы ответить.

— «Сокровища скифских курганов», — зловещим шепотом произнесла Елизавета. — Вот так-то...

Ужаснуться как следует они не успели: Алиса услышала шум подъехавшей машины, и голос дедули во дворе произнес:

— Осторожнее! Не повредите ее!

Алиса замерла, боясь поверить своим ушам, и посмотрела в окно.

Это — счастливый сон, или взаправду вернулся дедуля?

За окном уже начиналось утро, а в комнату два дюжих молодца втаскивали огромный деревянный ящик, за ними шествовал красавец дед в куртке нараспашку, с развевающейся гривой густых седеющих волос, и от него веяло такими спокойствием и уверенностью, что не только Алисины, но и Елизаветины страхи сразу рассеялись. Обе заорали «Де-ду-ля!» и повисли у него на шее.

* * *

— Ох, барышни мои, вы меня с ног сшибете! — посетовал дедуля. — И почему это вы не спите в такой ранний час? Только не врите, что боялись проспать заутреню, я на такие фишки не покупаюсь!

— Нет, у нас просто... — начала было объяснять Елизавета, но Алиса сделала такие страшные глаза, что она тут же осеклась.

Еще не хватало оглоушивать дедулю неприятностями! С Алисы и Сары хватит! Она еще не решила для себя, как надо вести себя с этой нахальной самозванкой, и откладывала минуты откровенного разговора. Дедуля пока не обратил на Сару особенного внимания: он привык к Алисиным подругам. Так, скользнул по ее лицу обворожительными хилловскими глазами, дружелюбно улыбнулся и поздоровался.

— Александр, — представился дед и улыбнулся своей самой обольстительной улыбкой.

Сара таяла. Кажется, и на нее дедовы чары оказали магическое действие — она стояла с глупой улыбкой и смотрела на него во все глаза.

Алисино сердце возмущенно забилось: что там Елизавета говорила об опасности? Вот она, опасность! Стоит молодая профурсетка и пытается охмурить Алисиного единственного деда!

— Очень приятно, — сказала Сара таким тоном, что у Алисы по коже побежали

мурашки.

— «Мне сорок лет, нет бухты кораблю, позвольте ваш цветок слезами окроплю», — насмешливо пропела Елизавета. Тихо, чтобы только Алиса услышала.

— Да брось ты, — попыталась успокоиться Алиса. — Она же его лет на тридцать моложе!

— Вот я и говорю — камергер Резанов с Кончитой... Скажи дедуле, что нечего служителю церкви с иноверками кокетничать!

Радость была омрачена. И кого было в этом винить? Мерзавцева? Или злую судьбу, которая явно вознамерилась уничтожить бедную Алису?

Теперь вся надежда была на то, что гостя чистосердечно признается в том, что она — Сара Мидленд. «Если я скажу об этом сама, дедуля заподозрит меня в банальной ревности!» — решила Алиса.

Дед наконец-то отвлекся от созерцания прелестницы Сары. Один из мужиков, притащивших ящик, кашлянул выразительно и просипел:

— Заплатить бы надо, хозяин...

Дед встрепенулся, посмотрел на Сару так жалобно, словно боялся, что это видение, пока он будет заниматься ящиками, растает, но реальность была сурова.

Он с видимой неохотой отвлекся и полез в карман. Расплатившись с грузчиками, выпроводил их:

— Ну, вот и настала пора для чуда. — С этими словами он открыл ящик и спросил: — Ну и как вам моя красавица несравненная? — На дне ящика лежала икона.

Руки женщины, изображенной на ней, взмыли вверх, послушные музыке, на губах — улыбка, готовая вот-вот улететь, легкая, как бабочка или облако... Она была похожа на мальчика-подростка, а у ног ее плескалось море.

Алиса не смела вздохнуть.

«Это же я, — хотелось закричать ей. — Это — из моего сна! А море — Аравийское, да?»

— Дед, можно ее потрогать?

— Да можно, — рассмеялся он. — Пока не в храме, можете погладить мою красавицу... Тем более что она, говорят, чудотворная. Вот только не каноническая... Видишь, ангел над ней — облаком?

Алиса коснулась иконы кончиками пальцев, стараясь быть осторожной, чтобы не нарушить грубым движением танца. Ей действительно казалось, что женщина движется, что трепещут краешки ее одежд...

— Кто это?

— Богородица, — сказал дед. — Благовещение... Еще тех времен, когда нельзя было изображать женские формы — вот она и похожа на мальчишку.

Он смотрел слегка прищурившись, с почти неуловимой грустью. Словно погружался в танец, и возвращаться ему не хотелось.

— Вот вам, девочки, еще подружка. — Дедуля тряхнул буйными кудрями, словно стряхивая с себя остатки грез, и рассмеялся. — Пока она поживет у нас, так что будьте с ней поласковее... И берегите ее. Потому как она и вправду несравненная, и цены ей нет.

— Как? — подала голос Сара. — Сколько же она может стоить?

— Дорого, — усмехнулся дед. — Только дело не в цене... Она — чудо, а за чудо денег не берут. Чудо дарят, чтобы всем стало немного светлее да жилось чуть правильнее...

— И вы ее отдадите? — удивленно воскликнула Сара. — Кому?

— Дед все тащит в музей или в храм, — пояснила Елизавета. — У него там даже свой зал есть. Мы тебе потом покажем...

— Но это же... — Сара не договорила. Она стояла, сложив руки на груди, и переводила взгляд с деда на Деву Марию, словно пыталась понять: почему дед, такой красивый мужчина, начисто лишен всяческого практического ума?

И еще Алисе показалось, что во взгляде Сары мелькнула ревность: уж больно влюбленно таращил дед свои необыкновенные глазищи на тонкую фигурку.

Сара не спускала с дедули глаз: не каждый же день тебе выпадает удача и ты видишь Даймона Хилла во плоти! Алиса сомневалась в том, что ее интересовали дедулины духовные качества: в Сарином взгляде читалось плотоядное стремление проглотить бедного дедулю и не подавиться.

Дедуля к дамским жадным взорам уже привык и смотрел на гостью со своим знаменитым прищуром, от которого тетки начинали окончательно мрачнеть рассудком, повергаться ниц и делать прочие глупости. Сара была опытной соблазнительницей, поэтому загадочно молчала, не спуская с дедули глаз, в которых Алиса заметила опасное мерцание.

— Вы ведь священник, — наконец осмелела наша шарлатанка. — Странно, что вам дозволяется участвовать в раскопках...

— Почему? — искренне удивился дедуля. — Вы всерьез полагаете, что священники сильно отличаются от остальных людей?

— Глядя на вас, я начинаю в этом сомневаться, — тихо рассмеялась Сара. Ни дать ни взять — воркующая голубка...

— То есть я обычный человек, — удовлетворенно заметил дедуля.

— Как раз наоборот, — продолжала атаку наша незваная гостья. — Вы необычны. Даже сами себе не отдаете отчет, насколько...

— Может быть, вам это просто кажется... Кстати, нас не познакомили. Как вас зовут?

Тут с Алисой что-то произошло. Она представила себе, как Сара сообщает дедуле о том, что она примчалась из Англии встречаться с читателями, а дедуля столбенеет от гнева! Что будет потом, Алиса знала. Потом разразится ужасный скандал и Сару выгонят из дома в связи с «нехристианским поведением». Но Алисе ужасно хотелось разобраться в темной истории, а как она могла это сделать без главной темной лошадки? Дело-то было не в Мерзавцеве и компании — дело было в ней. События последних дней показывали Алисе, что затянувшаяся игра была совсем не так невинна, как это казалось поначалу.

— Дед! — закричала Алиса, заметив, что глупая Сара уже открыла рот, чтобы назвать свое имя. — Я забыла тебе рассказать, что тут творилось! Пожалуйста, пойдем ко мне в комнату!

Ее крик напугал всех в комнате. Елизавета, до этого момента мирно дремавшая в кресле, очнулась — и теперь смотрела на Алису с неприкрытым ужасом.

— Что, опять призраки? — спросила она. — Я надеялась, что с появлением дедули призраки исчезнут автоматически...

— Какие еще призраки? — испугался дедуля.

— Пойдем, — потянула его за рукав Алиса. — Сейчас я тебе все-все расскажу. Только обещай мне, что не будешь волноваться...

Уже занималось утро. Первые солнечные блики, проникнув через окно, эффектно украсили дедулины каштановые волосы с серебристыми прядями. Алиса невольно залюбовалась четко вылепленным профилем деда и в очередной раз подумала, что с его стороны идти в священники было романтической блажью.

— Я слушаю тебя, Алиса... — прервал ее созерцания дедуля.

Алиса оглянулась на дверь в комнату, где они оставили Сару и Елизавету, и сказала:

— Только поклянись мне, что не будешь волноваться.

— Алиса, я не даю клятв! — возмутился дед. — Ты прекрасно знаешь, что это...

— Не по-христиански, — вздохнув, закончила за него фразу Алиса. — И все-таки, дед, иногда можно нарушить традиции.

— Прелюдия к рассказу слишком длинна, — заметил дед, усмехнувшись.

— Я не могу рассказывать тебе свою историю, пока у меня не будет гарантий, что ты не брякнешься на пол с сердечным приступом! — возмутилась Алиса.

— Постараюсь, — сказал заинтригованный дед. — Могу сесть на кровать.

— Неплохое решение... Садись, — разрешила Алиса.

Она отодвинула подушки и уселась рядом с дедом.

— Понимаешь, дедуля, здесь творятся какие-то странные вещи, — начала Алиса. — Во-первых, ночью вокруг нашей с тобой «храмины» таскались загадочные личности с непонятными намерениями. Во-вторых, меня хотели сегодня убить. А в-третьих, эта девица, которая тусуется в нашей гостиной, утверждает, что ее зовут Сара Мидленд.

Несмотря на сногсшибательность сообщений, дедуля выполнил свое обещание и не упал в обморок. Он долго смотрел на Алису, переваривая полученную информацию, потом загадочно протянул:

— Та-ак... Если я тебе скажу, что все понял, ты мне не поверишь?

— Конечно, потому что я сама пока ничего не понимаю.

— А ты обращалась в милицию?

— В общем-то, милиция сама ко мне обратилась... — задумчиво поведала Алиса. — Потому что тот тип, который вознамерился меня убить, сам был убит. И милиция сначала подумала, что это сделала я.

Последнее известие дедулю очень расстроило.

— Алиса! Я надеюсь, что это не так? Ты не осмелилась нарушить первую заповедь Господа?

— Да что ты, дед! — возмутилась Алиса. — Даже если бы мне и захотелось ее нарушить, я не смогла бы! Ты что, не знаешь, что я патологическая трусиха?

— Раньше ты была спокойной девочкой, — сказал дедуля. — Во всяком случае, я оставлял тебя одну и ничего не происходило... А теперь целый набор неприятностей!..

— Что же нам делать?

— Разбираться, — развел руками дедуля. — Например, почему тебя хотят убить?

— Да не хотят! Это Елизавета так думает, и еще Андрей Михайлович, следовательно. Ну подумай сам, дед, кто может желать моей смерти? Наследства я никому не оставляю, сведений о чьей-то преступной деятельности у меня тоже нет... Скорее всего, все случилось случайно! Вот в это я охотно верю, потому что я всегда попадаю впросак! Так

что это все ерунда! А вот Сара...

— Да, кстати... — подхватил дед. — Что это за девушка, выдающая себя за тебя? Откуда она взялась?

— Я очень хочу это выяснить, — призналась Алиса. — Она себя ведет немного странно, как будто и в самом деле ее так зовут, или она думает, что мне ничего не известно! — Она вкратце рассказала ему о разговоре с Мерзавцевым.

— Ох, Алиса, я же тебя предупреждал, что вся эта «литература» добром не кончится! — заохал дедуля.

— Предупреждал, — согласилась Алиса.

— А поговорить с этой Сарой ты не пробовала?

— Дед! Если она все знает и так странно себя ведет, значит, говорить с ней бесполезно! Она прожженная негодяйка! Поэтому я ничего откровенными беседами не добьюсь!

— Может быть, мы ее исповедуем? — предложил наивный дедуля.

— Насильно? — удивленно охнула Алиса. — Как ты ее в церковь затащишь? Ты ее видел? Она вся в кожу зятя, как металлистка! Нет, у меня другой план... Только ты сделай, пожалуйста, вид, что нисколько не удивился тому, что ее зовут Сара Мидленд...

На самом деле плана у Алисы пока не было. Были только туманные наметки. Но дедуле об этом знать было незачем. «Я и так сказала ему больше, чем собиралась», — подумала Алиса.

— Ты только не бойся, — нарушил молчание дед. — Мы что-нибудь придумаем... — Он мягко дотронулся до Алисиной руки.

Ах, как ей хотелось ему поверить!

— Дед, — сказала она, уткнувшись носом в его плечо. — Чем я им помешала?

— Да ничем, лапушка, — мягко потрепал он ее по голове. — Может быть, все это только цепочка случайностей... Обычно-то шакалы грызутся между собой. А ты оказалась рядом... Главное, Алиса, не бойся! У них заступников нет, а у тебя — целая армия! Только на небеса взгляни...

В отличие от дедули Алиса не уповала на небеса. Но в этот момент ей очень хотелось ему верить.

— Алиса, а это не может быть связано с Сарой?

— Я про это думала, но зачем? — пожала плечами Алиса. — Это же простой обманчик, мелкий и пошлый до омерзения! Не думаю, что из-за этого надо было нанимать киллеров по мою душеньку!

— Алиса, вспомни, кто отец лжи? — не унимался дедуля.

— Дьявол, — вздохнула Алиса.

— Разве могут быть простые обманчики? — назидательно спросил дед. — Один маленький ведет к большому, а там недалеко до смертных грехов... Ох, лучше бы ты не связывалась с бесенятами!

Алиса ничего не ответила. Это была вечная тема: дед с потрясающим упорством пытался убедить Алису, что писать ерундистику, если Бог одарил тебя талантом, гадко и стыдно. Еще хуже отдавать свои книги в чужие руки.

— Ты словно детьми торгуешь, — кипятился он. — Родишь — и продашь, как компрачикоса, чтобы дальше в бутылке растили!

— Да меня же не напечатают под своим именем, дедуля! — доказывала Алиса.

— Ну и пускай не печатают, — отвечал дедуля на эти доводы. — Их беда...

— Дед, давай не будем все наши споры начинать сначала! — взмолилась Алиса. — Каждый зарабатывает как может!

— Тогда почему бы тебе не податься в воры? — усмехнулся дед. — В карманники, например... Лучше ведь! Честнее... Ты сама подумай, Алиса, как это выглядит, ты ведь не просто Алиса! Ты Павлицева! Твой пращур с Чаадаевым дружил, другой — с Иоанном Кронштадтским лепрозорий открывал... Они в твою головку что-то свое вложили, талант-то у тебя не просто из воздуха появился! А ты все на этих теток разбазариваешь! Да любая из них, прости Господи, дает глупую надежду, что ум иметь не обязательно!

— Это не по-христиански, дедуля, — хитренько улыбнулась Алиса. — Люди все равны.

— Может, и равны, — проворчал распоясавшийся дедуля. — Только не убедишь ты меня в том, что Иоанн Кронштадтский равен по значимости какому-нибудь воришке и алкашу... Миру-то нужнее отец Иоанн, а не воришка! Вот пусть и знает свое место.

— Дедуля, это совсем не по-христиански! — возмутилась Алиса. — К тому же я не думаю, что все эти перестрелки связаны с моими занятиями.

— Алиса, — попросил дедуля, взяв ее руки в свои. — Обещай мне одну вещь. Когда все это закончится, ты найдешь себе другую работу! Сейчас я тебе ничего сказать не могу. Пойму, что там за темные дела, тогда объясню тебе все.

Алиса удивленно посмотрела дедуле в глаза.

— Тайны? — переспросила она. — У тебя тайны?

— Да не тайны, — развел руками дедуля. — Просто одну статью прочел и задумался...

— Алиса! Вы где? — раздался из комнаты встревоженный голос Сары.

Высокая гостья ждала, а это значило, что все разговоры придется оставить на потом.

— Если вам нечего делать, — сказала она с досадой, — придумали бы что-нибудь получше загадок без ответа! А так только попусту теряете время!

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Алиса старалась не думать утром. Она всегда просыпалась с трудом, потом бродила по дому, стараясь не смотреть на компьютер. Затем следовало долгое кофепитие с сигаретой — Алиса готовилась к рабочему дню. Иногда ей казалось, что ее организм протестует против насилия над собой. «Дедуля нрав, — думала она. — Надо уходить... А то я совсем перестану писать. И читать тоже перестану. Мне везде будут мерещиться «негры». Как же читать после этого? Думаешь, читаешь Д. Г. Лоуренса — а на самом деле это не Лоуренс, а Луи Армстронг... Прав дедуля! Надо подумать над Валериным предложением. Для создания кулинарных рецептов тоже пригодится мое филологическое образование...»

— Интересно, сколько она может стоить? — прервала ее мысли Елизавета, задумчиво глядя на «Святую Деву».

— Лет на десять безбедной жизни хватило бы, — предположила Алиса. — Ты хочешь ее украсть и продать?

— Не я, — отмахнулась Елизавета. — Эти типы, которые мелькают в наших окнах...

— Типы про нее не знают пока. Они по какой-то другой причине нами интересуются.

— Узнают, — зловеще усмехнулась Елизавета. — Заглянут еще пару раз в окна и быстренько приметят...

— Глупости какие! Может быть, они все-таки дома перепутали — в это я скорее поверю!

— А если их интересует наша Сара?

От неожиданности и смелости предположения Алиса застыла, как каменное изваяние, и уставилась на Елизавету.

— Зачем им Сара? — спросила Алиса.

— Откуда я знаю? Может быть, Сара перевозит наркотики... Она их кинула и решила деньги от «белой смерти» себе в карман положить. Или они предварительно договорились с Мерзавцевым. Организовали встречу читателей с псевдописателем. Чтобы не возникало подозрений... А сами в это время постараются сбыть наркоту с рук...

— Ты что, с ума сошла? — испуганно прошептала Алиса.

— Весь мир сошел с ума, — томно ответила Елизавета. — Особенно он сошел с ума из-за наркоты... Она стоит дорого, побольше, чем твоя икона, так что вполне возможно, что Саре хотелось подработать... Твои опусы приносят ей слишком маленький доход. Или она пала жертвой чьих-то интриг. Например, у нее на глазах погибли жених и дети-близнецы. Она тронулась рассудком, поверила, что это она и есть Сара Мидленд. То есть ей это внушил нанятый Мерзавцевым психиатр... По-русски она ведь хорошо говорит, правда? И свято верит, что все книжки про Элайзу она написала. А жениха и детей убили, и вот теперь мафия думает, что она опасный свидетель. Вот и пытаются устранить ее, а заодно и тебя.

Так что можно эту версию рассмотреть, если тебя не устраивает наркота...

— Не устраивает, — подтвердила Алиса. — Какая-то глупость пришла тебе в голову с этой наркотой! И вторая версия мне тоже совсем не правится. Да и при чем тут Сара? Этот тип ждал меня...

— Ну, это бабушка надвое сказала, — покачала головой Елизавета. — Он мог подумать, что вы поедете вдвоем. Может быть, он вас вообще перепутал...

— Тогда у Сары есть нечто такое, что интересует наших бандитов... Или она шпионка.

— Она не иностранка. — Елизавета торжествующе посмотрела на Алису.

— Почему?

— А сама вспомни... Как она назвала дедулю? Пастором... А в Англии, между прочим, викарии. А пасторы — у американских протестантов.

Алиса вспомнила о бандитах и представила Леху, который смотрел на Сару влюбленным взором, потом несчастного деда, который отправился показывать Саре город. Сердце ее сжалось.

«Как коварны женщины, — подумала Алиса. Эта «англичанка» умудрилась за один какой-то день покорить два мужественных русских сердца, что же она натворит, если задержится тут на неделю?»

— Ну, тогда получается полная ерунда, — сказала Алиса. — Если уж ты хочешь знать мое мнение...

Елизавета удивилась. Ее не интересовало Алисино мнение, но она тактично промолчала.

— Сара сама плетет интриги!

— Тогда она себя странно ведет. В ее взгляде иногда проскальзывает недоумение, а иногда — возмущение!

— Может быть, она и сама ничего не знает? — предположила Алиса, удивившись тому, что Елизавета тоже подметила странное выражение Сариных глаз.

— Как это — не знает? Ты хочешь сказать, что эта мошенница не соображает, что ввязалась в грязную игру?

— А если она не мошенница? И считает таковыми нас? Если она и в самом деле Сара Мидленд? И писала романы? Но наши толстяки украли у нее имя и заставили писать за нее меня!

— Я же говорю, что тебе пора писать детективы, Павлицева! — звонко захохотала Елизавета. — Такие глупости придумала — ровно на двухтомную Таню Привалову! Никакая она не англичанка!

— А если она англичанка-протестантка? — не сдавалась Алиса.

— Ага, гугенотка... Возьми том Агаты Кристи и найди хоть одного пастора!

— А патер Браун?

— Так ведь патер!

— Давай с ней поговорим, — предложила Алиса, устав от спора. — В конце концов...

— В конце концов, — прервала ее Елизавета, — она вряд ли тебе много расскажет. Если она что-то знает, она накрепко повязана с нашей «толстопузой бандой», а если сама находится в неведении, тем более не сможет тебя просветить.

— Тогда остается дедулино предложение, — мрачно заявила Алиса.

— Какое?

— Исповедь...

— Господи! — всплеснула руками Елизавета. — «Они возили бедную Кончиту в церковь, она призналась во всем», — процитировала она свое любимое произведение и засмеялась. — Когда вы с дедулей сообразите, что на дворе уже — новый век? Люди после девятнадцатого сильно изменились... Мне грустно говорить тебе об этом, но куда нам деться от реальных фактов? И почему вы решили исповедовать эту «шестерку»? Займитесь уж тогда рыбами покрупнее... Происповедуйте Мерзавцева, например. Вдруг по его щеке пробежит слеза раскаяния... — Выдав длинную тираду, Елизавета погрузилась в размышления. — Надо ей подкинуть аманта, — наконец-то нарушила затянувшееся молчание Елизавета. — Мне она показалась немного... Как бы это сказать? Нимфоманкой. Наверняка в минуту близости она будет склонна к откровенности...

— Давай тогда подкинем ей Пафнутия, — предложила Алиса.

— Нет уж! — отрезала Елизавета. — Не будем мучить бедного Пафнутия: ему вполне хватает меня... Я же не собираюсь подкидывать ей дедулю!

— Дедулю ни в коем случае нельзя, — твердо сказала Алиса. — Она запросто может оказаться брачной аферисткой... Мало ли кого пришло в голову нанять нашему начальству!

— Тогда получается, что к нам в окна пялятся Сарины бывшие мужья или, если она законченная аферистка, призраки убиенных мужей... На призраков они походят мало, так что получается, уж прости меня, Павлицева, полнейшая ерунда!

— Тогда у нее могут быть фамильные драгоценности, которые она зачем-то таскает с собой... Может быть, у нее там вообще алмаз Раджи...

— Алмаз Раджи уже сто лет как украден, — вспомнила Елизавета.

— Может быть, это она и сделала...

— А может быть, ты наконец перестанешь придумывать всякую чушь?

— Если я придумываю чушь, — обиделась Алиса, — придумывай дальше ты... Я и так устала от мыслей. Нормальные люди вообще живут без них. Вид у них, кстати, куда более здоровый и счастливый, чем у нас с тобой!

— За ними подозрительные личности не следят, — сказала Лиза. — Они могут себе это позволить... А нам все-таки надо все хорошенько обдумать. Но если ты не хочешь, пожалуйста. Я могу сама.

Прекрасно зная, до чего способна додуматься Елизавета, Алиса испугалась.

— Почему не хочу? Давай, — поспешила согласиться она.

Они замолчали, чтобы не мешать друг другу размышлять. Первой заговорила не Алиса.

— Вообще-то дедуля ведет себя неправильно, — сказала Елизавета. — Вместо того чтобы заняться пирогами, он отправился с этой английской мамзелькой осматривать достопримечательности... Как-то это ненормально для человека, облеченного саном. Если он не прекратит вести себя подобным образом, придется жаловаться в Синод... А то мы тут с тобой сидим, как овечки без пастыря, а он носится по городу, окрыленный нездоровой страстью!

— Он вовсе не окрылен, — заступилась Алиса за дедулю. — Он тоже пытается все выяснить... Так что не надо туда жаловаться.

— А потом будет поздно, — вздохнула Елизавета. — Нет, Алиска, что-то у меня плохо с мыслями сегодня! Если они и приходят в голову, все неправильные, так что надо на сегодня прекратить!

— Со мной происходит то же самое, — вздохнула Алиса. — Только у меня нет даже неправильных мыслей... В голове полная пустота.

— Иногда мне кажется, что мы с тобой вообще не способны правильно мыслить, — вздохнула Елизавета. — Потому что умные женщины уже давно бы во всей этой галиматье разобрались... Все бы по полочкам разложили, как белье в шкафах, правильно помыслили бы и нашли ответ. А мы с тобой так и будем в потемках шарить...

— До чего-нибудь дошаримся, — попыталась Алиса зарядить оптимизмом бедную подружку.

Елизавета взглянула на нее, как на неизлечимо больную, с жалостью, и буркнула:

— До удара топором по башке, например.

«Это у нее от голода, — решила Алиса. — Надо возвращать ей нормальное отношение к жизни».

— Пойду жарить яичницу, — объявила она, поднимаясь.

Елизавета останавливать Алису не стала. Она включила телевизор, пощелкала по каналам и наконец остановилась на НТВ.

— Вот! — воскликнула она. — Писательница расследует преступления! А мы с тобой чем хуже? Уж преступление, непосредственно с нами связанное, мы обязательно должны расследовать сами!

Алиса более трезво смотрела на вещи и куда охотнее свалила бы расследование на Андрея Михайловича Мельникова, но спорить с Елизаветой было бессмысленно.

* * *

Наблюдая, как белок на сковородке обретает яркость и белизну, Алиса думала о предложении Елизаветы разложить все по полочкам, как свежее белье. С бельем у нее не получилось. Получились какие-то свежевыстиранные скелеты. Сначала Алиса уложила рожу, мелькавшую в окне. Рожа получилась бомжовская. Зачем-то Алиса придела рожу в кепарь с большим козырьком. Рожа укладываться в шкафчик не желала, отчаянно брыкалась и материлась. Но Алиса победила. Теперь рожа валялась плашмя и тихонько постанывала.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Следом Алиса, подумав с некоторым сожалением об утраченных иллюзиях, запихала загадочного светловолосого красавца. Он только кротко посмотрел на нее печальными глазами, но ничего не сказал.

Потом она усадила туда же Сару. Слушать ее возражения Алиса не стала: снимать подозрения на том основании, что Сара прикидывается иностранной подданной, Алиса посчитала несправедливым. Иностранцы подданные не должны иметь преимущества перед соотечественниками, это непатриотично.

Пока она думала, яичница гневно урчала, давая понять, что сейчас она пригорит.

Алисе пришлось отвлечься, чтобы ее выключить, и, видимо, в этот момент она потеряла «связующую нить». Когда она вернулась к воображаемому шкафчику, все, кого она туда старательно помещала, разбежались!

— Нет, человеку, занятому интеллектуальным трудом, противопоказано заниматься еще и физическим, — пробормотала она.

Сейчас ей казалось, что она была близка к разгадке, и если бы не эта противная яичница...

— Если этот красавец действительно с ними связан, он непременно появится, — вдруг

сказала она вслух. — А если он снова появится, я должна поступить как Мата Хари... Сначала я обязана его обольстить, а потом все выведать! Поскольку пока он вызывает подозрения... Появился в тот день, когда приехала Сара. Стоял возле гостиницы. Может быть, и гоблин — его рук дело...

Эта мысль Алисе понравилась. Она даже перестала жалеть о тех мыслях, которые успели разбежаться и попрятаться, — вряд ли они были такими же умными и нужными.

В комнату Алиса вернулась в хорошем настроении. Елизавета сидела, задумчиво уставившись на икону, и слушала «Террариум», тихонько подпевая Гребенщикову:

— Где катафалк не проползет...

Пела она плохо, но говорить ей об этом было нельзя: Елизавета по сей день пребывала в святой уверенности, что ей надо было стать рок-звездой.

Алиса поставила перед ней тарелку, и она вернулась из своих запредельностей, расставшись с «изоморфическими тенями» БГ без всякого сожаления.

— Я все придумала, — радостно объявила она. — Слушай...

— Слушаю, — кивнула Алиса, решив предоставить ей право высказаться.

— Понимаешь, этот твой парень, который подсматривал за машиной, явно связан с нашей самозванкой...

— И что, — поинтересовалась Алиса, не желая верить в худшее.

— Если этот красавчик появится еще раз, с ним надо будет поступить по-женски коварно...

— Как? — спросила Алиса, чувствуя, что ее обкрадывают.

— Обольстить его, — передернула плечиком Елизавета и кокетливо захлопала своими длинными ресницами.

Алиса уже хотела ехидно заметить, что они синхронно мыслят, но Елизавета опередила ее.

— Можно попытаться переключить на него Сару. Заодно проверить ее... Но она уже увлеклась дедулей... — тоскливо вздохнула Лиза. — Жалко. И потом, мы не сняли с нее подозрений, значит, Сара отпадает... Нюша у нас семейная матрона, тоже не получается. Остается один человек...

Сердце Алисы забилося.

— Это я, — скромно заявила Елизавета, еще раз хлопнув ресницами.

— Почему ты? — вырвалось у Алисы. — Так ведь ты тоже не подходишь! Ты замужем!

— Ну и что? — легкомысленно спросила Елизавета. — У меня муж в командировке. Классическая ситуация... За оставшиеся два дня я успею этого типа обольстить, выведать все его тайны и бросить... Конечно, это подвиг с моей стороны, я рискую семейным счастьем, но ради твоей безопасности я согласна!

— А если мне самой порисковать? — осмелилась предложить Алиса.

— Тебе? — удивилась Елизавета. — С какой стати?

— Я... — Алисина решимость быстро растаяла под изумленным взглядом подруги. — Я просто думаю, что тебе незачем так рисковать из-за меня, — промямлила она. — Если Пафнутий узнает, что ты ему изменила, он будет глубоко несчастен!

— Такова его участь, — развела руками Елизавета. — И потом, это ненадолго. Он немного побудет несчастным и снова станет счастливым спустя некоторое время... Се ля ви. Без потрясений жизнь становится пресной...

— Я буду тоже страдать, — горячо возразила Алиса, — зная, что все это из-за меня! А

вдруг вы разойдетесь?

— Мы? Ни-ког-да, — парировала Елизавета. — Чтобы мы разошлись, надо более сильное потрясение, чем мой легкий флирт на стороне. Например, его легкий флирт.

Алиса промолчала. Спорить с Елизаветой — бестолковое занятие. Если уж она что-то придумала, все аргументы будут отмечены.

— Алиска, да не переживай ты так из-за меня! Все будет нормально... Обольщать твоего преследователя буду я! Давай есть яичницу, пока она не стала холодной и противной!

* * *

Алисе кусок в горло не лез. Она с завистью смотрела, как Елизавета доедает глазунью, и думала, что ей отчего-то совсем не хочется, чтобы Елизавета жертвовала семейным счастьем ради Алисиной безопасности.

— Давай обратимся в милицию, — высказала она спасительную мысль.

Елизавета замерла, уставившись на подругу с потрясенным видом.

— Куда мы обратимся? — переспросила она.

— В милицию, — повторила Алиса. — В конце концов, туда все обращаются в таких ситуациях.

— Каких? — снова переспросила Елизавета. — Вот перескажи мне, что ты намереваешься поведать ментам, дабы заручиться их поддержкой?

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — В мои окна ночами кто-то смотрит. На моих руках умер неизвестный гоблин. Меня хотели убить. А еще меня преследует какой-то красавчик...

— Прекрасно, — кивнула Елизавета с довольной улыбкой. — Просто прекрасно... Не забудь добавить, что ты писательница. И тебя зовут Сара Мидленд... Картина станет для них гораздо яснее. О, как они впечатлятся! — Она фыркнула и выразительно замолчала.

Алиса представила все возможные реакции ментов на ее сбивчивый рассказ и ничего ужасного в них не нашла.

— Какая? — осторожно поинтересовалась Алиса.

— Сначала они посмеются, а потом сообразят, что ты, верно, помешалась в уме, став свидетелем криминальной разборки... Что подтвердится, как только они ознакомятся с твоей профессиональной деятельностью. Короче, привет тебе, сумасшедший дом! Вряд ли они бросятся дежурить под твоими окнами и отлавливать всех красавчиков, встретившихся тебе на пути.

Подумав, Алиса с ней согласилась.

— Кстати, Ньюша... — задумчиво разглядывая Алису, сказала Елизавета.

— Я не Ньюша, — осторожно сказала она, опасаясь, что Елизавета начала впадать в медитативно-психостеническое состояние.

— При чем тут ты? — отмахнулась Елизавета. — Ты не вписываешься в мой план... Я думаю о Ньюше. Вот кто нам сейчас нужен!

Ход мыслей Елизаветы был покрыт для Алисы мраком неведения.

— Может, посветишь меня? — решила Алиса на откровенный вопрос. — Я же ничего не понимаю...

— Я думаю, что Ньюша идеально подходит на роль нашего главного козыря, — туманно ответила Елизавета. Впрочем, заметив, что недоумение Алисы начинает переходить в

раздражение, решила объяснить поподробнее: — Я вот думаю, как наши толстяки среагируют на появление в своем офисе некой особы?

— Если ты о Нюше, то вряд ли она способна их напугать.

Договорить она не успела. Дверь хлопнула. В прихожей послышались оживленные голоса.

— Вот и дедуля с Сарой, — сказала Лиза. — Легки на помине...

Алиса уже хотела рвануться им навстречу, да так и застыла с открытым ртом, стоило им появиться на пороге.

— А вот и мои красавицы, — сказал дедуля своему спутнику. — Знакомьтесь, это Игорь...

— Да мы уже знакомы, — улыбнулся невыносимый тип, переводя взгляд серых глаз с Елизаветы на Алису. — Встречались.

— И не раз, — выдохнула Алиса.

* * *

Дед историчности момента не просек. Попросил сварганить кофе усталым путникам и преспокойно начал рассказывать о своей поездке. Игорь, стоило только ему увидеть Деву, застыл в восторге, забыв, что Алиса существует на свете. Стоял и смотрел, затаив дыхание, словно ничего прекраснее не видел. Алиса даже немного обиделась.

— Все чудесатее и чудесатее, как говаривала твоя тетка, — проворчала Елизавета на кухне. — Похоже, тут воровской сход намечается... И ведь все это — под эгидой православной церкви в лице твоего дедули! Нет, пора в Синод жаловаться!

— Чего ты привязалась к своему Синоду? — огрызнулась Алиса. — И почему ты считаешь Игоря вором?

— Не просто вором, а в законе, — ухмыльнулась Елизавета. — Не из-за великой же любви к тебе он сюда притащился?

Сердце Алисы сжалось. Сама того не ведая, подруга наступила каблучищем на большую мозоль! Солью...

— Это еще ничего не доказывает, — пробормотала Алиса. — Он мог случайно встретиться с дедулей. Просто они занимаются одним и тем же делом...

— Слу-чай-но?!

Судя по тону вопроса, Алису окончательно посчитали сумасшедшей.

— А ты не веришь в случайности? — не желала сдаваться она.

— В данном случае не верю, — фыркнула Елизавета. — Сначала он случайно торчит тут. Потом ты случайно встречаешь его возле гостиницы, в которой находится Сара. Затем он случайно разгуливает по тому залу в этнографическом музее, где выставлены дары твоего драгоценного дедули. И — случайно тот же наш простодушный дедуля волочет его сюда! Получается целая цепь случайностей, в которую трудно поверить. В одну я бы поверила, но в цепь...

— Вам помочь, девочки?

Алиса собиралась ответить достойным образом, но осеклась.

Предмет спора высился на пороге и сиял обаятельнейшей улыбкой. Сердце у Алисы было слабое, вот и начало немедленно таять. Но она собрала остатки сил, мужественно

покачала головой и весьма сурово ответила:

— Сами справимся.

Он стоял, прислонившись к стене, и не сводил с нее взгляда. «Мучитель какой-то», — подумала она, пытаясь не обращать на него внимания. Елизавета явно не собиралась мириться с таким положением вещей и, укоризненно взглянув на Алису, сказала:

— Не слушайте Алису. Она у нас очень стеснительная...

Алиса от такой наглости остолбенела. Хорошо, что Елизавета не сказала: «Она у нас немного не в себе!»

— Правда? — Он удивленно приподнял брови и рассмеялся.

— А что, вам так не показалось?

Тон у Алисы был озлобленный, ей заранее захотелось выразить протест. На все. Скажут, например, какая Алиса у нас умница или красавица — и все равно получают отповедь гордой и одинокой души, которую сами ввергли в пучину отчаяния и раздражения!

— Нет, — ответил нахальный тип.

Поставив кофейник на огонь, Алиса обернулась к нему и, глядя прямо в глаза, холодно поинтересовалась:

— И каким же образом я дала вам понять, что мне чужда стеснительность?

Он молчал и ухмылялся, как Чеширский котяра. В глаза ему смотреть холодным взглядом было довольно трудно: уж больно они у него были красивые, с длинными ресницами и потаенным огнем в глубине. «Господи, за что Ты меня так наказываешь, — тоскливо подумала Алиса. — Единственный раз в жизни мне повстречался человек, почти полностью отвечающий моему идеалу, и — оказался банальным преступником! Почему Ты не сделал преступником того занудного типа Гришу, который встретился мне первым на жизненном пути и почти полностью отвратил меня от мужчин?»

Словно в насмешку Елизавета нажала кнопку «плей» на магнитофоне, и Бутусов запел: «Под колесами любви...»

Алиса не была раньше «тормозом и обломом», но теперь явно собиралась пополнить их ряды.

— Но их тоже намотало на колеса любви, — напевала Елизавета, не сводя с парочки глаз.

Собственно, Алисе было наплевать. Что-то с ней происходило, как будто иммунитет кончился и она самым кретинским образом стояла и таяла в его глазах. Он ТАК смотрел — мамочки мои!

— Что вы так смотрите? — тихо спросила Алиса.

Он пожал плечами и ответил:

— У вас кофе убегает...

Ну, это Алиса не раз замечала за мужчинами... Когда они не могут ответить, предпочитают переключить внимание на другую проблему... Поэтому она презрительно хмыкнула и взгляд от его прекрасных глаз не отвела.

— Кофе... — напомнил он.

— Я знаю. — В Алисиной душе поднялась буря, и бестактные замечания о таком пустяке, как кофе, начинали выводить ее из себя.

— Черт! — завопила Елизавета и, оттолкнув Алису от плиты, выключила газ.

Алиса обернулась. Коричневая жижа медленно расплзлась по плите. Почему-то эта омерзительная лужа подействовала на нее куда сильнее, чем умирающий гоблин. Кофе вдруг

приобрел сходство с засохшей кровью, в Алисиных глазах потемнело — и она рухнула прямо на руки Игорю, выдохнув при этом:

— Не-на-ви-жу...

Очнувшись, Алиса обнаружила себя на диване. Догадаться, кто ее туда отнес, особого труда не составляло.

— Господи, какой идиотизм, — простонала Алиса. — Шмякнуться в обморок при виде убежавшего кофе... На это только я способна!

В комнате она была совершенно одна, остальные, судя по приглушенным голосам, доносящимся из кухни, именно там и находились. Напротив стояла плита с Девой, так что, вернее сказать, они были вдвоем. Только Дева продолжала свою вечную молитву, а Алиса валялась на диване. Всеми брошенная. Всеми покинутая. Глупое положение, не правда ли, Алиса?

— А у меня планида такая, — ответила она самой себе. — Если уж есть на белом свете человек, которому падает на голову кирпич, это именно я...

От жалости к себе хотелось заплакать, но она мужественно сдержалась. Еще этого не хватало — заходит в комнату вся честная компания, а Алиса лежит на диване и ревет в голос! Что после этого подумает о ней Игорь?

А не все ли равно, что он подумает? В конце концов, Елизавета права, все они подозрительные... Конечно, рожа в окне принадлежала не Игорю, поскольку его лицо рожей назвать трудно. Значит, это был его сообщник. Но что может так привлекать в их с дедулей скромном бунгало целую банду злодеев и аферистов?

«Ну нет у нас с дедулей ничего! — скорбно подумала Алиса. — Только идиот задумает грабить людей, так явно неприспособленных к жизни! Разве что «Дева Несравненная», но она появилась позже, чем в окнах появились рожи и гоблины начали мертвыми валиться на мои хрупкие руки... Да и кто ж ее вынесет из дома — такую тяжелую? Надо, чтобы дома никого не было, — рассуждала Алиса. — Тогда, может быть, получится... А такого, чтобы никого не было в доме, почти не случается... Я работаю дома, а дедуля исчезает только утром и вечером. Получается, что дома всегда кто-то торчит. Есть, конечно, выход, но уж больно экстремальный. Надо убить того, кто сидит дома. А дома сижу как раз я. Значит, именно меня и придется убивать!»

Споткнувшись о последнюю мысль, Алиса притихла. Мысль ее напугала... Быть убитой Алиса не хотела. «Может быть, я бестолковая особа, но ведь вреда от этого никому, кроме меня, нет?!» — подумала она. Алиса попыталась встать, но голова еще кружилась, окружающие предметы собрались и поплыли куда-то, и она вынуждена была вернуться в исходное положение.

Закрыв глаза, Алиса немного полежала в тишине и покое, но безмятежное счастье длилось несколько секунд. Алиса схватила со столика газету, оставленную Елизаветой, и, наобум открыв ее, решила отвлечься от дурных мыслей.

Отвлечься ей не удалось.

На первой же странице была напечатана большая цветная фотография убиенной девушки. Девушка показалась Алисе просто вылитой ее копией — такие же светлые волосы, только лица не было видно.

Она не сомневалась: и лицом девушка тоже походит на Алису. Голова закружилась еще больше, остатки здравого смысла куда-то улетучились. На прощание здравый смысл попытался намекнуть, что газета эта принадлежит Елизавете, а Алисина подруга ничего не

читает, кроме «Мира криминала», так что нелепо связывать воедино Елизаветины увлечения и собственную судьбу, но было уже поздно. Мысль о будущей печальной участи успела завладеть Алисиным воображением. В уголках глаз появились слезы жалости к самой себе. Закрыв газету, она пробормотала:

— Это судьба...

Словно в ответ на горестные мысли, из кухни донесся мощный бас дедули:

— О горе мне, грешному, — воспел он вдохновенно и громко. — Паче всех человек окаянен есмь...

Алиса вздрогнула.

Обычно дедуля исполнял на кухне романсы, а не покаянный канон! Конечно, он мог преисполниться раскаяния за флирт с иностранной мамзелькой, но сейчас все в голове Алисы приобретало особенный, трагический смысл.

— Дажь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько, — проникновенно пропел дедуля.

Судя по громкости и искренности исполнения, он находился на кухне один.

Голова от горя и печали кружиться перестала, Алиса поднялась и направилась в кухню. Ее немного шатало, поэтому, когда она появилась на пороге, дед вздрогнул, замолчал и уставился на Алису, как на призрак.

— А где все? — поинтересовалась она.

— Скоро придут, — успокоил ее дедуля. — Они за сахаром отправились... Алиса, что с тобой? Почему ты так нас пугаешь, девочка моя?

Алиса попыталась изобразить мужественную улыбку, но воспоминания о злоключениях, свалившихся на ее несчастную голову, заставили ее всхлипнуть. Дедуля обернулся и недоуменно посмотрел на Алису. Потом он обнял ее за плечи и пробормотал:

— Ну вот... Да что же это такое, в самом деле?

— Не обращай на меня внимания, дед, — сказала Алиса, вымучивая улыбку. — Просто напасти валяются, и я ничего не могу понять... То кто-то в твоей комнате ходит, то рожи в окно на Елизавету смотрят...

* * *

— Алиса, надо думать. Не плакать, а думать! — бодро заявил дедуля.

— Да мы с Елизаветой все думы передумали! И скифские чашки были, и бриллианты Сары...

— А Дева? Приходила? — осторожно спросил дед.

— Приходила, — призналась Алиса. — Только как ее можно вынести? Она ведь тяжелая!

— Если очень захотеть... — Дедуля задумался. — А тут, похоже, сильны желания. Одно в голове не укладывается: откуда эти бесы мелкие могли узнать, что она будет здесь?

— Может быть, кто-то из вашей экспедиции...

— Вот я и думаю. Кто-то из экспедиции... — согласился с Алисой дед. Он поставил чайник и неожиданно подмигнул внучке. — Алиса, перестань трепетать как осиновый лист. Нет на свете проблемы, которую с помощью Божией нельзя решить! Сейчас крепкого чайку выпьем, и мысль Господь пошлет, — веселым голосом пообещал он. — Переберем всю нашу

гвардию... Были там неприятные личности, были — да вот только вся беда в том, что иногда преступники бывают приятными на вид...

«Еще как, — вздохнула про себя Алиса. — Вот Игорь, например...»

Мысли о коварстве некоторых личностей действуют иногда хуже размышлений о смерти. Слезы снова скопились в уголках глаз, и она почувствовала себя полнейшей идиоткой, поскольку только идиотка может долгое время хранить стойкое хладнокровие к мужскому роду, а потом воспылать страстью к отпетому мошеннику.

— Чем плакать, Алиса, лучше подумать с Божьей помощью, — опять назидательно изрек дедуля.

— Я уже думала, — повторила Алиса. — Голову сломала...

— Вот и сломала, потому что не все мысли бывают толковыми, — отпарировал дед. — Есть мысли глупые, и, кажется мне, именно эти самые мысли вам с Елизаветой в голову и хлынули мутным потоком... Давай попьем чаю, успокоимся и начнем размышлять. Согласна?

Алиса была согласна, но в дверь начали звонить.

Дедуля вздохнул и отправился открывать дверь.

«Вот и поразмышляли с Божьей помощью, — усмехнулась она про себя. — Только собрались, как они заявили. Только не мысли, а...»

Алиса с трудом удержалась от соблазна окрестить всю компанию плохими словами. Хотя именно эти слова и пришли ей на ум.

* * *

— Как вы себя чувствуете, Алиса?

В глазах Игоря было столько неподдельной тревоги, что Алиса ему почти поверила.

— Нормально, — произнесла она слабым голосом и сама удивилась.

Вот уж никогда ей не было свойственно так жеманничать!

— Вы очень напугали нас с Лизой, — серьезно сказал он и дотронулся прохладной ладонью до Алисиного лба.

«С Лизой?!»

Ох и кольнуло же Алису это самое «с Лизой»!

Она чуть снова не свалилась в обморок, на сей раз, правда, от разочарования!

— Я и сама напугалась, — усмехнулась она холодно.

— Что же с вами было?

Алиса передернула плечами и довольно невразумительно сослалась на перепад давления. С нею, мол, такое частенько случается. Слишком много времени проводит за компьютером.

— Лиза мне говорила, что вы переводите Сару, — сказал Игорь. — Правда, не понимаю, зачем, ей переводчик? Мне показалось, что она неплохо знает русский...

Алиса замерла.

Взгляд серых глаз был пристальным и внимательным.

«Пе-ре-вод-чи-ца?»

Если Елизавета обозначила Алису именно так, значит, так было нужно...

— У Сары корни русские, — ответила Алиса. — И потом, люди могут говорить на

каком-то языке, а писать — нет. Такое бывает...

Он посмотрел на нее с мягкой иронией. Как на наивную дурочку, которую собираются обставить в покер.

— Ладно, оставим Сару в покое, — смилостивился он. — В конце концов, это не мое дело. Меня куда больше пугаете вы...

— Чем?

— Скажем так, вы очень хрупкое существо. Практически воздушное. Как вы умудряетесь не взлетать при каждом шаге, ума не могу приложить!

— А у меня на ногах кирпичи привязаны, — парировала Алиса. — Так что не получится из меня прекрасной Ремедиос, не надейтесь.

— Или «Девы Несравненной», — сказал он, не отводя от Алисы задумчиво-рассеянного взгляда. — Хотя... — Он усмехнулся.

— Что? — спросила Алиса.

— Да так. Думаю. Знаете, Алиса, если бы я не был так занят, я бы в вас, пожалуй, влюбился... — С этими словами он развернулся и вышел.

Алиса же осталась сидеть, и губы ее сами собой расплзлись в идиотской улыбке, хотя она и пыталась внушить себе здравую мысль о том, что изреченное есть ложь.

Ее душа танцевала, как Несравненная, и Алисе не хотелось останавливать этот танец.

* * *

В гостиной царили мир и покой.

Дедулин пирог произвел на публику магическое действие: уж что-что, а пироги у дедули получались такими душистыми, красивыми и вкусными, что Алиса и в самом деле начинала верить, что печь ему их помогает Господь. Дедуля ничего без Его благословения не делал, даже пироги!

— Бьютифул, — тараторила Сара, словно почувствовав, что ее подозревают в том, что она куда лучше знает русский язык, чем английский.

Игорь молчал, маленькими глотками отпивая из бокала красное вино, и смотрел на Алису своими мерцающими глазами. Она делала вид, что не замечает его многозначительных взоров, хотя ее щеки периодически вспыхивали багрянцем.

Елизавета старательно заигрывала с Игорем, игнорируя его явный интерес к Алисе, а дедуля... дедуля пребывал в задумчивости. То есть он поддерживал светскую беседу, улыбался, иногда даже реагировал на шутки своевременным смехом, но обмануть он мог кого угодно, только не Алису!

— Вечером концерт, — объявила Елизавета. — В консерватории...

Алиса удивленно посмотрела на нее. Елизавета никогда не любила концерты, особенно в консерватории.

— И что исполняют? — поинтересовался дед.

— Малера, — брякнула Елизавета. — Обожаю Малера! — При этом она так выразительно посмотрела на каждого из присутствующих, что никто не рискнул объявить громко о своей нелюбви к этому композитору.

Елизавета некоторое время помолчала, собираясь с духом, и предложила:

— Давайте сходим.

Особенно Алису удивило то, что все это было сказано громким голосом.

— Может не оказаться билетов, — робко заметил дедуля.

— Ерунда, — парировала Елизавета. — Билеты будут. А Сару надо непременно сводить в нашу консерваторию. А то она может подумать, что мы тут только и делаем, что предаемся чревоугодию. Мы же не можем подставлять родное отечество!

— Тогда лучше сводить ее на Глинку, — задумчиво предложила Алиса. — Или на Чайковского... Почему ты хочешь предложить ее вниманию австрийского Малера?

— Потому что он СЕГОДНЯ, — пояснила Елизавета, сделав выразительное ударение на последнем слове. — Понимаешь? Сегодня играют Малера. Значит, придется его слушать.

Елизаветиному напору противостоять трудно. Если ей взбрело в голову потащить всех в консерваторию, можете не сомневаться, все пойдут как миленькие!

Дедуля, правда, нашел выход из положения быстро, он сослался на необходимость находиться именно в этот момент на службе.

Возразить ему Елизавета не могла, так как служить должен был именно дедуля.

Доводы остальных она проигнорировала. Сара, впрочем, не сопротивлялась. Равно как и Игорь. Сопротивлялась исключительно Алиса. Причем с таким упорством, что Елизавета вытащила ее в другую комнату.

— Ты что? — прошипела она, глядя на Алису с таким возмущением, что в ее груди зароились подозрения, что подруга и впрямь любит этого скучного Малера. — У нас же может не быть другого случая все выяснить!

— Какая глупость, — фыркнула Алиса. — Как же мы что-то сможем выяснить, если нас не будет дома?

— Вот ты-то как раз будешь! — объяснила она. — У меня уже план готов! Мы выходим, дедуля идет в свой драгоценный храм, мы движемся по направлению к храму искусств, и вдруг ты хватаешься за сердце и говоришь: «Ах! Мне нехорошо!» И остаешься дома...

— Бред! Тогда злоумышленник узнает, что дома кто-то есть! — парировала Алиса.

— Но ведь оповестить сообщника он не успеет! — прошипела Елизавета. — Поэтому ты преспокойно вернешься и ляжешь в кроватку, предварительно выключив везде свет. Будешь лежать и дожидаться...

— Смертного часа, — перебила ее Алиса. — С какой стати рисковать жизнью должна именно я?

— А кто же тогда? — развела руками Елизавета. — Я не могу. Я широко оповестила общественность о своей страстной любви к Малеру и обязана идти! Кстати, еще неизвестно, что лучше — слушать Малера или пытаться поймать вора...

— Я уступаю тебе свою роль, — великодушно сказала Алиса. — Послушаю Малера, помучаюсь... А ты лежи себе, поджидая удара по голове тяжелым предметом!

— Не получится, — покачала головой Елизавета. — Если мне станет плохо, все останутся. Потому что никто на этого Малера не хочет идти, — словно прочитала мысли Алисы Елизавета. — Все обрадуются, скажут: «Ну, если она плохо себя чувствует, так зачем нам туда тащиться?» Злоумышленник, конечно, расстроится...

— И хорошо, — сказала Алиса. — Вот тот, кто огорчится, что вы не идете на Малера, и получится у нас подозреваемым номер один! Зачем тогда оставлять меня в темной комнате дожидаться удара по голове?

— А если он прекрасно владеет собой? А другой, ни в чем не повинный человек, просто поклонник Малера, расстроится, что ему обломали кайф?

Елизавету не переспорить. Придется смириться и надеяться, что все Елизаветины идеи насчет сегодняшнего вечера — глупые фантазии, и Алиса спокойно и мирно проведет вечер в тишине и темноте. Никто не появится, Алиса останется жива и невредима и будет злорадствовать, слушая Елизаветины стоны по поводу бесформенной музыки, от которой у Елизаветы чуть не выпали волосы и заболели зубы.

Елизавета молчание Алисы истолковала по-своему.

— Не расстраивайся, — сказала она участливо. — Я постараюсь вернуться пораньше... Ты же должна понимать, что надо во всем разобраться.

— Может быть, это все-таки не так экстремально? — спросила Алиса. — Может быть, нам повезло, и мы имеем дело не с убийцами и ворами?

— А гоблин? — напомнила бестактная подруга.

Вот уж кого Алисе совсем не хотелось вспоминать сейчас!

— Это могло быть случайностью... — тихо заявила она.

— Думай, как тебе больше нравится, — снисходительно бросила Елизавета. — Я что-то не верю в такие случайности. Мне кажется, что этот гоблин встретился тебе не просто так...

После такой жизнеутверждающей фразы Алиса немного приуныла. А так как виноватыми в своем бедственном положении Алиса считала Деву и Сару, именно в их сторону она и бросила по неодобрительному взгляду, когда пришло время вернуться в гостиную.

Сара стояла перед зеркалом, прихорашиваясь. Одета она была в черные узкие джинсы и красный свитер.

— Как ты потрясающе выглядишь! — проворковала Елизавета. — Знаешь, только украшений не хватает... Сюда бы очень подошли драгоценности.

Сара только головой покачала.

— Я не люблю драгоценности, — сказала она. — Да и нет их у меня... Моя бабушка говорила, что женщина в золоте и бриллиантах похожа на рождественскую елку... Единственная вещь, которую я очень ценю и берегу, — это часы-браслет... — И она протянула свою изящную ручку.

Увидев браслет, Алиса обомлела.

...Сара носила на руке часы работы Фаберже!..

* * *

Вздых, который вырвался у Алисы, Сара расценила как восхищенный. Хотя на самом деле это был вздох облегчения. Все встало на свои места. Никому Дева не нужна, все дело в Сариних часах! Стоят они ненамного меньше, чем Дева, а «танцующая» появилась в доме позднее Сары.

Алису так и подмывало показать Елизавете язык — мало того что ей придется слушать своего дорогого Малера, так еще и риск выпадает именно ей!

— О, я знаю, они ценятся, — тихо сказала Сара, томным взором глядя на дедулю. — Такие вот вещицы... Это досталось мне от моей бабушки... А ей тоже от кого-то досталось. Кажется, их подарил прадеду сам государь... Мой прадед был лейб-медиком... Я правильно сказала?

— Правильно, — кивнул дедуля.

Откуда он знал, кем был прадед этой мамзели?

— Сейчас попробую сказать еще правильнее... — Сара очаровательно наморщила лобик и задумалась. — Его императорского величества, — наконец разродилась она полноценной фразой. — Вот кем был мой дорогой прадедушка.

Нечестивица продолжала обольщать дедулю. Слава богу, он уже готовился к службе, и суета мира в лице Сары его не занимала.

Он ответил ей улыбкой и, попрощавшись, исчез в темноте.

Остальные вышли из дому чуть позже. Елизавета занимала Игоря — и, надо отметить этот тип ничуть не протестовал! Напротив, он смеялся ее плоским остроумам, изящно склоняя голову.

Алису захлестнула ревность, и бороться с ней она не собиралась. Она должна вырвать из сердца зарождающееся чувство, а для этого — убедиться, сколь мерзок тот, кого она избрала своей Судьбой!

Со странным удовольствием Алиса отметила, что Игорь очень длинный, к тому же она ненавидит блондинов — белесых альбиносов с красными глазами... Стоп. Глаза-то у него не красные, а очень даже красивые... Да ничего красивого, так, дымчатые, как очки!

Словно почувствовав Алисин пристальный взгляд, Игорь обернулся.

Ее миг настал.

Качнувшись, она остановилась.

— Что с тобой? — почти правдоподобно вскрикнула Елизавета. — Тебе плохо?

— Да так... Немного пошатывает, — слабым голосом ответила Алиса и вполне натурально качнулась.

— Боже, какая ты бледная, — встревоженно подлетела к ней Елизавета. — Тебе надо полежать. Давайте никуда не пойдем?

Оба подозреваемых на Елизаветино предложение откликнулись с одинаковым энтузиазмом.

— Да, конечно, — вежливо сказала Сара.

— Разумеется, мы можем остаться, — явно обрадовался Игорь.

— Нет, — успокоила их Алиса. — Я останусь, а вы идите. Не могу же я лишиться вас такого удовольствия...

Судя по их помрачневшим лицам, они вряд ли относили Малера к «удовольствиям». Даже зачинщица похода, судя по ее дрогнувшим в нерешительности губам, была склонна остаться.

— Может быть, и правда? — робко предложила она. Но Алиса была непреклонна.

* * *

— Игра началась, — объявила она гордо, входя в дом. И хихикнула.

Сейчас весь план представился ей чистой глупостью.

— Но мы будем играть по правилам, — погрозила Алиса пальчиком собственному отражению.

Для храбрости она выпила немного дедулиного кагора и устроилась в кресле, наблюдая, как дом погружается в сумерки. По Алисиным расчетам, он должен был погружаться в сумерки медленно, плавно и красиво. Но дом погрузился в темноту быстро, как «Титаник»

на дно, и Алисина рука машинально потянулась к выключателю.

Ну нет. Бутылка с кагором стояла прямо перед ней, и, чтобы ее видеть, свет был не нужен. Мы же играем, Алиса? К тому же сидеть в темноте не так-то плохо... Сидишь, думаешь, предаешься печали, ревности и иным сладким чувствам... Они сейчас уже в Большом зале, залитом огнями, с органом посередине, и сцена заполнилась оркестрантами, одетыми в черные фраки, как на балу. Вокруг пахнет французскими духами, и Елизавета нахально кокетничает с Игорем.

— Ко-кет-ни-чает, — пробормотала Алиса, сжав в руке бокал с вином. — Так грустно, что хочется курить...

Курить ей действительно хотелось, но в комнате огонек сигареты был бы заметен.

Подумав, она нашла выход из тупиковой ситуации. Если Алиса спрячется в ванной, никто не увидит огонька сигареты. Поддавшись спокойной атмосфере, Алиса забыла про собственные опасения. Кому это нужно, лезть в дом, когда рядом столько особняков?

Алиса поплелась в ванную, задевая на ходу предметы, поскольку у нее и днем со зрением было не все в порядке, а ночью, в темноте, она серьезно побаивалась погрузиться в черную дыру.

Стоило Алисе покинуть пост, как в комнате что-то грохнуло.

«Кажется, меня шарахнут по башке раньше, чем я выкурю свою последнюю сигарету, — печально подумала она. — Вот звери!»

Она перекрестилась и шагнула обратно в комнату.

В нос ударил мерзкий, резкий запах, в голове помутилось, Алиса попыталась удержаться на ногах, но не смогла. Рухнула как подкошенная, и последняя мысль, посетившая ее бедную головушку, была глупой, как и вся Алисина жизнь: «Курить все-таки вредно».

«Что со мной тогда будет? — думала Алиса. — Здесь так любят рубить головы! Странно, что кто-то еще вообще уцелел».

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

В темноте плавали маленькие огоньки. Алиса пыталась вспомнить, как они называются. Получалось у нее совсем плохо, от усилий начинало тошнить еще больше, но упрямство было второй Алисиной натурой.

Она сосредоточилась как следует и извлекла из дальних уголков памяти картину: Алиса с соседкой по даче поднимаются по дороге от пляжа. Соседка в ту пору увлекалась экстрасенсорикой. Вдруг она остановилась, в восхищении всплеснула руками и вскричала: «Боже мой, Алиса! Вокруг вас — сигнаторы!»

Ага, обрадовалась Алиса. Именно так эти маленькие светлячки и назывались...

— Сиг-на-тю-ры...

— Что? Алиса, что?

Алисе ужасно не хотелось открывать глаза, поскольку она не была уверена, что находится на этом свете. «Раз мне уже мерещатся сигнаторы, — подумала она, — я рискую нарваться на ангела, хотя этот ангел умело подделал голос под Елизаветин. Елизавета — далеко не ангел... Дедуля говорил, что ангелы — честные ребята, это бесы людям головы задуривают. Так что получилось, что я очутилась в аду, и не помог мне дедуля своими молитвами!»

— Алиса, очнись, — сладеньким Елизаветиным голоском упрашивало Алису исчадь ада. — Ты нас пугаешь...

Голова кружилась, но Алиса не спешила открывать глаза.

И тут Алису ущипнули!

— Ай! — вскрикнула она и распахнула глаза.

Елизавета сидела на полу, держа Алису за руки, и смотрела на нее с состраданием и тревогой. Чтобы заставить ее изображать из себя мать Терезу, надо было действительно плохо выглядеть. Алису взгляд Елизаветы испугал куда больше, чем головокружение и тошнота.

— Очнулась! — хлопнула в ладоши Елизавета. — Бог ты мой, как я испугалась! Почему ты вдруг решила свалиться на пол без сознания?

Алиса огляделась. Вроде бы она лежала не на полу, а на дедулином диванчике. Странно, потому как Алиса собиралась лечь в гостиной.

— А почему я здесь? — спросила она.

— Тебя Игорь отнес, — объяснила Елизавета. — Он нашел тебя лежащей на полу, без сознания. То есть сначала мы вообще подумали, что ты умерла... Слушай, а почему ты решила брякнуться в обморок? Кофе перепила?

— Нет, — покачала головой Алиса. — Я собиралась пере... То есть я действительно хотела что-то сделать и пошла в ванную... Чтобы не было видно... Ах да. Огонька. То есть я собиралась покурить. Огонька. Сигнаторы. Черт, что же такое произошло?

Алиса и так соображала с трудом, а уж после того как ей в нос...

— Вспомнила! — подпрыгнула Алиса. — Мне в нос ткнули какую-то пахучую гадость!

И я вырубилась! А вернулась я в комнату потому, что услышала какие-то звуки... Дедулина икона, — вдруг вспомнила Алиса. — Бог мой, ее наверняка украли!

— Нет, — успокоила ее Лиза. — Она на месте. Стоит там же, где стояла. Я это первым делом проверила...

— Получается, они зря травили меня этой гадостью?! — удивилась Алиса.

— Откуда мне знать? Может быть, именно этого они и хотели. Отравить тебя какой-то гадостью. Преступники всегда загадочны, — туманно ответила Елизавета.

Алисе совсем не нравились загадочные преступники, которые специально лезут в дом, чтобы ткнуть хозяину в нос какую-то вонючку. Если они при этом не ставят перед собой цель украсть что-то из дома. Поэтому Алиса вернулась к исходной теме и снова заметила:

— Если ничего не пропало...

Приятнее было думать, что у них есть более достойная цель, чем Алиса. Тем более что она никак не могла связать всю эту галиматью с самой собой: ну, объясните же, наконец, зачем убивать Алису?

— Кое-что пропало, — развела руками Елизавета. — Просто не знаю, как тебе об этом сказать... Только не «что», а «кто».

— Господи, надеюсь, не дедуля? — осторожно спросила Алиса.

Эта мысль была еще страшней... И врагов у дедули было куда больше — одних сатанистов, с которыми он плодотворно боролся, хватило бы на объяснение всех историй. «Сначала они убьют меня, потом дедулю», — подумала она.

— Дедуля еще распевает псалмы, — успокоила Алису Елизавета.

— Тогда почему ты здесь? — возмутилась Алиса. — Концерт уже закончился?

Елизавета вздохнула и печально сказала:

— Эти люди избегают встречи с прекрасным. Прекрасное их тяготит. Малер недоступен их пониманию...

— Та-ак, — протянула Алиса. — Что ты этим хочешь сказать? Что они разбежались?

— Именно это, — призналась Елизавета. — Причем так быстро, что я не успела их остановить!

До консерватории они добрались нормально. Правда, Игорь сделал робкую попытку вернуться, аргументируя это тем, что кто-то должен остаться с Алисой. Может быть, Алисе вообще понадобится «скорая помощь». Но Елизавета отрезала, что никакая такая помощь Алисе не нужна, просто надо отлежаться, и Игорь будет некстати. Игорь утихомирился и вел себя смиренно до того момента, когда Елизавете встретилась ее приятельница Люська. Вот эта самая Люська и сыграла зловещую роль в дальнейших событиях.

— Да, кстати, ты знаешь, что Семендяева вышла замуж? Догадайся, за кого!

— За принца Персии, — мрачно ответила Алиса. Семендяева только и занималась тем, что выходила замуж и служила объектом пристального внимания Люськи. Потому что замуж она выходила очень успешно, все больше за иностранцев, с которыми потом успешно разводилась, но, в отличие от других, побывала во всех странах, за исключением, может быть, Катманду.

— А вот и нет! — радостно воскликнула Елизавета. — Она вышла замуж за нашего отечественного принца! И даже не принца! За продавца газет! Прикидываешь?

Алиса в другое время непременно удивилась бы такому известию, но сейчас ее больше

волновали Елизаветины спутники, чем странные браки Ирочки Семендяевой, поэтому она попыталась отвлечь Лизкино внимание на Сару и Игоря.

— Я поняла. Рассказывай дальше.

— Мы так увлеклись разговором, что я не заметила, как Игорь исчез. То есть он вертелся все время рядом с нами, а потом вдруг испарился. Сара стояла рядом и вроде бы никуда не собиралась. Прозвенел звонок, потом второй, потом третий...

— Четвертый, пятый, — не удержалась Алиса. — Почему вы не пошли за Игорем?

— Во-первых, куда? А во-вторых, я рассудила так: если Игорь хотел вернуться, значит, он и есть преступный элемент. Тогда он придет, ты треснешь его по голове своей «Эддой», и все будет прекрасно. И нечего издеваться, я пытаюсь воссоздать картину исчезновения Сары в подробностях, чтобы ничего не могло укрыться от внимания...

— От твоего-то внимания все укрылось, — заметила Алиса.

— Я ни-че-го не буду рассказывать! — обиделась Елизавета. — Ты, Павлищева, как была в детстве вредной, так и осталась! Как я тебя выношу столько лет? Так вот, мы с Сарой уже подходили к залу, когда она схватилась рукой за живот и вскрикнула.

— Больше всего мне нравится романтичность изложения, — вздохнула Алиса. — «Ах, — вскричала Сара дурным голосом, — что-то мне поплохело! Наверное, я съела что-то не то!»

— Павлищева, я ничего не буду рассказывать, — повторила угрозу Елизавета. — Ты просто зануда! Тебе что, неинтересно? Так и скажи. Я мирно удалюсь к своим пенатам, чтобы в тишине и покое дождаться супруга. А ты подвергайся опасности сколько твоей душеньке угодно, только учти: когда тебя убьют, не надо меня в этом обвинять!

— Выражайся проще, а? — Алиса уже не могла сдерживать смех.

— Тебе говорили, что смех без причины есть первый признак умственного расстройства? — возмутилась Елизавета. — И примета, кстати, очень плохая. Кто много смеется, тот потом много плачет...

— Ладно, я успокоилась, — опять, не сдержавшись, хихикнула Алиса. — Рассказывай дальше, только постарайся говорить по-человечески.

— Так вот, она быстренько развернулась и дернула по направлению к туалету, а я осталась. Как дура. Так как роль преступника я уже отвела пропавшему Игорю, — Елизавета сокрушенно вздохнула, — я спокойно села и стала слушать Малера. А Сара не появлялась. И тут мне в голову пришла мысль, что ей совсем плохо, а я тут сижу и слушаю Малера. В общем, я встала и поплелась к туалету. Двери были открыты, и никого там, представь себе, не было!

— Чего и следовало ожидать, — подколола ее Алиса. — И сколько ты наслаждалась музыкой?

— Недолго, — призналась Елизавета. — Пять минут, не больше!

— Но за пять минут она не могла убежать далеко!

— Ну да. Но эта гадкая Люська торчала в курилке и затащила меня покурить. Я же поверила Саре! Я давала ей время... Алиска! Я понимаю, что это мой недочет, — покаянно склонила голову Елизавета, — но ты же знаешь Люську!

— Снова мы с тобой попали впросак, — вздохнула Алиса. — Оба пропали. Кто-то ткнул мне в рожу вонючей пакостью. Если бы пропали не оба, можно было бы сразу вычислить, кто это сделал. А теперь...

— Нашел тебя Игорь, — мрачно заметила Елизавета. — Трогательно так. На руках в

кроватьку отнес. Прямо Ланселот Озерный, несущий Джиневру, побитую ревнивцем Артуром!

— Ну, это не доказательство, — отмахнулась Алиса. — Он мог сначала ткнуть мне в нос платок, а потом сделать вид, что спас от гибели. Господи, и чего так голова кружится? Куда подевалась Сара? — Алиса осеклась. В саду снова раздавались выстрелы.

— Черт, — вскочила Алиса. — Снова Леха с ума сходит... Как же я устала!

— Ты куда? — испуганно спросила Лиза, увидев, как Алиса, пошатываясь, напяливает на себя куртку.

— Узнать, за кем он бегаёт на этот раз, — кратко ответила Алиса.

— Лежи, — приказала Елизавета. — А то снова брякнешься в обморок. — И развернувшись в сторону кухни, заорала: — Игорь! Сходи посмотри, за кем там Леха бегаёт с пистолетом!

* * *

— Это просто Беккет какой-то! Смешанный с Ионеско и приправленный «агентом госбезопасности»!

Алиса чувствовала себя героиней глупой авангардистской пьесы, написанной отечественным гением конца девяностых годов. В более смешное положение она еще ни разу не попадала!

Лежит на диване, волосы всклокочены, физиономия бледная, во дворе бегаёт псих Леха, а на пороге стоит мужчина мечты, который тоже, скорее всего, бандюга, и смотрит на Алису с сочувствием, унижающим женское достоинство.

— Как вы себя чувствуете, Алиса? — обеспокоенно поинтересовался Игорь.

«Вот так и будет всю жизнь... — пришла Алисе в голову страшная мысль. — Я буду валяться или в траве с пробитой головой, или на диване, как сейчас, и он все время будет спрашивать: «Как вы себя, черт побери, чувствуете, Алиса?»»

— Прекрасно. Лучше не бывает, — ответила Алиса с легким раздражением. — Вся жизнь мечтала оказаться в подобном положении...

— Зачем же так иронизировать? — нахмурился Игорь. — Я беспокоился за вас...

«Настолько, что вернулись, отравили меня какой-то цианистой гадостью, а затем разыграли спасителя!» — хотелось воскликнуть Алисе.

Нет, надо браться за расследование... Или бежать из этого дома куда глаза глядят. Пока они с дедулей еще живые!

Стоило Алисе подумать об этом, как в груди закипело бешенство: «Ну нет! Мой домик останется одиноким, беззащитным, а я...» Ощущая себя мерзкой предательницей, Алиса обвела комнату долгим взглядом. Как укоризненно смотрела на нее бабуля с портрета, да и стены источали печаль и горечь одиночества и беззащитности!

— Ни-за-что, — процедила Алиса сквозь зубы. — Не дождетесь.

— Что?

Игорь обернулся от порога, поглядел на Алису с удивлением.

— Вы что-то сказали?

— Вам показалось...

«Какая же я дура! — обрушилась на себя Алиса. — Если уж я решила стать сыщиком-

любителем, все эмоции надо прятать от посторонних глаз. Особенно когда эти глаза принадлежат подозреваемым...»

— Игорь, я хотела вас спросить...

Он вернулся.

— Игорь, — прошипела Елизавета. — Леха сейчас там всех перестреляет. Его надо остановить...

Алиса прислушалась. Выстрелов слышно не было.

— Он уже перестрелял, — мрачно констатировала она. — Так что у нас теперь уйма времени.

— Что вы хотели узнать, Алиса? — спросил Игорь. Его мало взволновало Елизаветинское сообщение. Что ж, в связи с профессиональной деятельностью он наверняка уже привык к обилию трупов на своем жизненном пути.

«Почему вы стали преступником?» — вертелось у Алисы на языке, но Елизавета, почуявшая неладное, со всей силы ткнула подружку кулачком.

— Когда вы пришли сюда, вы никого не видели? — спросила Алиса с озабоченным видом.

— Вас, — улыбнулся он. — Правда, вы не реагировали на мой приход... Дверь почему-то была распахнута настежь, я удивился. Вошел сюда, вы лежали на полу, в крошечной темноте...

— Откуда же вы узнали, что я лежу?

— Я на вас чуть было не наступил, — покраснев, признался он. — Включил свет и увидел: то, что я ошибочно принял поначалу за груды тряпья, на самом деле является вами. Тогда я подумал, что вы в наше отсутствие успели непостижимым образом быстренько напиться и упали. Тем более что вы храпели...

— Я?!

— Ну да. Правда, наклонившись, я уловил запах эфира и понял, что вас кто-то вырубил... Я отнес вас на диван, закрыл дверь и начал все осматривать. Первая мысль, посетившая меня в тот момент, была банальна: вас хотели ограбить. Первым делом я рванулся к иконе: естественно, мне казалось, что украсть хотят именно ее...

— А почему? — с невинным видом поинтересовалась Алиса.

— А какие еще ценности есть в этом доме, кроме нее? — ловко ушел Игорь от признания. — Ах да... — лукаво улыбнулся он. — Есть еще вы. Но вас не украли. А больше, вы уж меня простите за откровенность, в вашем доме брать нечего... Поэтому я задумался, что же за чертовщина тут происходит?

— Я и сама задаюсь этим вопросом, — призналась Алиса. — Вы бы знали еще, какая чертовщина...

— Ворона каркнула во все воронье горло, — ни к селу ни к городу пропела Елизавета.

— Что ты хотела этим сказать? — повернулась Алиса.

— Игорь, найдите Леху, пожалуйста, — попросила Елизавета. — А то этот тип будет палить до утра.

— Лиза, вы не бойтесь, что, увидев незнакомого человека, он может пальнуть в меня?

— «По обстоятельствам, а не со зла», — мрачно процитировала Елизавета известную песенку. — Вы спрячетесь. Наденете бронжилет... В общем, что-нибудь придумаете...

Соппротивление было бесполезно. Игорь, вздохнув, ушел. Как только скрипнула дверь и в саду раздались шаги, подтверждающие, что подружки остались одни, Елизавета грозно

сдвинула брови и выпалила:

— Какая же ты дура, Павлищева! Купилась на дешевую лесь и чуть все этому типу не выложила! Вот уж воистину — болтун находка для врага!

Алиса даже подскочила, так велико было ее возмущение.

— Что я ему выболтала?!

— Просто не успела. Собиралась, между прочим, — наступала на нее Елизавета. — Ах, милый, жить в этом доме страшно! Нет ничего опаснее и глупее, чем влюбленная старая дева! — заявила разъяренная фурия.

— Нет ничего вреднее, чем Елизавета Березкина, отвергнутая предметом воздыханий, — не осталась в долгу Алиса.

— Кем отвергнутая?

— Предметом. Воздыханий, — повторила Алиса. Если бы не «преклонный» возраст она непременно показала бы ей язык.

Елизавета собралась было ответить, но сдержалась. По ее глазам было видно, что она обиделась. «А я?» — кричала Алисина душа.

Елизавета спокойно встала и принялась одеваться.

— Ты куда? — испуганно спросила ее Алиса.

— Домой, — холодно ответила Елизавета. — Сама разбирайся со своими бандитами. Я торчу тут с тобой вторые сутки, таскаю твою шайку-лейку на концерты, пытаюсь развить их духовно, а ты...

— Лиза, прости, — тихо сказала Алиса. Ей совсем не хотелось, чтобы подруга уходила.

— Нет, Павлищева, я уйду. Потому что никто еще меня так не обзывал! — гордо ответила Елизавета.

— А ты сама? — напомнила Алиса. — Ты тоже меня обозвала старой девой, я же ничего! Никуда не уйду!

— Потому что это твой дом. А мне надо в мою квартиру. Тем более что завтра приезжает Пафнутий.

Так бы и говорила...

Алиса перестала сопротивляться. Пусть себе уходит... Потом, когда Алису убьют бандиты, Лиза всю жизнь будет в слезах вспоминать этот вечер, когда она бросила подругу, одну, на растерзание гиенам и шакалам, из-за глупой обидки!

Елизавета своего страшного будущего еще не ведала, поэтому собиралась домой, обиженно сопя.

Быстрые шаги и хлопнувшая входная дверь нарушили тяжелую тишину, повисшую в воздухе.

Игорь не вошел — влетел, пытаясь хоть как-то отдышаться, и с порога спросил:

— Елизавета, где тут телефон?

Она молча показала ему на телефонный аппарат.

— Что-нибудь случилось? — спросила Алиса.

Он ничего не ответил. Набирал помер, чертыхался, снова набирал, пока не прорвался.

— У нас в саду убитая женщина... Выезжайте скорее.

— Что? — Алиса и Елизавета растерянно посмотрели друг на друга.

Он отвел глаза. Руки слегка подрагивали.

— Алиса, у вас есть... водка?

— Есть, — кивнула Алиса.

Елизавета кинулась к бару, достала оттуда бутылку и плеснула в стакан.

— Сколько их вижу, не могу привыкнуть, — пожаловался Игорь и выпил залпом содержимое. — Особенно когда ты ее только что видел живой...

— Кого?

— Сару, — выдохнул он. — Там ваша английская подружка, Алиса.

— Сара... Нет, не надо!.. Та-ак... Еще раз. В саду убитая Сара...

— Может, ты перестанешь это повторять?

Алиса подняла глаза. Елизавета смотрела на нее с нескрываемым раздражением.

— В моем саду...

— Ты опять?

— Лиза, ей надо прийти в себя. Не трогайте ее... — оборвал подругу Игорь.

Он стоял уже в куртке, на выходе.

— А ты-то куда? — грозно сдвинула брови Елизавета.

— Я потом вам все объясню, девочки, — сказал он. — Просто мне лучше исчезнуть.

Встреча с ментами сейчас не в моих интересах.

— Ну конечно, — ехидно протянула Лиза. — Не в твоих... Может быть, ты ее и убил?

Присвоил браслетик?

— Какой браслетик? — удивился Игорь. — О чем ты говоришь? Ладно, девочки, я скоро вернусь.

— Давай, — зло бросила Елизавета. — Сами разберемся... И с ментами, и с бандитами

Раз ты такой у нас боязливый...

— Я не боязливый, просто у меня свои заморочки, — как-то устало улыбнулся Игорь.

— Тебя милиция разыскивает! — с вызовом сказала Елизавета.

Он нехорошо вздохнул. Очень нехорошо.

— Может быть, и так!

Это было последнее, что они от него услышали. Дверь хлопнула. Подруги остались одни. Елизавета сразу притихла, она молча курила, всматриваясь в темноту за окном.

— Надо туда сходить, — проговорила Алиса. — Что же она там лежит, бедненькая?

— Скоро менты приедут, — ответила Елизавета. — Я туда одна не пойду! Если ты думаешь, что я народная героиня, то ошибаешься! У меня поджилки трясутся, и совсем неохота тащиться в твой темный сад!

— Я пойду с тобой, — предложила Алиса.

— Да ты на ногах плохо держишься, — презрительно фыркнула Елизавета. — Упадешь там замертво, и мне достанется печальная участь: торчать в темноте сразу с двумя трупами!

— Ничего со мной не случится, — заверила Алиса, поднимаясь и натягивая на себя свитер. — Я уже ко всему привыкла, так что испугать меня может только граф Дракула, если явится в мой сад лично! И то я не уверена, что у него это получится...

— Ее, наверное, Леха нечаянно убил, — прошептала Елизавета. — Бегал с пистолетом а она выскользнула из-за угла...

— С таким же успехом можно подозревать и Игоря, — вздохнула Алиса. — Не хочется, конечно, но он сам напрашивается... С чего он так испугался милиции?

— Я ее тоже боюсь, милиции, хотя никого не убивала, — пробормотала Елизавета.

Алиса уже оделась, они вышли в сад, предварительно включив внешнее освещение. Сад теперь был не страшным, хотя, если честно, Алисе все равно было не по себе. Шли они

молча, держась за руки, как два перепуганных ребенка, и Елизавета при этом отчаянно сопела. Обошли весь сад. «Вот сейчас, — сказала себе Алиса, — мы увидим ее. Она лежит, и дыхание не колышет ей грудь... Что скажет по этому поводу начальство?» Непонятно, почему на нее так подействовал глупый и неуместный вопрос. Она даже остановилась.

— Они меня убьют, — прошептала Алиса.

— Судя по всему, им этого очень хочется, — мрачно усмехнулась Елизавета. — Вон сколько народу положили ради тебя!

— Ты про кого? — испуганно прошептала Алиса.

— Про твоих неумных убийцев, — вздохнула Елизавета. — А ты кого имела в виду?

— Мерзавцева. Паршивцева... И Гориллова! Всех трех толстяков!

— Нашла о чем думать, ища труп! — усмехнулась Елизавета. — Где она может быть?

Они уже второй раз проходили сад. Раздвигали кусты, ползали под деревьями — и ничего! Никаких трупов...

— Конечно, она была довольно хрупкой дамочкой, но не настолько же, чтобы мы ее не заметили, — задумчиво сказала Елизавета после третьего рейда.

— Может быть, убийца не смог снять браслет и отволоч ее вместе с ним? — предположила Алиса.

Что теперь она скажет Мерзавцеву? Подозреваемой теперь станет именно она, ведь так возмущалась появлением псевдописательницы, что не смогла сдержаться и умертвила несчастную леди без тени раскаяния!

— Ага, все именно так и поступают, — проворчала Елизавета. — Кстати, и трава нигде не примята...

— А если она испугалась выстрелов, потеряла сознание, а тут появился Игорь и принял ее за мертвую, — продолжала размышлять вслух Алиса. — Потом она пришла в себя и пошла прочь...

— Почему прочь? Она вообще-то должна была явиться в дом, — заметила Лиза. — С чего вдруг ей пришло в голову идти в неизвестном направлении?

— Может быть, она начала нас бояться. То ты в окно лезешь и потом ее щупаешь...

— Никого я не щупала! — возмутилась Елизавета. — Я тебя искала...

— Но она-то это уже потом узнала! А тут еще Леха со своим наганом!

— Тебе надо завести собаку, — вдруг заявила Елизавета. — Как это я сразу не сообразила!

— Собаку? — Алиса удивленно посмотрела на подругу.

Какое отношение собака может иметь к трупу? Чтобы его найти?

— Зачем мне собака? — спросила Алиса. — Ее надо все равно сначала выдрессировать... Я не успею. Меня убьют раньше.

— Чтобы спокойно жить! — мрачно ответила Елизавета. — Она бы охраняла ваше частное владение, и никаких приключений на твою голову не свалилось бы!

— Мне Лехи хватает с пистолетом, — отмахнулась Алиса.

— Твой Леха вон что натворил, — заметила Елизавета мрачным голосом. — Дострелялся... Убил женщину.

— Которую почему-то мы не можем найти, — напомнила Алиса. — Сейчас явится милиция, а у нас еще ни коня ни возу... Может быть, ее вообще не было?

— Групповая галлюцинация, — нервно хихикнула Елизавета.

— Я имею в виду труп! — Алиса уже устала ползать по собственному саду на

корточках! Она присела на скамейку под вишней и достала сигареты.

— Что ты этим хочешь сказать? — остановилась Елизавета.

— Что Игорь все это придумал, вот что!

Елизавета хотела что-то возразить, но задумалась и согласилась.

— Может быть, ты и права... Тогда получается, что тебя и в самом деле решили запугать, и меня заодно с тобой!

— А запугивает нас именно Игорь, — подытожила Алиса, несмотря на то что сердце ее обливалось кровью.

* * *

Подруги вернулись в дом в самом отвратительном расположении духа. Обе молчали. Елизавета доедала дедулин пирог, а Алисе кусок в горло не лез...

— Он исчез, стоило мне только заняться расследованием, — вспомнила Алиса.

— Что ты называешь расследованием? — спросила Елизавета. — Твои идиотские вопросы, с которыми ты пристала к нему. Судя по уровню этих вопросов, в тот момент ты еще была в забытии и плохо соображала...

— Как могу, так и соображаю, — обиделась Алиса. — Ты очень умно поступила: потащила всех в консерваторию, чтобы выяснить, кто преступник, и вот тебе результат! Меня пытались отравить, Сару убили и неизвестно куда запрятали, а Игорь попросту смылся! Черт побери, если бы мне кто-нибудь еще объяснил, зачем им все это было нужно! Дева стоит себе как стояла, из дома ничего, кроме Сары, не пропало, так что все сходится именно на ней! Теперь Мерзавцев меня убьет, в милиции тоже не поздоровится... Все-таки иностранная гражданка.

— Господи, уйми эту Павлицеву! — простонала Елизавета. — И так тошно, а тут еще эта девица неразумная чушь плетет! Кстати, когда эта чертова милиция заявится? И где дедуля? Вот тоже фрукт: мы подвергаемся опасности, у нас трупы пропадают из сада, а он как ни в чем не бывало торчит в храме, псалмы распевает! «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых!»! Тут в его доме все нечестивые на съезд собрались и развлекаются, как им в голову взбредет, а ему все — по деревне!

— Не трогай дедулю, — попросила Алиса. — Он и так благодаря мне в темную историю вляпался... Пусть еще немного побудет в блаженном неведении...

— Есть еще выход, — сказала Елизавета, помолчав. — Надо было это сразу предпринять, тогда бы все было в порядке... Перестань стонать, Алиска! Ни в чем ты не виновата, это я, как ни посмотри, виновница происшедшего!

Она дожевала кусок пирога и хлопнула своими длиннющими ресницами. Вид у нее и впрямь был виноватым, что подтверждало Алисины подозрения, будто именно Елизавета и хотела ее напугать, чтобы потом написать триллер.

— Ты-то при чем? — все-таки спросила Алиса.

— Потому что я идиотка, — безмятежно сообщила Елизавета. — Самоуверенная и тупая. Пишу триллеры и ничему не научилась! Ладно, собирайся, раз ты в состоянии передвигаться...

— Куда? — осторожно спросила Алиса.

— Пытаться выяснить, ху из ху, — квадратно ответила Елизавета. — Даже Таня

Привалова сообразила бы это сделать... Потом мы нанесем удар в виде Ньюши...

— Удар Ньюшей, — изумилась Алиса. — Елизавета, объясни, что ты напридумывали! Как ты будешь наносить Ньюшей удар? И кому?

— Ничего я не придумываю. Просто вхожу в образ великой сыщицы Приваловой... Ставлю ее на свое место. Внедряю в сознание, как жучок. Жалко, кстати, что у нас их нет! Приедет Пафнутий, непременно заставлю его собрать что-нибудь такое...

Елизавета уже стояла на пороге, ожидая Алису. Соппротивление было бесполезно!

— Кстати, могу тебя немного успокоить, — сказала она. — Мне пришла в голову мысль, что убить все-таки собирались не тебя.

* * *

Оказавшись на улице, Алиса пожалела о том, что не осталась дома. Елизавету темный промозглый вечер несколько не трогал: она решительно шагала вперед, войдя в образ с потрясающей легкостью. Может быть, театр в ее лице потерял великую актрису?

— Давай возьмем «берни»? — робко предложила Алиса. Ужасно не хотелось таскаться по ночному городу на своих двоих.

— Ну да, непременно... — фыркнула Елизавета. — Пока мы будем ее заводить, три часа пройдет! На автобусе быстрее...

Значит, в Елизаветины планы входил автобус. Алиса грустно посмотрела назад: родной дом показался ей особенно уютным и милым. Ах, хоум, свит хоум...

— Куда мы едем? — все-таки спросила Алиса, когда они загрузились в автобус.

— В гостиницу, — снизошла до объяснения Елизавета. — В ту самую гостиницу, где мы встретились с Сарой Мидленд...

* * *

В холле гостиницы было тихо и пустынно. Казалось, что вся жизнь в «Братиславе» сосредоточилась в казино: оттуда неслись жизнерадостные крики и смех. За стойкой скучала приятная на вид дама средних лет. Дама читала книгу в тонкой обложке. «Зырянская», — догадалась Алиса. С обложки смотрела неподкупная Таня Привалова, ни на минуту не выпускавшая из тонких пальцев револьвер-бластер.

— Добрый вечер, — обаятельно улыбнулась Елизавета.

— Здравствуйте...

Дама смотрела на посетительниц с некоторым недовольством — они явно нарушали привычный порядок и уют и оторвали ее от самого интересного места в Елизаветиной нетленке.

— Вы не подскажете, девушка из триста одиннадцатого вернулась?

Дама окинула Алису и Елизавету долгим оценивающим взглядом и с легким оттенком снисходительного недоумения спросила:

— Вы о ком, девочки?

— О той молодой леди, которая проживает в номере... Это наша подруга...

— Ваша подруга, — кивнула дама, продолжая хранить непроницаемое выражение лица.

— Ну да... — уже менее уверенно сказала Елизавета. — Сара Мидленд.

— Девушка, в триста одиннадцатом у нас номер люкс, — терпеливо пояснила дама, — и там живет... Впрочем, я не обязана рассказывать, кто там живет.

— Вы хотите сказать, что Сара Мидленд здесь не проживает? — глупо улыбаясь, решила на новый вопрос Елизавета.

Дама уткнулась в книгу и промычала в ответ что-то нечленораздельное, продолжая упиваться похождениями бесстрашной Тани.

— Послушайте, я ведь могу вызвать охрану, — не отрываясь от книги, сказала дама. — Приходит черт знает кто и требует триста одиннадцатый! Да вы хоть знаете, кто там проживает?

— По моим сведениям, Сара Мидленд, — еще раз заявила Елизавета.

Посетительницы в глазах портье явно не относились к бомонду! Осознав это, Алиса обиделась. Особенно после того, как в холл влетел отвратительный бандюга, и дама растаяла, склонившись перед «распальцованным» гоблином, которого сопровождала девица с Большой Казачьей, в нижайшем поклоне!

Как назло, в голову не приходило ничего путного! Дама, впрочем, не производила впечатления полиглотки, поэтому Алиса храбро ринулась в бой.

— «Уэн ай воз янге, соу мач янге зен тудей, — доверительно затараторила она, наклоняясь к Елизавете, — невер нидед энибоди хэлп ин эни вей... Бат нау май лайф из ченж...»

Елизавета смотрела на Алису с благоговейным ужасом, плохо соображая, почему подруге вздумалось цитировать «Битлз». В глазах дамы появилась тень интереса к Алисиной персоне.

— «Хи воз и хэнсам мен, энд ай вонт ту ноу, хау ду ю лайк ю блуайд бой, мистер Дес», — строго смотря даме в глаза, довершила Алиса ее образование строчками из великого Китса. Произношение у Алисы было йоркширское, еще в пятом классе она победила на фонетическом конкурсе, так что Алиса не опасалась, что дама умудрится разобрать, что она выдает за тирады. Йоркширское произношение обычно не понимает никто, кроме самих йоркширцев, а дама за стойкой явно произрастала в местных пампасах и никакого отношения к славным английским провинциалам не имела.

— Йес, вери гуд, — пробормотала Елизавета и снова повернулась к даме: — Понимаете, мисс Вандербилт очень беспокоится о своей подруге Саре Мидленд. Она должна остановиться в вашей гостинице...

— Сейчас я посмотрю, — прониклась наконец Алисиной тревогой дама и бросила на нее осторожный и недоуменный взгляд.

По-видимому, Алиса в своих заношенных джинсах все еще не вписывалась в ее представление о «достойных» иностранцах. «Ну и ладно, — меланхолично подумала Алиса. — Бывают же и недостойные...»

— Нет, — вернулась она через несколько секунд. — В номере триста одиннадцать проживает госпожа Крачевская. А вашей подруги у нас нет.

— А как выглядит эта ваша Крачевская? — поинтересовалась Елизавета. — Такая высокая, с длинными каштановыми волосами? Затянутая в кожу?

— Нет, нет... Она такая представительная, аристократичная... Да вот она.

Дама вытянулась в струнку. Подруги обернулись. В дверях появилось нечто бесформенное, с визгливым голосом, которым «оно» выговаривало сопровождающему

пареньку с тупым лицом за какую-то провинность.

Существо промчалось мимо с реактивной быстротой, не дав толком себя рассмотреть, дабы понять, как выглядят теперь «представительные и аристократичные» особы, но подругам и так хватило впечатлений. Они переглянулись.

* * *

Электронные часы на башенке гостиницы подсказали, что Алиса наконец-то начала вести ночную жизнь. Время двигалось быстрее, чем Алиса с Елизаветой, и, когда они вышли из пятизвездочного отеля, было уже около одиннадцати.

— Что-то складывается не так, — сокрушалась Елизавета. — Где-то я прокололась... Слушай, давай покурим, а?

Алиса хотела ей ответить, что уже поздно и времени совсем нет: во-первых, уже должен вернуться дедуля, а во-вторых, они же сами вызвали милицию! Это невежливо: вызывать милицию и после этого исчезать, тем более что милицию потревожили совершенно зря! Но, посмотрев на Елизавету, Алиса осеклась. Она была так искренне опечалена, что Алисин сердце сжалось.

— Хорошо, — вздохнула она. В конце концов, пять минут погоды не сделают. — Только не здесь. На остановке... Мне совершенно не нравится здешняя публика!

Остановка находилась неподалеку. Гостиница просматривалась оттуда замечательно. Особенно хорошо был виден вход в бар и казино, так что можно было заодно изучить нравы местного бомонда.

— Мне все-таки кажется, что Сару убили, — безжалостно сказала Елизавета.

Пустынная улица, на которой подруги ожидали автобуса, после Елизаветино пророчества показалась Алисе зловещей. Даже в ее названии почудился мрачноватый привкус — «Провиантская». Слово в «провиант» подмешали яд. Алиса невольно поежилась.

— Ладно, надо придумывать новый ход, раз Сара пропала...

Елизавета раздавила окурок. Из-за угла показались огоньки автобусных фар.

— Будем сверять наши действия с «великим гуру», — невесело рассмеялась она. — Если уж мы в этой жизни ничему не научились, кроме как писать глупые книжки...

Автобус подали пустой, только пьяница в углу мирно посапывал, уткнувшись в оконное стекло. Почему-то от вида пьяницы в Алисиной душе снова воцарился покой, и она немного расслабилась.

— Во всяком случае, мир перевернулся вверх ногами только в нашем измерении, — проговорила она. — А в остальных — все по-прежнему... Ездят безмятежные алкоголики, толстые тетки читают Авдотью Зырянскую, а по радио поют глупые песни...

— Знаешь, я бы предпочла, чтобы было все наоборот, — ответила Лиза. — Алкоголиков оставим, пусть себе ездят... А вот толстые тетки пускай читают Маркеса. И по радио пусть поют умные песни... Может быть, прямо сейчас заедем к Ньюше? Посоветуемся. У нее сейчас подруга живет. Психоаналитик, между прочим.

— Нет, — ответила Алиса. — Она начнет кричать, что это у нас карма такая, и выкинет кошку из дома! Помнишь, как она Ньюшиного попугая пыталась умертвить? Кричала, что животные не пускают в дом духов! Я ее боюсь, эту твою Марину Васильевну! Лучше я пойду

к нормальному психиатру, который не читает всяких браминов и не ходит на тусовки рерихианцев! Пусть уж он меня исцеляет по нормальному старикану Фрейду и не заставляет читать Лазарева и Кришнамурти!

— Я и не собиралась к Марине Васильевне, — сказала Елизавета. — Мне нужна Нюша.

Окна дома светились, значит, дедуля уже пришел. Но, судя по движению в саду, дедуля был не один.

— Приехали, — выдохнула Елизавета. — И что мы им теперь предъявим?

* * *

Если уж Алисе не везло, то несчастному лейтенанту не везло еще больше! Стоило Алисе появиться на пороге, как он остолбенел.

— Здравствуйте, — попыталась Алиса обаятельно улыбнуться, но у нее это не получилось.

Бедняга мент поморщился, как от зубной боли, и переключил внимание на Елизавету. С ней он еще не встречался на жизненном поприще и поэтому надеялся, что она нормальный человек. Алиса же уже себя дискредитировала. Именно ему посчастливилось явиться на ее зов тогда, когда она прикрылась от шальной пули владельцем «мерседеса».

«Теперь он решит, что я маньячка, — вздохнула Алиса, рассматривая его уши. — Каждый день кого-нибудь убиваю... Причем никогда не забываю честно позвать милицию на место собственного преступления... А уши у него большие. И портят его внешность... Вполне мог бы выглядеть настоящим красавчиком, если бы не уши... Надо ему посоветовать отпустить волосы подлиннее...»

— Она из Англии приехала, — терпеливо рассказывала Елизавета. — Писательница. Хотела изучить наши нравы... Ей, конечно, не повезло, что она попала в нашу компанию, но такова судьба, ничего не поделаешь! Вы же знаете — писатели люди очень нервные, самолюбивые... И так трудно понять, где у них проходит грань между вымыслом и реальностью! Вы же знаете, как говорил Козьма Прутков... Талант подобен флюсу!

Алиса отвлеклась от созерцания лейтенантовых ушей и с ужасом посмотрела на бедную подругу. Елизавета как ни в чем не бывало продолжала нести свой бред:

— Понимаете, если бы она не сбежала от меня в консерватории, ничего бы с ней не случилось! А теперь даже пенять не на кого...

Похоже, ушастый лейтенант устал и осторожно прервал Елизаветины стенания бестактным вопросом:

— Где она?

— Откуда мне знать? — развела руками Елизавета. — Надеюсь, что в раю...

— Труп где? — снова спросил бедняга.

На Алису он вообще старался не смотреть. И тем не менее она осмелилась сказать:

— Вообще-то он был в саду. Но теперь его там нет.

— И куда он делся? — прищурился ушастый лейтенант.

— Если бы мы знали, — ответила Алиса, с трудом сдерживая негодование, — мы бы давно вам его показали.

— Там ничего нет, — сказал вошедший оперативник. — Девочки, наверное, решили пошутить...

— По-шу-тить?! — возмутилась Елизавета. — Ничего себе! Вот делать нам нечего.

только с вами шутить! Мы что, сами убили эту вашу Сару, чтобы с вами повидаться, да? Уважаемый милиционер, каждый из нас явно находится на месте другого! Вам надо писать триллеры, а я куда уместнее вас буду смотреться в роли блюстителя порядка! Теперь я понимаю, почему в нашей стране развелось так много бандитов!

— Где мужчина, который нам звонил? — спросил лейтенант, глядя усталыми глазами на разъяренную Елизавету.

— Удрал! — ответила Елизавета, гневно сверкая очами. — Сказал, что не хочет с вами встречаться!

— Та-ак... Штраф не хотел платить за ложный вызов, — выдал настоящие намерения Игоря лейтенант. — Ладно, девочки, надоели мне ваши шуточки...

— Это вы что имеете в виду? — возмутилась уже и Алиса, до того момента пытавшаяся хранить спокойствие. — Что, с мертвым гоблином я стояла на руках тоже ради шутки?

— О нем я вообще бы не стал на вашем месте напоминать, — холодно ответил лейтенант. — Хотя, может быть, в этом все и дело?

— То есть? — также холодно спросила Алиса. — Вы хотите намекнуть, что я повредила умом и теперь мне везде мерещатся трупы? Так?

— Ничего я вам не намекаю. Просто очень все это подозрительно... — С этими загадочными словами лейтенант поднялся и двинулся к выходу. Уже открыв дверь, он обернулся и попросил: — Еще раз вздумаете шутить, постарайтесь это делать не в мою смену... А то сдеру штраф. Поняли? — и хлопнул дверью.

— Чертов Игорь, — проворчала Елизавета, когда доблестные стражи порядка отъехали от дома. — Мало того что наврал про труп, так еще и перед ментами нас опозорил! Ну, если он еще раз появится, я ему устрою!

* * *

Дедуля терпеливо ждал, когда Алиса с Елизаветой успокоятся. Конечно, назвать их состояние спокойным было чистой условностью, просто Елизавета наконец-то закончила пыхтеть, а Алиса начала приходить в себя. То есть к ней вернулась способность анализировать происходящее. Шок прошел, Алиса подумала немного и поняла, что во всем виноват Леха.

Уставшая и измученная Сара с трудом нашла ее дом, и тут ее напугал Леха своими дурацкими выстрелами. Она упала в обморок, и в таком плачевном виде ее обнаружил Игорь. Игорь решил, что она убита, снял с нее вождеденный браслет и убрался восвояси. А Сара пришла в себя, обнаружила пропажу и отправилась искать...

— Ерунда, — пробормотала Алиса вслух. — Ничего не получается... Хотя Леха все равно главный виновник, это мне интуиция подсказывает.

— Ты о чем? — заинтересовался дедуля.

Елизавета тоже уставилась на Алису с плохо скрываемым раздражением.

— Это у нее от потрясения мозга замкнуло, дедуля, — сообщила она. — Твоя драгоценная внучка, пока ты слушаешь исповеди старушенций, подсыпавших пургену в супчик соседкам, подвергается опасностям! Ты хотя бы представляешь, что у нас тут творится?

— Нет, — честно ответил дедуля. — Совершенно не представляю... Вижу, что вы,

девочки, какие-то взъерошенные, но понять почему — не могу. Вы бы хоть рассказали!

— Я пыталась, — сказала Алиса. — Но ты же все время был занят! И сам сказал, что рожа в окне нам померещилась, а убиенный гоблин был трагической случайностью... Кстати, откуда ты этого Игоря взял?

— Игоря? — удивился дед. — Как откуда? Из музея... Он там работает.

— Где?!

— В музее этнографии. Чего вы так кричите?

Ну и дела! Дедуля, оказывается, был наивнее всех!

— Дед, он не может там работать, — зловеще сказала Елизавета. — Ох, дед, не могу я! Как же тебя эти бандюги вокруг пальца обвели, это же с ума сойти можно! Тоже мне — пастырь нашелся! Этот твой Игорь меня спрашивал, где находится музей этнографии! Понял?!

— Нет, — признался дедуля. — Зачем он тебя спрашивал о том, что прекрасно знает?

— Влюбился! — саркастично фыркнула Елизавета. — Не знал, как со мной познакомиться!

— Лиза, что в этом такого? — продолжал недоумевать дедуля. — Почему ты говоришь это с такой интонацией? Ты очень милая девушка, замужество у тебя на лбу не зафиксировано... Что особенного в том, что юноша, приятный во всех отношениях, завидев тебя, почувствовал влечение? А как ему с тобой заговаривать? Не про время же спрашивать, честное слово!

— Дед, тебе срочно надо в резервацию, — постановила Елизавета дрогнувшим голосом. — И Алиску с собой заberi... Поскольку вы, Павлицевы, мамонты! Мастодонты! И я от вас так устала, что... хочется курить!

Она встала и прошла по комнате туда и обратно.

— Может быть, вы и правы, — сказала она, успокоившись. — Но все равно — надо проверить этого вашего Игоря. И срочно найти Сару...

Договаривать она не стала, только глаза вытаращила, показывая, сколь ужасна будет участь дедули и неразумной внучки.

— Что ты предлагаешь? — спросил дедуля. — Обратиться в милицию?

— На фиг эта милиция, — отмахнулась Елизавета. — Там, судя по этому тюленю ушастому, все сплошные лохи... Надо самим выпутываться из этой ситуации!

Теперь они уставились на Алису. Слово именно ей надлежало найти выход. Алиса была погружена в собственные размышления — для любого расследования надо найти ниточку, и сейчас ей казалось, что эта ниточка у нее в руках.

Алиса теперь почему-то уверилась в том, что все крутится вокруг Сары. Разгадка была в ней, может быть, именно поэтому она так скоропалительно исчезла, или — ей помогли исчезнуть?

Как всегда случается, когда ты вот-вот найдешь кончик клубка, Алиса с трудом удержалась, чтобы не зевнуть. Сой изгонял из головы все мысли, и бороться с этим было невозможно. Особенно человеку, проводшему накануне бессонную ночь...

— В конце концов, завтра будет день, — пробормотала Алиса, еще пытаясь вырваться из назойливых объятий Морфея.

Взглянув на Елизавету, она убедилась, что состояние подружки ничем не бодрее, — Елизавета делала вид, что внимательно слушает дедулю, но на самом деле витала где-то далеко.

— Девушки, да вы сейчас у меня свалитесь замертво! — воскликнул дедуля. — Быстро спать...

— Мне еще надо Ньюше позвонить... — пробормотала Елизавета.

— Завтра, — отрезал дед. — Все звонки, слезки, расследования и прочие глупости совершите завтра! — Он многозначительно замолчал.

Алисе так хотелось спать, что она охотно подчинилась требованиям дедули.

— Странно устроен человек, — пробормотала Алиса, уже опустив голову на подушку. — Вокруг него происходят всяческие катаклизмы, а он преспокойно дрыхнет, словно все это его не касается...

— Это потому, что мы с тобой далеки от совершенства, — заметила Елизавета. — Таня Привалова ни за что не плюхнулась бы спать в исторический момент!

* * *

Стоило Алисе оказаться в кровати, она погрузилась в мысли, и очень скоро остатки сна растаяли: Алиса лежала, рассматривая потолок. За стеной расхаживал дедуля, стараясь не шуметь, и она внезапно подумала, что, раз они оба не спят, можно пообщаться.

Елизавета продолжала спокойно почивать. Алиса встала, набросила халат и отправилась к дедуле.

— Это что такое? — грозно сдвинул он брови, стоило ей возникнуть на пороге его комнаты.

— Заснуть не могу, — объяснила Алиса. — Понимаешь, дедуля, что-то в этом деле не так... У тебя бывает ощущение, что ты бродишь в нескольких шагах от разгадки и все просто, только сейчас тебя словно нарочно уводят от нее прочь?

— Конечно бывает, — кивнул дед. — Тогда надо поговорить с кем-то и попробовать вместе во всем разобраться...

— Именно этого я и хотела!

— Подожди, — остановил дедуля Алису. — Я думал, что тебе Елизаветы хватает!

— Она последнее время твердо решила побыть Таней Приваловой, — поморщилась Алиса. — Осталось только раздобыть «гадальные кости» — и полный вперед! Только прежде чем мы начнем нашу беседу, ответь мне на один вопрос — честно, ладно?

— Постараюсь.

— Ты и в самом деле встретил этого Игоря в музее?

Дедуля странно посмотрел на Алису, словно она посягнула на его личную тайну, и увел взгляд в сторону.

— Да, — совсем тихо ответил он.

Алисе стало не по себе. Дедуля еще никогда не обманывал ее! А сейчас Алиса чувствовала, что он скрывает от нее правду — или...

— Дед, ты что-то от меня скрываешь, — сказала Алиса. — У тебя не получается говорить неправду. Ты краснеешь... Кто такой этот Игорь?

— Алиса, я не могу... открыть тебе чужую тайну. Вот и все, — вздохнув, проговорил дед.

«Господи, — мелькнула в голове Алисы ужасная мысль. — Моего дедулю могли заставить врать только в одном случае: если пригрозили ему отнять у меня жизнь! И теперь

он вступил с бандитами в преступный сговор!»

От этой мысли Алисе стало плохо. Желание разговаривать по душам пропало.

— Спокойной ночи... — Она поднялась.

— Алиса, мы же хотели с тобой поговорить!

— Тогда скажи мне, кто такой Игорь!

Дедуля отвел глаза в сторону и закашлялся.

— Понимаешь, девочка, я действительно не могу сейчас открыть тебе правду. Боюсь, вы с Елизаветой помешаете ему неосторожными действиями... Одно могу тебе сказать — Игорь не...

Алиса не дала ему договорить. В ушах словно звенела куча колоколов, и обида была нестерпимой.

— Спокойной ночи, дед! — холодно сказала она.

— Алиса!

Она не смотрела на него, боясь пожалеть.

В глазах стояли слезы обиды. Дедуля неожиданно для Алисы стал в ее глазах предателем.

— И все-таки я люблю тебя, — с горечью сказала она, закрывая за собой дверь. — Несмотря ни на что!

* * *

— А ведь я видела где-то эту страшную рожу!

Алиса подскочила на кровати.

Елизавета задумчиво смотрела на окно, за которым вовсю сияло солнце.

Из кухни доносился дедулин голос.

— Что день грядущий мне готовит? — вопрошал он.

— Так вот, — снова произнесла Елизавета. — Я всю ночь думала, да так и не смогла вспомнить. Но мне кажется, что я видела эту рожу в нашей конторе. И очень хорошо знаю ее обладателя, вот только...

Получалось, что это Елизавета не спала, а вот Алиса...

Словно дедуля не стоял на краю пропасти, рискуя совершить ужасный грех! Это Алисе с Елизаветой грехи спустятся, а ему? Он все-таки священник...

Алиса никак не могла понять, чью рожу Елизавета имеет в виду. Игоря? Сары?

— Того типа, что зависал у нас в окне, как «Виндовоз», — напомнила Елизавета. — У кого у нас самая противная физиономия?

— У Мерзавцева, — сказала Алиса.

— Нет, это был не он. Мерзавцев точно отпадает... Может быть, Ромик?

— С какой стати Ромик? — удивилась Алиса. — Если ему надо что-то узнать, он и так может зайти...

— А ведь ты права... В окно заглядывал некто, чье появление в твоём доме сильно удивит и вызовет подозрения. И в то же время этот человек прекрасно знает, где ты живешь...

Она вскочила и бросилась к телефону.

— Ты куда?

— Звонить Нюше, — бросила она на ходу.

* * *

Лиза упрямо крутила диск телефона, словно в ее жизни сейчас не было ничего важнее.

«Почему я даже сейчас, наблюдая, как сосредоточенная Елизавета пытается дозвониться до Нюши, думаю обо всем так, словно на самом деле пишу роман?» — пришла в голову Алисы глупая мысль.

— Алло, Нюша? Это Лиза...

Алиса представила себе Нюшу — на другом конце города, в особнячке рядом с Волгой. А она поймет их проблемы? Вряд ли... «Нюша давно уже изменилась, — хотелось сказать Алисе. — Она, в отличие от нас, стала взрослой». Это Алиса с Елизаветой — две замороженных Питера Пэна.

— Нюша, тебе что, наплевать, что будет с Алиской, да? — взывала в телефонную трубку Елизавета. — А ничего особенного! Ее просто убьют, и все!

Елизавета была так убедительна, что даже Алисе стало не по себе. Елизавета положила трубку и удовлетворенным голосом сообщила:

— Сейчас она не может, но обязательно приедет к четырем...

«Обе подруги в трудную минуту были готовы прийти несчастной Элайзе на помощь», — снова пришла Алисе в голову строчка из ненаписанного романа, и она, не удержавшись, рассмеялась.

— Нет, вы только подумайте! — говорила она. — Какой сегодня день странный! А вчера все шло как обычно! Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, это уже совсем не я! Но если это так, то кто же я в таком случае? Это так сложно...

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

На сей раз Елизавета позволила Алисе взять «берни».

— Куда прикажете? — поинтересовалась Алиса, садясь за руль.

Елизавета на иронию внимания не обратила.

— К нашим толстякам, — сказала она. — Куда же еще?

Алиса недоуменно повернулась к ней:

— Не поняла. Что мы там забыли?

— Понимаешь, Алиса, — сказала Елизавета, — я долго думала и поняла, что каким-то дьявольским образом все связано с ними. Может быть, я ошибаюсь, но проверить надо.

— Ну да, конечно, — серьезно кивнула Алиса. — Мерзавцев на самом деле глава мафии, они втроем создали литературное агентство, после того как некий колдун, маг и чародей нагадал им, что дедуля найдет дорогую икону, которую надо непременно украсть и продать за границу. А Надежда Ивановна отвечает за переправку «произведения искусства» через канализацию напрямиком на «Сотби». Не зря же она учится в сантехническом колледже... Интересно, кого они держат в качестве киллера? Ромика? Или за это дело возьмется лично Паршивцев?

— При чем тут киллер? — отмахнулась от Алисы Елизавета.

— Как же ты могла забыть! Меня ведь регулярно пытаются убрать с дороги! Знать бы еще почему...

— Вот это все я и пытаюсь выяснить! А ты все время надо мной подсмеиваешься! Хорошо, если тебя не устраивает моя версия, предложи свою!

— Я еще ее не слышала, твоей версии! Ты все время начинаешь говорить и замолкаешь, загадочно улыбаясь! — парировала Алиса. — Как бы то ни было, мы должны выяснить, что за Сара к нам приезжала, — сказала Алиса, останавливая «берни». — Приехали, мадам. Вылезайте!

* * *

Если два года назад Алисе очень нравилось сюда приходить, то сейчас все изменилось. Раньше ей нравилось писать про Элайзу — будто она играла в большую Барби, и за эту детскую игру Алисе платили деньги. Барби развлекала ее достаточно долго — около года, а потом Алиса начала уставать от однообразной красоты. Даже ребенок устанет от своей куклы, если заставить его играть без перерыва! Что же говорить о взрослой женщине,

которую иногда одолевают взрослые проблемы, на решение которых не остается времени! Со временем Элайза стала вампиром.

— Кстати, неплохая идея, — проговорила Алиса.

Они уже поднимались по знаменитой лестнице, которую Елизавета называла Потемкинской, утверждая, что до знаменитой одесской лестницы ей не хватает лишь пары пролетов...

— Вот и я говорю, что ты зря тусовалась под лестницей, — ответила Елизавета.

Мимо прошли два брокера в одинаковых черных пальто и одинаковых белых шарфах. Даже лица у них были абсолютно одинаковые!

— Ты о чем? — не поняла она таинственной связи между курилкой и перевоплощением Элайзы в злобного вампира.

— Я о брокерах, — объяснила Елизавета. — Надо было входить туда без сигареты, отлавливать какого-нибудь красавчика, быстро охмурять его — и тогда твоя Элайза осталась бы сиротой...

— То есть он меня потом убил бы? — не удержалась Алиса от ехидства. — Может быть, меня вообще собираются убрать брокеры?

— При чем тут они? — издевательски хихикнула Елизавета. — У тебя версии, Павлищева, слишком нетривиальные. Что ты им сделала? Украла у них пакет акций «Газпрома»?

«Если бы я могла», — искренне вздохнула Алиса. Но к воровству у нее никогда не было призвания.

— Ты сама сказала, что Элайза осиротеет.

— Конечно, потому что ты выйдешь замуж за брокера, у тебя появятся деньги и ты станешь второй Ньюшей...

Такая перспектива Алису в корне не устраивала. Торчать дома и ничего не делать? А поздно вечером заявится напыщенный индюк и начнет разыгрывать из себя неистового Роберта?

— Лучше до конца своих дней писать Элайзу, — проворчала Алиса. — Если тебе нравятся эти брокеры, сама выходи за них замуж!

— Я уже вышла, — безмятежно сообщила Елизавета.

* * *

Хочешь узнать свежие новости, иди в курилку. Там тебе все расскажут. В принципе Алисе Елизаветины «ходы расследования» показались банальными.

— Вы хотите услышать свежие сплетни, любезная? — поинтересовалась она. — «Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно», — насмешливо пропела Алиса.

— Именно так.

В курилке сидела Ольга. Она появлению подруг обрадовалась, хотя до этого сидела, мрачно уставившись в одну точку.

— Привет, девочки! — улыбнулась она. — Елизавета, тебя тут давно не было! Ты что, решила расстаться с «альма-матер»?

— Тогда уж «альма-фатер», — проворчала Елизавета. — А еще вернее — «альма-пахан». Могла бы с ними расстаться, давно бы это сделала! Но пока не могу. Но постараюсь

лицезреть их как можно реже, чтобы сохранить в душе детский оптимизм и веру в светлое будущее.

— Тогда почему сегодня ты решила поступиться принципами? — с готовностью разулыбалась Ольга.

— Рэкетом хочу заняться, — нашла объяснение своему визиту Елизавета. — Пойду трясти нашу дорогую Надин. Кстати, как она тут поживает без моих гадких шуток? Надеюсь, ее счастье не безоблачно?

— Да вроде бы страха перед завтрашним днем в ее глазах не поселилось, — засмеялась Ольга. — Может быть, сегодня ты нарушишь ее затянувшуюся безмятежность...

— Могли бы сами иногда это делать... А то нашли себе Нельсона Манделу! А вот и она, моя радость!

После этих слов Нельсонша потушила сигарету и распахнула дружественные объятия появившейся в конце коридора Надежде Ивановне.

— Наденька, добрый день! Безумно рада вас видеть...

Надежда Ивановна ответной радости не проявила. Она даже шарахнулась назад, поскольку никогда не обманывалась относительно истинных чувств Елизаветы.

— А я вот шла мимо и решила зайти... Очень соскучилась. Как вы поживаете?

— Хорошо, — сквозь зубы процедила Надежда Ивановна, по мере сил пытаюсь изобразить приветливость.

— Разобрались с канализационными системами? Ну, да бог с ними, я и сама не сильна в этом вопросе, — тут же перескочила на более важный предмет Елизавета. — Как у нас с деньгами? Меня в данный момент интересуют именно деньги. Да и вам самим наверняка интересно со мной говорить именно по этому поводу! В канализациях я ничего не понимаю!

— Видите ли, Елизавета Андреевна, на вашем счете ничего нет... Вот принесете книгу — посмотрим, можем ли мы вас проавансировать...

— Как же так? — искренне удивилась Елизавета. — Я сдала вам десять книг. Вы выплатили мне только три тысячи. Вы что, стали мне платить меньше?

— Пойдемте ко мне, Елизавета Андреевна! Я открою вам файл — сами все посмотрите...

Алиса с Ольгой остались вдвоем.

— И почему ты такая грустная? — спросила Алиса.

— Книжка вышла, — мрачно ответила Ольга. Она протянула книжицу в яркой обложке.

— Ничего, вполне симпатичная... — пожала плечами Алиса.

— Особенно на последней обложке.

Алиса перевернула книжку.

— О боже! — вырвалось у нее. — Где они такого монстра нашли?

С фотографии смотрело чудовище. На, круглом, лунообразном лице застыла безумная улыбка, превратившая узенькие глаза в щелочки. Довершала это великолепие жидкая химия. Ни дать ни взять — ведьма, удачно погулявшая на шабаше!

Алиса перевела взгляд на хорошенькое Ольгино личико.

«Все-таки непонятно, почему нашим боссам кажется, что с этими физиономиями книги будут раскупаться быстрее, чем с нашими», — подумала Алиса.

— Вот-вот, монстра, — обрадовалась Ольга. — Я тоже так подумала. Где они ее нашли? И отправилась в порыве бешенства к Мерзавцеву... Представь себе, Алиска, каково было мое удивление, когда я узнала, ГДЕ нашли это «очаровательное существо»!

— Не томи, — заинтересовалась Алиса. — Рассказывай...

— Врываюсь я к Мерзавцеву, где они с Паршивцевым мирно попивают «чай с огурцами». Оба уже — в состоянии глубокой радости, и поэтому мое появление без стука не сильно их раздражает. Хотя секретарша кричала, что в сто двенадцатую нельзя, там едят, по мне было не до вежливости! Ты знаешь меня, Алиска, я очень миролюбивое существо, но после ЭТОГО! — Она взмахнула книжицей. — После этого я забыла о субординации... Ну ладно, я могу понять, что моя фамилия не подходит для обложки! Я смирилась с тем, что у меня физиономия не типичная! Но пусть мне объяснят, почему ЭТО им кажется типичным!

— Может быть, у них вкус такой, — попыталась успокоить Алиса Ольгу, которая была близка к бешенству.

— А вот и не вкус! Слушай, что было дальше...

Она закурила новую сигарету. Пальцы ее дрожали. Алиса еще никогда не видела Ольгу в таком состоянии. Честно говоря, она всегда подкупала ее спокойствием и ироничным отношением к жизни.

— Так вот, я влетела в кабинет и швырнула книжку на стол. «Что это такое?» — поинтересовалась я. «Оля, что с тобой?» — спросил Мерзавцев. «У меня истерика, — объяснила я ему свое состояние. — Более того, теперь у меня еще начнутся ночные кошмары! Я буду вскакивать по ночам и бежать к зеркалу, потому что мне будет мерещиться, что теперь у меня вот такое мерзопакостное личико!» — «Про кого это ты?» — «А вот про этот «кошмар на улице Вязов», — ответила я. Паршивцев после этого странно дернулся, скосил на меня глаза и внезапно выскочил из кабинета, покраснев при этом, как синьор Помидор! А Мерзавцев... — Она снова прервалась, чтобы набрать воздуха, и выпалила: — Догадайся, что сказал Мерзавцев? Впрочем, ладно... Где тебе догадаться! Так вот, он сказал мне, что этот откормленный кадавр — родная супруга нашего Паршивцева! — Ольга сердито ударила кулачком по колену и всхлипнула.

— В принципе она ничем не хуже Лизиной Авдони, — попыталась успокоить ее Алиса. — И потом, ей же хуже...

Чем ей хуже, Алиса не стала договаривать. Все слова сейчас были бы неубедительными. Она очень хорошо понимала Ольгу: сама пережила нечто подобное, узнав о «подставной Саре».

— Одного не могу понять, зачем им это нужно? — вздохнула она. — Что хорошего — торчать на обложках чужих книг, не будучи даже красавицей? Стыда потом не оберешься! Я бы ни за что не согласилась...

— Я тоже, — вздохнула Ольга.

Она уже пришла в себя, только красные пятна на щеках говорили о недавней истерике.

«А не кажется ли тебе, что Елизавета права?» — громко спросил у Алисы внутренний голос.

Внутренний голос застал Алису врасплох. По привычке она отмахнулась, но этот вопрос не отпускал ее. «Елизавета права».

«Нет, не может быть! Если я пишу за некую даму по имени Сара Мидленд, какой прок в моей смерти? Зачем меня убивать?» — спросила у себя самой Алиса.

— Ольга, а ты никогда не встречала здесь высокую девушку с длинными каштановыми волосами? — на всякий случай спросила она.

— Алиса, по такому описанию я могу вспомнить целую армию девушек! — устало усмехнулась Ольга. — Не могла бы ты дать более детальное описание? Скажем, не было ли у

нее особых примет?

Алиса задумалась, но ничего особого не вспомнила.

— Одета в кожу. Очень красивая, — неуверенно повторила она.

Сейчас Алиса искренне сожалела, что ей не пришло в голову сделать Сарины фотографии — чтобы всем показывать. Поскольку Сара не обзавелась особыми приметами.

— Ну хорошо, — сдалась Алиса. — А высокий мужчина лет тридцати? Светловолосый, с серыми глазами...

— Красивый, чем-то немного смахивает на Бреда Питта? — мгновенно отреагировала Ольга.

Алиса остолбенела. Действительно... Правда, лицо поумнее, но сейчас Алису это не занимало. Куда больше ее интересовал факт присутствия Игоря в «здесьних прериях»!

— Ты хочешь сказать, что он тут бывал?

— Почему бывал? Он тут бывает, — поправила ее Ольга. Правда, появился он здесь сравнительно недавно... Вроде бы — устроился к нам на работу.

В глазах Ольги появилось опасное любопытство. В самом деле, приходит Алиса Павлицева и начинает задавать квадратные вопросы! Да еще выясняется, что ее интересует вполне конкретная личность, недавно устроившаяся сюда на работу!

Как бы все объяснить, не вызывая особенных подозрений? Не то чтобы Алиса Ольге не доверяла, просто ей не хотелось выглядеть глупо.

— Алиска, ты что, наконец-то пала жертвой чьих-то чар? — шепотом спросила Ольга.

«Что-то в последнее время мне часто приходится удивлять людей», — подумала Алиса, наблюдая, как любопытство в глазах Ольги уступает место страху — как у индейцев, увидевших ожившего истукана!

— Ты сама постоянно желала мне обзавестись «предметом воздыханий», — сказала Алиса, крайне заинтересованная Ольгиным поведением. — Помнится, еще недавно ты убеждала меня в том, что я пишу романы про любовь, ничего не зная об этом замысловатом чувстве!

— Потому что этот тип прельстился другой! — выпалила Ольга. — И это Надежда Ивановна...

* * *

— Что творится в нашем большом болоте? — неожиданно вырвалось у Алисы.

— Да как всегда — сплошные глупости, — вздохнула Ольга. — Надежда Ивановна ходит королевой... Кстати, Алиска, она недавно спрашивала меня про ту дискету...

— Какую? — не поняла Алиса.

— Помнишь, летом ты пришла к нам. Тебе надо было сделать «редакторскую копию», чтобы ты поправила вещь по рецензии...

— Помню, — кивнула Алиса. — И что дальше?

— У тебя тогда не было дискеты, и я записала тебе файл на первую попавшуюся, которая лежала на столе у нашего выпускающего...

— А я ее не вернула?

— Нет, — развела руками Ольга. — Честно говоря, я про нее забыла. А когда вспомнила, положила на стол свою, так что все было в порядке... до последнего времени...

А потом Надежда Ивановна словно с цепи сорвалась. Начала требовать эту чертову дискету, хотя я совершенно не могу врубиться, зачем ей именно она! Я понимаю, что ты ее вряд ли теперь найдешь — но все-таки... Попробуй, ладно?

— Не обещаю, — сказала Алиса. — Попытаться попытаюсь, но за успех этого безнадежного предприятия ручаться не могу! Сама видела, какой бедлам у меня в комнате!

— Ну и бог с ней, — беспечно отмахнулась Ольга. — Думаю, Наденька у нас просто возомнила себя крупным начальством. То она против авансирования, потому что писатели ей на шею сели. То начинает метаться по всему офису и проверять, не разбазариваем ли мы дискеты... А какая три года назад была милая деревенская девочка!

«Милая деревенская девочка» в данный момент как раз проходила мимо.

— Могла бы у меня спросить про свою дискету, — сказала Алиса, провожая ее тонкую фигуру взглядом.

— Наверное, она тебя немного побаивается, — предположила Ольга. — Вдруг ты наябедничаешь Березкиной?

Скоро в конце коридора появилась и «неутомимая сыщица». Она стояла, благосклонно позволив Мерзавцеву поцеловать себе руку на прощание.

«И как у нее это получается? — подумала Алиса с легкой завистью. — Так изящно хамить, что никто не может придраться...»

А уж в том, что Елизавета ни за что не откажет себе в «удовольствии», Алиса не сомневалась. Да и видно было по ее сладенькой улыбочке, что она «в полном отрыве».

Мерзавцев хранил на лице «вынужденную радость», но в глазах его уже появилось нетерпение. Ему хотелось как можно скорее избавиться от своей визави, поэтому, приметив Алису, он обрадовался, взмахнул короткими ручками и нетерпеливо воскликнул:

— Алиса Игоревна, а я вас и не заметил! Как поживаете? Все в порядке? Саре не терпится с вами познакомиться...

«Да мы уже познакомились», — вертелось у Алисы на языке, но, приметив «страшные» Елизаветины глаза, она вовремя прикусила язык.

— Вы ведь не обижаетесь? — доверительным шепотом продолжал Мерзавцев. — Алисочка, милая, скажите, что нет! Это только историческая необходимость! На самом деле мы с вами знаем, кто истинная Сара Мидленд! — Он подмигнул ей и хитро улыбнулся.

— Не обижаюсь, — вежливо ответила Алиса, хотя больше всего на свете ей хотелось высказать все, что она думает.

— Вы ангел, Алиса! Вы просто ангел!

Мерзавцев вцепился толстыми колбасками пальцев в Алисину руку так, что Алиса испугалась: а вдруг раздавит? Затем прижался пухлыми губами к ее руке, еще раз всхлипнул и посмотрел на Елизавету:

— Елизавета, как хорошо, что вы еще здесь! Я вспомнил, что нам нужен триллер... срочно... Через неделю уезжаем на книжную ярмарку. Как, Лиза, сможете осилить семилистовик?

Лиза остолбенела.

— За... сколько? — переспросила она. — За неделю? Я что, машина?

— Лиза! Понимаете, вы же у нас гений! Неужели за недельку не напишете?

Он заметил, что Лиза начала бледнеть, потом ее щеки заметно порозовели, и, пробормотав: «Ну ладно, ладно, поговорим потом...» — помчался дальше.

— Надо же, — прошептала за Алисиной спиной Ольга, все еще думая о своем. — Они

оказывается, и твоей «иностранный леди» разжились... Интересно, чья она супруга?

— Вы что-то сказали, Оленька? — У выпускающего Илларионова была неприятная привычка появляться за спиной незаметно. Голос «Искарियोтова», как звали его между собой писатели, был сладок, как ядовитый фимиам.

— Ничего, Александр Викторович, — ответила Ольга. — Вам послышалось. Я сама с собой разговариваю...

— Приятно поговорить с умным человеком, — обрадовался Искариотов возможности блеснуть остроумием. — Кстати, Алиса, вы слышали? Издатели требуют две книги в месяц...

Алиса ничего не ответила. Она наблюдала за Елизаветой.

Елизавета вела себя несколько странно: корчила Алисе из-за спины Искариотова рожи и подавала всяческие таинственные знаки, один к одному похожие на масонские.

«Может быть, она решила расстаться с образом Тани Приваловой и быстро перевоплотиться в Чаадаева?»

— Ну, мне пора... Дела, Алиса Игоревна! С удовольствием пообщался бы с вами, но...

Он трагически приложил руку к сердцу, чмокнул Алисину руку и быстрыми шажками побежал по коридору прочь.

— Ну, слава богу, — выдохнула Елизавета. — Я уж думала, он никогда не избавит нас от своего общества! Я тебе всем своим видом показывала, чтобы ты не входила с ним в чересчур длительный контакт!

— Я вроде бы и так не входила, — проговорила Алиса.

— Ладно, закончим выяснение отношений! Есть дела поважнее... — Она повернулась к Ольге и спросила: — У Паршивцева в кабинете стоит магнитофон?

— Стоит, — сказала Ольга. — Они везде поставили эти свои приемники и бум-боксы...

— Замечательно. Надо использовать хотя бы ту технику, которая у нас под рукой! Конечно, я бы предпочла жучки, но на нет и суда нет... Попробуем простой магнитофон.

— Интересно, как? — вступила в Елизаветину «беседу с умным человеком» Алиса. — Они же сразу заметят...

— Предположим, что не заметят. — Елизавета вздохнула. — Ладно, я пошла к Паршивцеву. Поскольку у них именно сегодня намечена планерка, мне безумно интересно знать, что на ней будет говориться!

— А где ты возьмешь кассету?

— Уже взяла, — хихикнула Елизавета. — У Мерзавцева. Дальше, правда, придется воспользоваться Ольгиными услугами.

— Как это? — испугалась Ольга.

— Ты зайдешь к Паршивцеву и незаметно вынешь кассету из магнитофона.

— И как у меня это получится незаметно? — Ольга неодобрительно посмотрела на Лизу.

— А я его позову, — объяснила Лиза. — Ты останешься одна и незаметно кассету из магнитофона вытащишь...

Ольга попыталась спорить, но разве можно в чем-то убедить Елизавету, если она «закусила удила»? Она, конечно, попыталась возразить. Елизавета все возражения погасила ледяным взглядом.

— Хотя бы объясни, во имя чего я должна так рисковать! — Ольга патетически воздела руки.

— Да не хочешь — не надо, — отрезала Елизавета. — Запустим Алиску. Правда, у тебя есть причина появиться у Паршивцева в кабинете. А Алиске надо что-то выдумать...

— А у меня какая? — удивилась Ольга.

— Принести Паршивцеву извинения за оскорбленную жену.

Ольга подумала и сказала:

— Нет уж. Неохота мне перед ним извиняться.

— Тогда сворачиваем наши творческие изыскания и позволяем всяким толстым теткам сидеть на нашей шее, — развела руками Елизавета. — Послушай, Ольга, как же ты не понимаешь? Тут творится что-то очень странное. И не говори мне, что нет никакой разницы, пишешь ты за придуманную тетку или за реальную. Разница-то есть! Поскольку мне, например, совсем не нравится, что я целыми днями торчу перед компьютером, словно мне больше нечем заняться, и мне вечно не хватает денег, а в это время некая совершенно реальная Авдоня Зырянская совершает на мои кровные деньги шопинги, чтобы побороть внезапно наступившую от безделья депрессию! Я сама справлюсь с шопингами, честное слово!

Она замолчала. По коридору снова проходил выпускающий редактор.

— Господин Искарютов, — пробормотала Елизавета. — Тоже способ существования — хорошенько все подслушать и не забыть донести до высочайших ушей! Может, это он маячил в твоём окне, Павлищева?

— Мне страшно, — вдруг напомнила о себе Ольга. — Во-первых, наш магнитофон омерзительно трещит. Во-вторых, они запросто могут включить музыку...

— У них СОБРАНИЕ, — напомнила Елизавета. — Важное. Деловое. Что делать распоясавшимися писателями. Неужели ты думаешь, что они станут включать музыку? Они же не на дискотеку собираются... А шипит твой магнитофон. Себе они лучше поставили. Я его прекрасно изучила — там у них последняя модель «шарпа»...

— Ладно, — наконец согласилась Ольга. — Только ты, Алиска, верни эту дискету! А то мне не жить на белом свете!

— Какую дискету? — удивилась Елизавета.

— Я летом взяла какую-то дискету и забыла вернуть... А теперь у Надежды Ивановны появилось острое желание ее получить. Маразм, правда? Где я найду теперь эту ее «возлюбленную» дискету? — хихикнула Алиса. — Может, вот эта подойдет? — Она достала из кармана черный квадратик.

— Вроде похожа, — кивнула Ольга. — Попробую, может, все и получится. — И она, забрав у Елизаветы дискету, побрела по коридору с видом осужденного на казнь к кабинету Паршивцева.

* * *

— Так вот, Павлищева, если ты думаешь, что мне удалось много узнать, ты ошибаешься! — объявила Елизавета, как только Ольга скрылась за массивной дверью. — Одно могу тебе сказать: тут действительно не все в порядке.

Дедуля успешно внушил Алисе, что главная добродетель — это терпение. Поэтому Алиса решила, что раз так, надо его набраться. Хотя, если честно, Алису разрывало желание рассказать Елизавете о странной связи Игоря с Надеждой Ивановной. Елизавета же в данный

момент нуждалась в собственном монологе.

— Короче, дело в какой-то ГАЗЕТНОЙ статье! — объяснила Лиза. — Вроде бы нашей конторе угрожает крупный скандал. Некая девица дала интервью, и теперь им приходится предьявлять народу живых писателей. Чтобы не облажаться! Так мне объяснил Мерзавцев.

— Поэтому они решили заодно избавиться от нас. Чтобы никто не мешал «обнаруженным» писателям! — заключила Алиса.

— Ты главного еще не знаешь... — Лиза таинственно посмотрела на подругу. — Дело в том, Павлицева, что они практически уверены, что это интервью дала ты!

— У меня вообще-то никто его не брал, — призналась Алиса. — Взяли бы, конечно, я не удержалась бы от искушения поговорить «за жизнь»! Но как-то не показалась им моя кандидатура достойной внимания... Значит, этот незадачливый киллер был нанят Мерзавцевым, да ничего у него не вышло! Кто-то решил, что так обращаться с девушками нельзя, и сам расправился с несчастным! Твои «детективные» данные, Елизавета, ненамного отличаются от данных твоей любимой героини! Только «костей» не хватает!

— Между прочим, я ничего подобного тебе не говорила. Никаких киллеров они не нанимали. Может быть, они и мошенники, но не идиоты! — хихикнула Лиза.

Расправившись таким образом с Алисиными хрупкими догадками, она посмотрела на часы и бросила:

— Пора! А то Ольга уже, наверное, исчерпала весь запас извинений. Жди меня здесь и никуда не уходи! Наши проблемы постарайся ни с кем не обсуждать: помни, мы в стане врага! — Последние слова Елизавета произнесла загробным голосом.

«О боже, — вздохнула Алиса. — Жил себе человек спокойно, никого не трогал, так нет же — почему-то, Господи, Тебе вздумалось устроить вокруг меня этакое «бесовское обстояние!»»

— Сергей Кириллыч, можно вас на несколько минут? — донесся до Алисы еле слышимый голосок Елизаветы.

* * *

Алиса спокойно сидела в своем углу, курила и размышляла о том, как выпутаться.

«Для начала не мешало бы выяснить, куда я умудрилась впутаться», — тоскливо подумала она. Пока Алиса занималась тем, что успешно пожинала «плоды». Ей было трудно определить «первопричину». Алиса и раньше не отличалась аналитическим мышлением, а теперь возраст и постоянное напряжение мозговых извилин начинали сказываться на ее способностях!

Может быть, ворваться к боссярам и сообщить им, что никаких интервью Алиса не давала? Не то чтобы ей не хотелось, а просто так получилось, что Алисой никто особенно не интересовался...

И как, черт побери, им удалось впутать в сети невинного дедулю? Может быть, он продался за свою икону?

В это Алиса поверить не могла — посчитала мысль совсем некачественной и, более того, глупой.

Сидеть на одном месте, пока Елизавета любезничает с Паршивцевым, Алисе надоело. Поэтому она нарушила данное Елизавете обещание и отправилась погулять по коридору.

Тем более что у Алисы кончились сигареты, и надо было пройти до ближайшего киоска. Выйдя на свежий воздух, она с наслаждением остановилась, подышала — после прокуренной атмосферы он казался особенно приятным.

Возвращаться Алисе не хотелось. Поэтому, купив сигареты, она рассудила, что Елизавета еще плетет «коварные сети», а она только мешается под ногами. Она прошлась по скверу и нашла свободную лавочку.

В сквере было немногочисленно, только полусонная мамаша качала коляску да какая-то седовласая леди выгуливала мопса на длинном поводке.

Алиса от их общества получала истинное наслаждение. Их беззаботный вид действовал как бальзам на ее измученную душу. «Вот как надо жить, — думала она. — Никто за ними не бежит, в окна им не смотрят ужасные рожи, и еще Бог не покарал их подружкой-писательницей, специализирующейся на триллерах».

От этих мыслей Алисе снова стало грустно — поскольку ни одна из мыслей не подходила к ее жизни.

Алиса встала, направилась обратно в издательство и вдруг остановилась.

— Черт, — пробормотала она, всматриваясь в очень знакомые силуэты.

Возле сигаретного киоска стояли Сара и Игорь!

Они были так увлечены друг другом, что Алиса могла не опасаться: ее они замечать не собирались. Говорила Сара. Он слушал. Склонив голову и глядя на нее с откровенным восхищением.

Коварство этого типа не знает границ. Вот он, стоит. Внемлет «псевдоиностранке». «Стоп, Алиса, а тебе не кажется, что это-то и подозрительно?»

— В принципе он и в самом деле был подозрительный тип, — согласилась Алиса со своим внутренним голосом, отчего бедняга чуть не поперхнулся, удивленно замолчал. Ну, так и Алиса тоже в некотором роде была потрясена. Потому что теперь у нее получилась очень интересная логическая цепочка. Выходило, что злоумышленник-то как раз и есть этот тип. «И нечего пытаться пленить меня своей улыбкой, тем более что адресована она все равно не мне!»

Пора было переходить к решительным действиям. Алиса находилась слишком далеко для того, чтобы услышать, о чем беседует эта сладкая парочка.

Алиса отчаянно рисковала, но делать было нечего. Игорь и Сара двинулись вдоль по улице, а она по-прежнему оставалась в неведении. Она подумала — и двинулась вслед за ними, пытаясь держать дистанцию в несколько шагов.

* * *

Сначала Алиса чувствовала себя полной кретинкой, потом начала ощущать себя героиней детектива, и ситуация начала ее забавлять. Конечно, если бы «злодейская пара» не была так увлечена друг другом, Алиса была бы быстро обнаружена. Поскольку никаких навыков слежения у нее не было, она делала это настолько кустарно и смешно, что Алисой заинтересовались сначала парочка подростков, которые чуть не выдали ее оглушительным хохотом, потом пожилая леди, правда, она оказалась менее вредной — только презрительно фыркнула, решив, что Алиса поймала с поличным неверного супруга.

Неверный супруг Алисой совершенно не интересовался.

Сара и Игорь остановились недалеко от остановки, явно кого-то поджидая. Наконец-то Алиса имела полную возможность удовлетворить свое любопытство.

Автобуса давно не было, поэтому на остановке было много народа. Первый раз в жизни Алиса искренне радовалась тому, что транспорт иногда удаляется на «забастовочные обеды»! Слившись с толпой, она выбрала чудесное местечко для прослушивания — рядом с афишной тумбой, заодно ознакомившись с репертуаром оперного театра, местной дискотеки и заезжих гастролеров.

Единственным минусом было то, что говорили они очень тихо, поэтому Алиса оставалась в полном неведении относительно их коварных планов.

Она решила рискнуть и подошла ближе. «Да чем же я рискую, — подумала Алиса. — Даже если они меня увидят, ничего не случится! Не станут же они стрелять при таком количестве народа?»

Наконец Алисино терпение было вознаграждено.

— Алиса...

Она вздрогнула. Ее имя было произнесено так громко, что она подумала, что ее застукали.

Подняв глаза, она с облегчением вздохнула. Нет, никто ее не заметил. Просто теперь предмет беседы начал волновать Игоря. Он повысил голос, и Сара вынуждена была попросить его говорить тише.

— Она может догадаться, — не сдавался Игорь. — Может быть, лучше...

— Тише, — снова сказала Сара, оглядываясь.

Алиса отпрянула. Какое-то мгновение Сара смотрела прямо на Алису — ей даже показалось, что это все, конец, — она видит, как Алиса прячется за афишной тумбой...

— Ей нельзя ничего знать, — сказала она, поворачиваясь к Игорю. — Иначе мы проиграем. Сам посмотри — все наши с тобой усилия пока ни к чему не привели... В конце концов, где гарантии, что она — не та самая «золотая рыбка», которую мы должны отыскать?

Дальше слушать было не обязательно.

«Да, — горько усмехнулась Алиса. — Ваши усилия пока ни к чему не привели, это правда. Я пока жива и здорова... Чем же, черт побери, я вам так помешала?»

Наверное, Алиса выскочила бы и спросила: «Почему, почему вы хотите моей смерти?»

Но ее ожидало новое потрясение.

— Ну вот и он, — выдохнула Сара и взмахнула рукой.

Они перешли через дорогу, а Алиса не могла двинуться с места. Потому что на другой стороне улицы в развевающемся черном пальто стоял ее родной дедуля.

* * *

Вернулась Алиса в курилку в полном нокауте.

Елизавета бросилась навстречу.

— Где ты была? Я чуть с ума не сошла! — Она оглянулась и вытащила подругу на улицу. — Пойдем быстрее, у нас мало времени, — сказала она — Нам надо еще кассету прослушать до Ньюшиного прихода...

— Подожди, — остановила ее Алиса. — Ты хочешь сказать, что твой безумный замысел

удался? Ты смогла записать все на кассету?

— Если бы ты, Павлицева, была не такой конформисткой, — заявила, скромно потупившись, гениальная подруга, — ты бы знала, что обычно на успех обречены именно безумные замыслы! Да, я записала все их секреты... Когда-нибудь в старости я расскажу тебе, чего мне это стоило!

— Надеюсь, не чести, — пробормотала Алиса, заводя «берни». — Я не смогу этого перенести!

Даже наличие кассеты с записью «секретных бесед» наших толстопузов сейчас ее не обрадовало. Перед глазами по-прежнему стоял дедуля, пожимающий руку возможному убийце любимой внучки. И целующий руку ужасной интриганке, выдававшей себя за Сару Мидленд.

До чего же все мерзко складывается!

— Странная ты, Павлицева! — удивленно посмотрела на подругу Елизавета. — Тебя что, абсолютно не интересует, что на этой кассете?

Вопрос Елизаветы почти не достиг цели — Алиса по-прежнему находилась в плену отчаяния.

— Можно подумать, что в твоей жизни есть что-то более интересное, чем злобные интриги твоего драгоценного начальства... — фыркнула Елизавета.

— Как посмотреть, — довольно равнодушно отозвалась Алиса. — Мир, Елизавета, устроен удивительно глупо... Куда ни кинешь взгляд — одно сплошное недоразумение! Например, вон та особа в «вольво» — обрати внимание. Вид у нее глуповатый и довольно вульгарный, и тем не менее именно она относится к высшему обществу, а не мы с тобой... Поэтому на обложки наших книг лепят физиономии дам, отвечающие именно ее требованиям.

— Дедуля бы расстроился, услышав такие речи, — усмехнулась Елизавета. — Разве ты подвергаешь сомнению правильность Божьего миростроения?

— Да я как-то не уверена, что это Его замыслы претворяются в жизнь, — ответила Алиса. — Почему-то все чаще у меня возникает твердая уверенность, что мы партизанам в аду, где все фишки распределяются дьяволом!

Беседа была закончена, едва начавшись. Они приехали.

— Знаешь, Алиска, не обижайся, — фыркнула Елизавета, вылезая из машины, — но мне отчего-то кажется, что мы с тобой представляем интерес исключительно для «бесов местного масштаба»! Крупного дядю Сатану мы не интересуем! Уж скорее он примется искушать дедулю, чем нас с тобой! Кому нужны две полуязычницы, так и не соблаговолившие приблизиться к Богу?

«Де-ду-ля, — вздохнула Алиса. — Ах, Елизавета, знала бы ты, насколько сейчас ты приблизилась к истине! Может быть, все крутится именно вокруг моего бедного деда!»

— Когда ты перестаешь вздыхать, словно утомленная Жизель, то становишься злобной, как горгона Медуза! — торжественно продекларировала Лиза.

— И почему я всю дорогу на кого-то похожа? — не выдержала Алиса. — Может быть, сойдемся на моей личной привлекательности?

— А она у тебя есть? — усмехнулась Елизавета. — К тому же ты писатель. Ты не живешь в реальности... По-хорошему ты и есть несравненная Элайза, если разобраться.

— А я ее писала с тебя, — отомстила Алиса. — Твой немеркнущий образ стоял у меня перед глазами.

— Спасибо, — неожиданно обрадовалась Елизавета. — Я всегда знала, что ты настоящий друг! Хочешь, тоже скажу тебе маленькую тайну?

— Ты все равно ее выплеснешь на меня, как ушат холодной воды, — пожала плечами Алиса.

— Я писала с тебя Таню, — обрадовала Лиза подружку.

Елизавета терпеть не могла Элайзу, а у Алисы начинались желудочные колики от походов неувядающей Тани, которую, по ее подсчетам, должны были пристрелить уже на первых страницах, так глупо она действовала.

Алиса поставила чайник, а Елизавета бросилась к магнитофону. Перетащив его на кухню, она налила кофе и включила запись.

— Йес! — выдохнула она, когда после продолжительного шипения прорвались тихие голоса. — Ну, Павлицева, держись! Сейчас мы наконец-то узнаем душераздирающие подробности «жизни насекомых»!

* * *

Сначала «насекомые» говорили на своем «насекомом» языке. «Приходы-расходы», перечисление каких-то московских издательств, которые по-разному платят. Эта информация скорее помогла бы «рисковым» ребятам, которые решили бы работать напрямую. Но очень скоро Алиса заинтересовалась. Суммы там названы приличные.

— Думаю, нам выгоднее УПС, — сказал Паршивцев. — Там платят по восемнадцать...

Алисе платили только две с небольшим. Прикинув в уме, сколько она только что потеряла, Алиса загрустила.

— Но они хотят Сару Мидленд, — раздался голос Мерзавцева. — Две книги в месяц. Учитывая, что Павлицева у нас денег не получает уже вторую неделю...

— Я выдала ей аванс, — напомнила Надежда Ивановна. — Хотя я лично категорически против авансирования... Вы же должны понимать, Александр Валерианович! Эти писатели и так сидят у нас на шее...

— Надя, давайте все-таки продумаем ситуацию с Павлицевой. УПС согласен в нагрузку к Саре взять еще пару непокупаемых авторов. Так что выходит неплохая прибыль... Давайте все-таки подумаем, что мы можем сделать с Павлицевой. Поскольку ее стиль никто подделать не может — надо все-таки надбавить ей гонорар. И попытаться убедить ее в необходимости писать Сару дальше.

— Ну, знаешь... Это ты не подумал, — раздался голос Паршивцева. Судя по звукам, он находился рядом с магнитофоном и наливал себе кофе.

— Почему?

— А ты, Саня, вообще последнее время плохо думаешь. Зачем тебе было обнаруживать Павлицевой Сару Мидленд? Ты вообще много болтаешь... Представь себе, недавно ко мне ворвалась с извинениями Ольга. Кто ей поведал про мою жену?

— А как я мог ее успокоить? — удивился Мерзавцев.

— Как-нибудь, не открывая тайн. Зачем им знать правду? Вы хотите, чтобы мы получали десять процентов от их гонорара? Тебе сказать, сколько это получится, Сашенька?

Он отошел, звук снова стал тише.

Впрочем, остальная информация была уже не так занимательна.

— Вот тебе, Павлищева, и Элайзин день, — растерянно проговорила Елизавета. — Знала я, конечно, что они вурдалаки, но до такой степени! Почему я должна пахать, как негр на плантации, на вот эту хрюшку? — свирепо сдвинула брови Елизавета. — Нет уж, ребята! Получите вы от меня большой подарок! И очень скоро получите...

— Подожди, Лиза, — взмолилась Алиса. — Может быть, нам лучше перестать изображать из себя Таню-детектива?

— А что ты еще можешь предложить? Я не хочу, чтобы эти типы считали меня лохушкой, которую сам Бог велел накалывать! Ты что, не поняла ничего? Это ведь на наши с тобой «баснословные гонорары» Сашенька прожить не сможет! Потому что привык жить на широкую ногу! А эта профурсетка! Тоже мне — писатели, оказывается, расселись на ее хрупкой шее! Ты помнишь, какая она была три года назад?

— Люди портятся, — пожалала Алиса плечами.

— Что-то она быстро испортилась, — саркастически рассмеялась Елизавета. — Какой-то протухлый огурец прислали из благословенной Ершовки... В конце концов она неплохо пристроится в жизни за твой счет, да еще будет уверена, что облагодетельствовала тебя! Нет, Павлищева, я этого им так не оставлю!

— Я и не предлагаю тебе оставлять, — заметила Алиса. — Просто надо эту кассету отдать Андрею Михайловичу. Это же прямая улика!

— Кому отдать? — переспросила Елизавета. — Тюленю ушастому? Да они откупятся от него из наших с тобой денежек, а потом на наши же денежки наймут киллеров, и — все... «Долго над полем бантик летал!»

— Вряд ли, — возразила Алиса без особенной уверенности. — Мы с тобой им пока нужны. Вот перестанем приносить прибыль...

— Спасибо, Павлищева! Успокоила! Значит, когда я им перестану приносить прибыль, меня запросто сотрут с лица земли, да? Если ты считаешь это нормальным, твое дело!

— Да ничего я такого не считаю! — вздохнула Алиса. — Просто предлагаю тебе отдать этот вещдок в руки следователя!

— Я сама еще в состоянии с этой бандой разобраться, — буркнула Елизавета. — Сами обучили меня детективному делу. Вот пусть теперь пожинают плоды своих титанических усилий!

* * *

На душе было так же серо и пасмурно, как на улице. Словно сумерки сгущались у Алисы внутри, а не за окном. Елизавета немного успокоилась, но еще хранила на лице остатки праведного гнева. Она все время посматривала на часы и снова уходила в себя. Дедуля не спешил появиться, хотя Алисе больше всего хотелось сейчас остаться с ним наедине и вытянуть всю правду, какой бы горькой она ни была! В конце концов, если он запутался благодаря ей в сетях мафии, можно попытаться найти выход! Честно говоря, Алиса бы предпочла погибнуть от бандитской пули, только бы дедулина душа осталась не тронута грехом! Он был человеком необыкновенно чистым, доверчивым и требовательным к себе. Таких сейчас все меньше и меньше...

— Если бы не пошли мы в эту шарашкину контору, все было бы хорошо, — вздохнула Алиса. — Черт нас туда занес! Деньгами приманил, между прочим...

— Да брось ты самоуничижаться, Павлищева! — вздохнула Елизавета. — Какие это деньги? Хотя в чем-то ты права — занесла нас туда нелегкая действительно... Сколько там натикало?

Алиса посмотрела на часы:

— Половина пятого...

— Черт побери, где же она? — возмутилась Елизавета. — Может быть, заблудилась в твоих пампасах?

Алиса поняла, что лучше выйти на свежий воздух, подождать там Ньюшу, если она не хочет, чтобы Елизавета свела ее с ума.

— Пойду поищу ее, — сказала Алиса, натягивая куртку. — Может быть, она и в самом деле заблудилась...

В последнее верилось с трудом: Ньюша, как и Елизавета, раньше бывала у Алисы дома часто.

Она вышла во двор.

«Хорошо бандитам, — искренне позавидовала Алиса. — Настроили себе особняков и живут ничего не опасаясь! А тут — ни тебе особняка, ни покоя! Одни проблемы и приключения! Жалко, что я по натуре такая трусиха...»

Алиса потеряла дар речи, застыв на месте с открытым ртом, — так сильно потрясло ее то, что она увидела.

— Совершенно непонятно, что она может тут делать, — прошептала Алиса, всматриваясь в фигурку, только что вылетевшую из грандиозной машины, расположившейся рядом с Лехиным «уродом».

Этот величественный дом местные аборигены гордо называли «донджоном», принадлежал он самой мерзкой личности в здешнем околотке. Звали эту личность Маркин, от остальных обитателей он отличался особенным выражением лица: если у остальных лица были более-менее симпатичными, маркинская физиономия казалась идеально подходящей к стенду «их разыскивает милиция». Девушка, спешно покидающая маркинскую крепость, была Алисе хорошо знакома.

«Алиса, прекрати, это домыслы, — строго сказал внутренний голос. — В конце концов, ты можешь ошибаться! Здесь далеко, а все девушки этого типа похожи друг на друга, как клопы. И дубленки носят одинаковые... Так что тебе просто показалось!»

— Может быть, — согласилась Алиса. — Хотя такое сходство с нашей Надеждой Ивановной...

Она не выдержала и пошла по дорожке к маркинскому дому. Девичья фигурка стремительно удалялась. Настолько стремительно, что ворота в «камелот» остались открытыми. В их скрипе Алисе почудились зловещие нотки.

Конечно, самым разумным было бы вернуться, но она никогда не могла справиться с любопытством! Вот и теперь, заметив открытую дверь, Алиса шагнула во двор, даже не придумав причины своего визита к Маркину.

«Может быть, мне срочно понадобились спички, — пробормотала Алиса. — Или соль...»

Поднявшись по ступенькам, она в очередной раз подивилась странному, готическому вкусу Маркина. Толкнула дверь, уже приготовившись попросить у хозяина спички и заодно узнать, не Надежда ли наша Ивановна только что выпорхнула из его храмины? И замерла на пороге комнаты, уставившись на поверженного гиганта.

Не надо было обладать особенными познаниями в патологоанатомии, чтобы догадаться — все ее вопросы останутся без ответа. Маркин лежал с тем отстраненным и безмятежным выражением лица, которое, увы, не оставляет никаких сомнений. Неподалеку валялась красивая бутылочка из-под фирменной водки, вот только на стенках ее остались зеленоватые разводы и резкий запах полыни...

— Если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», — пробормотала Алиса, чтобы справиться с приступом дурноты, — рано или поздно почувствуешь не-до-мо-га-ние...

Маркин был мертв.

— Игра, кажется, пошла веселее, — заметила она, чтобы как-то поддержать разговор.

— Я совершенно с тобой согласна, — сказала Герцогиня. — А мораль отсюда такова: «Любовь, любовь, ты правишь миром...»

— А мне кажется, кто-то говорил, будто самое главное — не соваться в чужие дела, — шепнула Алиса.

— Так это одно и то же, — промолвила Герцогиня, вонзая подбородок в Алисино плечо. — А мораль отсюда такова: думай о смысле, а слова придут сами.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Лейтенант, приехавший по вызову, при виде Алисы перекосячился.

Признаться, ей новая встреча тоже доставила мало радости, но она отличалась лучшим воспитанием и виду не показала.

— Добрый вечер, — сказала Алиса, по ее приветствие осталось без ответа.

Лейтенант сцепил зубы и пробормотал:

— Опять она...

После этого он посмотрел на Алису с таким благоговейным ужасом, что она забеспокоилась о его душевном здоровье. «По-моему, так смотрят на внезапно появившуюся в тени глухих зарослей Баньши», — подумала Алиса.

Лейтенант старательно игнорировал ее присутствие, увлеченно ползая с криминалистом вокруг так неожиданно почившего в бозе Маркина в поисках улики и отпечатков.

Алиса с удивлением поняла, что успела привыкнуть к потрясениям и стала относиться к ним спокойно и даже немного наплевательски.

«Это вообще происходит не со мной, — устало подумала она, наблюдая за действиями оперативников. — У меня в голове сдвинулась программа, Элайза превратилась в Таню, но пока еще не может до конца соединиться с ней. Вот и происходят странные, загадочные вещи. Мозг этого, как ни старается, понять не может. А раз он этого не может, не стоит его насиловать без толку. Итак, мой бедный мозг все вокруг насилуют...»

Теперь мозг принял очертания несчастной, грустной Элайзы, которая однажды простилась с девственностью и чистотой, только теперь сэр Роберт стал трехглавым — и пухлые щеки трех толстяков нелепо смотрелись в сочетании с его высоким, стройным и мускулистым телом.

Оперативники тихо переговаривались между собой, язык их деловой беседы ничем не отличался от стилистики «русской Хмелевской», поэтому Алиса украдкой вздохнула — и в самом деле, эта дама лучше знает жизнь, чем Алиса. Поэтому у нее есть все — имя, полноценные гонорары и статус в обществе. «Так вот почему Господь посылает мне эти испытания?» — обрадовалась Алиса. Чтобы она тоже столкнулась с жизнью лицом к лицу, вынесла из этих уроков все максимально полезное для обретения гонораров, статуса и

собственного имени!

Эта мысль заставила ее повнимательнее прислушаться к речам окружающих ее в «новорусском пространстве».

Из разговора оперативников она поняла совсем немного: Маркин был весьма нетрезв, и, судя по всему, источником омерзительного запаха был именно абсент. Убит же он был ударом тупого предмета в височную область, из чего плавно вытекало, что здесь имела место драка.

При этих словах ушастый тюлень бросил на Алису такой взгляд, что она сразу почувствовала себя виноватой во всех преступлениях и постаралась задобрить его робкой улыбкой.

Улыбка вышла неудачной, жалобной... Лейтенант тяжело вздохнул и тихо пробормотал: — Ох грехи наши тяжкие...

Судя по его последнему замечанию, он уже нисколько не сомневался в Алисиной руководящей и направляющей роли. Ощувив себя «крестной матерью мафии», Алиса отчего-то не испугалась и не возгордилась, а попыталась хотя бы для себя отмежеваться от всех «тяжких грехов». Решающим аргументом в ее пользу был тот несомненный факт, что по натуре Алиса была человеком робким и никак не могла решиться на убийства сразу двух гоблинов. Конечно, оба они были ей неприятны, по никакого желания пожертвовать собственной свободой, избавив человечество от этих невоспитанных личностей, у Алисы не было. Надо сказать, о человечестве она вообще последнее время предпочитала не размышлять и даже не знала, любит ли она его так же, как в далекой юности.

— Алиса Игоревна, — прервал внутренний монолог, доказывающий ее невиновность, лейтенант. — Нам надо с вами поговорить наедине...

— Хорошо, — охотно согласилась с его предложением Алиса. — Давайте уединимся! Если вы меня не боитесь.

Он хмыкнул и оглянулся на своего помощника. Тот покачал головой. «Наверное, предупреждает его об опасности», — подумала она грустно.

Как же им относиться к женщине, уже два раза засветившейся в обществе мертвых гоблинов? У нормального, трезвомыслящего человека сразу появится справедливое подозрение, что эта женщина встречается им не случайно! Или она, простите, организатор этих убийств, или она и есть убийца.

Бросив взгляд в огромное зеркало, Алиса подумала с облегчением, что на убийцу она не очень-то похожа. Решимости в ее облике никогда не хватало, а теперь бедняжка вообще напоминала запуганного мышонка. «Скорее уж я похожа на потенциальную жертву маньяка, чем на злодейку, каждый день убивающую по гоблину!» — с горечью призналась она.

Но стоило ей оказаться наедине с лейтенантом, «спасительные мысли» рассыпались в прах, и Алиса подумала, что лейтенанту доказать свою невиновность она сможет только с помощью алиби. Судя по его взгляду, на него Алиса производила впечатление хитрой и коварной преступницы.

Поэтому, когда они нашли комнату, оказавшуюся будуаром жены убитого, Алиса уселась на кокетливый пуфик перед трельяжем и объявила:

— У меня алиби...

— Я не про это, — грустно отмахнулся лейтенант.

Он достал из кармана пачку «Примы» и посмотрел на нее:

— Курите?

Алиса терпеть не могла «Приму», но перечить милиции в таком двусмысленном положении посчитала глупым. Поэтому сигарету взяла и закурила, вспоминая юношеские годы. Главное, эту чертову «примину» не слюнявить. Тогда не так противно.

— А у вас спички нет? — припомнила она полезные знания, почерпнутые в юношеские годы.

Он опасливо посмотрел на нее и пробормотал:

— Так ведь вы уже прикурили.

— Нет, — помотала она головой. — Мне нужен кусочек спички...

Он протянул ей коробок. Она оторвала кусочек и вставила его в сигарету.

— Вот так будет лучше, — робко улыбнулась она.

Он улыбнулся ей в ответ, и Алиса поняла, что между ними теперь отчего-то возникло взаимопонимание. Так иногда бывает — маленькая, незначительная глупость оказывается полезной. Или это — всего лишь очередная иллюзия?

— Что же это, Алиса Игоревна, вокруг вас происходит? — задумчиво спросил лейтенант.

— Я и сама хотела бы понять, — призналась Алиса. — Если бы вы знали, как мне все это надоело! За последние два дня я получила столько адреналина, что хватит на всю последующую жизнь!

— Ах, так вы решили завестись адреналином, — меланхолично кивнул ушастый лейтенант. — Могли бы избрать другой путь...

Алиса уставилась на него с ужасом. Сердце рухнуло в пятки, внутренний голос удовлетворенно произнес: «Все, Павлицева. Допрыгалась. Теперь тебя посадят».

Доверительность пропала. Растаяла в дыме сигарет, махнув приветливо и грустно ладошкой на прощание.

— То есть вы что, думаете, будто этих гоблинов пришила я? — хрипло спросила Алиса, выдыхая густой вонючий дым, и закашлялась...

Он многозначительно молчал.

— Ну? — плохо скрывая негодование, спросила Алиса. — Что вы молчите? Продолжайте... Сначала я пристрелила того типа, который загородил мне проезд, а потом приступила к Маркину, так? Перед этим я таинственным образом побывала здесь именно в то время, когда вы были у меня по моему же вызову, и, доведенная до крайней степени бешенства маркинским голым животом, шарахнула его по голове тяжелым предметом... Так?

— Алиса Игоревна...

— Я уже почти тридцать лет ношу это имя, — холодно отрезала Алиса. — И надо сказать, обвинения в душегубстве поступили впервые за такой долгий срок! Конечно, от наглости и хамства кто угодно озверевает, но я чисто физически не могу справиться с вашими гоблинами! Поймите вы, наконец!

Она была близка к отчаянию. Печальная участь казалась ей неминуемой. Чтобы не было висяка, добренькие менты наверняка повесят оба убийства на бессловесную Алису Павлицеву! Но — не на ту напали, господа!

Вскочив с пуфика, Алиса нечаянно задела рукавом какой-то флакон с ядовито-зеленой жидкостью, и теперь она разливалась по туалетному столику, источая сильный, тошнотворно-сладкий запах.

— Что за гадость? — поморщилась Алиса.

— Подождите-ка...

Лейтенант подошел к ней и, мазнув пальцем мерзкую жидкость, поднес к носу. Вид у него при этом был исполнен глубокомыслия. Алиса даже перестала дышать, заинтригованная происходящим.

Действия и слова лейтенанта казались ей странными и чрезвычайно загадочными.

— Гоблины эти не мои, — пояснил он. — И вас я ни в чем не обвиняю... Просто не могу понять — ваше появление рядом с этими трупами случайность или закономерность? И если это закономерность, то как скромная переводчица может быть связана с этими подонками?

Алиса смотрела, как тщательно лейтенант смывает с пальца ароматическую жидкость. Ей казалось, что это обычные духи, но вид у лейтенанта был зловещий. Яд? Цианид или кураре? Она поднапряглась и вспомнила, что абсент тоже темно-зеленый, может быть, это абсент так пахнет?

— Так что вы на это можете сказать?

— Мне казалось, что абсент пахнет полынью, — пожала плечами Алиса.

— При чем тут абсент? — В его голосе прозвучали громовые раскаты.

— Простите, вы же про этот флакон, — робко ответила Алиса.

— Алиса Игоревна, — тяжело вздохнул ушастый тюлень. — Давайте не будем больше изображать двух идиотов... Я спросил вас, какое отношение вы имеете к Евгению Маркину и Анатолию Северцеву?

— Никакого, — развела Алиса руками. — Маркина я немного знаю, а второй мне неизвестен... Это кто?

— Тот, чей «мерседес» вы якобы случайно задели вчера. — Голос лейтенанта звучал теперь устало и обреченно, словно общение с Алисой причиняло ему немислимые страдания.

— Ах, вот его как звали, — протянула Алиса. — А то ведь знаете как бывает, гражданин начальник: убьешь человека, а имени спросить не удосужишься! Надеюсь, я не оставила сиротками десяток ребятишек? Знаете, — доверительно наклонилась она к лейтенанту. — Это было мое первое убийство! Как вы думаете, меня теперь возьмут в киллеры? А то гонорары переводчика оставляют желать лучшего... Приходится осваивать смежную профессию, иначе никогда мне не побывать в Майами. Кстати, вы нашли мотивы моих зверских преступлений?

— Зря вы так, гражданка Павлицева, — вздохнул лейтенант. Взгляд его стал еще печальнее.

— Так вот, насколько я знаю, для любого преступления необходим мотив. Нет мотива — нечего совершать преступление. Я правильно все понимаю?

— Иногда преступления бывают абсурдными, — решил обучить Алису азам криминалистики следователь.

— Знаете, это уже ни в какие ворота не лезет! — возмутилась Алиса. — Я еще и абсурдные преступления совершаю! Нет уж, давайте искать мотив! На абсурдные я не согласна — не хочу быть маньячкой! С Маркиным я вам мотив найду — меня ужасно раздражало, что он всегда, в любую погоду, ходит с голым пузом и как-то странно на меня смотрит... Поганенький у него взгляд был, гражданин начальник, и живот крайне неприятного вида! Так вот, все обдумав, я пришла к выводу, что он заслуживает удара в висок. Тогда мне подвернулся этот ваш... как его то бишь? Анатолий... Сначала я

пристрелила его, а потом приступила к осуществлению основной части.

— Вы еще долго будете говорить глупости? — поморщился он. — Алиса Игоревна, вроде бы вы женщина взрослая, а ведете себя как подросток...

— Я просто пытаюсь найти мотивы для моих преступлений, — обиделась Алиса. — Есть еще хороший мотив... Я в вас влюбилась.

— Вы все свои глупости сказали? — покраснев, одернул ее следователь.

— Нет, — разочаровала его Алиса. — Глупости я могу говорить часами.

— Придется перенести это на другое время. Сейчас у меня его мало. Расскажите, как все происходило. С самого начала...

— Я увидела, что у Маркина открыта дверь, и вошла внутрь, чтобы узнать почему. Знаете, тут не принято оставлять ворота нараспашку... Поэтому я подумала, что здесь что-то случилось... — снова начала Алиса.

— А почему вы пошли к Маркину?

Говорить про Надежду Ивановну ей пока не хотелось. Поэтому она решила соврать.

— За солью, — сказала Алиса, мучительно краснея.

— И спичками, — устало выдохнул несчастный сыщик. — Алиса Игоревна, не считайте меня за идиота. Я понимаю, что у творческой интеллигенции собственный взгляд на ментов, но, честное слово, мой идиотизм довольно ограничен. Зачем вы пришли к Маркину? Насколько я понял, вас никогда не связывали дружеские узы.

— Почему вы так думаете? — удивилась она. — Мы вместе учились в школе...

— Алиса Игоревна, мы очень много знаем про Маркина. Так что не валяйте дурака. Вы не могли учиться вместе с ним в школе... Маркин, к вашему сведению, приехал в Саратов недавно. Всего пять лет назад. А до этого спокойно проживал в поселке Ершовка...

— Где?! — вырвалось у Алисы.

Ох как вовремя она прикусила язык!

Андрей Михайлович смотрел на нее так внимательно, что Алиса стала всерьез опасаться, нет ли у него телепатических способностей.

— В Ершовке, — повторил он, не сводя с нее взгляда. — Только не надо мне говорить, что детство свое вы провели именно там. Может быть, вы все-таки сообразовали рассказать мне, почему вам вдруг приспичило пойти к господину Маркину?

«Что ты делаешь, Павлицева? — орал внутренний голос. — Остановись! Тебя же арестуют по подозрению в убийстве какого-то вульгарного бандита!»

— Ладно, — усталым голосом сказал Андрей Михайлович. — Правда, я должен напомнить, что ваше странное нежелание говорить наводит на размышления... Не являетесь ли вы соучастницей этих преступлений?

На этом беседа, к обоюдному счастью, закончилась.

— Алиса Игоревна, — проговорил усталым голосом лейтенант. — Надеюсь, это была наша последняя встреча?

— Я и сама на это надеюсь, — ответила Алиса такой же бестактностью.

Она быстро пробежала по коридору — только бы не видеть убитого Маркина! Покойный и при жизни не блистал красотой и обаянием, а уж теперь лучше было на него не смотреть...

И все-таки...

Она оглянулась на комнату, теперь пустую, — Маркина уже увезли, оставив на его месте корявый, нарисованный мелком абрис, отчего-то напоминающий портрет Кисы

Воробьянинова.

В самом деле, почему Алиса стала предвестницей смерти несчастных бандитов? Ей по-прежнему казалось, что это просто трагические случайности, но внутренний голос думал иначе.

— Да ладно голос, — тоскливо пробормотала Алиса. — Похоже, теперь и этот Андрей Михайлович думает так же... Теперь за мной наверняка будет установлена слежка, и я испытаю, как это — быть под подозрением...

С голосом еще можно было разобраться, а вот с длинным следователем...

Алиса вздохнула. У нее был единственный способ очистить себя в глазах окружающих. Самой разобраться в происходящем.

— Да, именно так, — подтвердила Алиса. — Самой... Не спору, это очень трудно, потому что надо обладать логикой, а у меня с логикой всегда было плохо...

— Что — самой? — услышала Алиса за спиной испуганный голос следователя.

— Ничего, — ответила она, обернувшись.

— Нет, Алиса Игоревна, вы явно сказали, что хотите во всем разобраться сама...

— Я просто собиралась сама... разобраться с переводом «Старшей Эдды», — ляпнула она первое, что пришло в голову.

— Вот этим и займитесь, пожалуйста, — попросил лейтенант. — А от гоблинов отстаньте. Пойдемте, я вас провожу!

Они дошли почти до сада, но Андрей Михайлович не спешил уходить.

— Я провожу вас до дома, Алиса, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

В Лехином доме горел свет. «Вот кто мог бы мне помочь», — подумала Алиса. Но, поразмыслив, решила, что рисковать не стоит. Вдруг Леха тоже упадет замертво, стоит ей появиться рядом с ним! Лучше отправить к нему Елизавету — она-то в роли бандитской Баньши еще не засветилась!

— До свидания, Алиса, — проговорил Андрей Михайлович. — Пожалуйста, больше не оказывайтесь на месте преступления. В следующий раз вам может не повезти.

— Ага, — кивнула Алиса. — В следующий раз уже не будет никаких сомнений, что тут не обходится без моего участия.

Он хмыкнул.

— Вообще-то я не это имел в виду, — сказал он. — Просто пуля может быть иногда полной дурой, Алиса... Очень часто она путает адресата с невинной овечкой. Кстати, ваша подруга нашлась?

— Пока не знаю, — проговорила Алиса очень тихо и неуверенно, раздумывая, надо ли обижаться на сравнение с овечкой и как ей ответить на вопрос о Саре. — Надеюсь, что она все-таки найдется, иначе мне завтра не жить... Меня ждут крупные неприятности...

— Да куда уж крупнее сегодняшних! — недоумевающе хмыкнул сыщик.

— Вы еще не самая крутая неприятность, — заметила Алиса. — Мерзавцев куда крупнее...

— Звоните, если что, — сказал Андрей Михайлович и осекся. — Хотя... лучше не надо...

— Конечно, — согласилась Алиса. — Все равно от моих звонков вам одни беды и несчастья... Прощайте! Надеюсь, больше мы никогда не увидимся! — С этими словами Алиса помахала ему рукой и быстро пошла к родному крыльцу, на котором уже стояла Елизавета.

— Где ты была? — прошипела подруга. — Мы с дедулей чуть с ума от страха не посходили!

— Я была у Маркина, — объяснила Алиса. — Но мне не удалось застать его живым...

— Что? — выдохнула Елизавета.

— Вот так, — развела Алиса руками. — Его убили... Ладно, лучше скажи, Ньюша не появилась?

— Нет, — покачала Елизавета головой. — Может быть, она потеряла память и теперь таскается по городу, пытаюсь понять, куда забрела? Остается надеяться на то, что мы сами подъедем к ней утром. Утро-то вечера мудренее...

* * *

Дедуля поставил чайник, играла музыка, все события померкли. Сейчас Алисе казалось, что все происходит не с ней, — не было ни убитого Маркина, ни Анатолия, ни Сары, все просто почудилось...

— Все я могу понять, — сказала Елизавета. — Только одно в моей голове никак не укладывается. Какого черта ты потащила к Маркину?

— Мне показалось, что я видела Надежду Ивановну, — сказала Алиса. — Кстати, Маркин пять лет назад приехал из поселка Ершовка. То есть у них одна и та же историческая родина, понимаешь?

— Ничего себе, — присвистнула Елизавета. — И ты ничего не сказала тюленю?

— Нет, — развела Алиса руками. — Так что надо теперь самим во всем разбираться...

— Надо, — согласилась Елизавета. — Пока тебя не посадили за убийства бандитов... Или не убили, как единственную свидетельницу...

Вот тут Алиса застыла, как изваяние.

— Подожди, Березкина, — попросила она. — Тебе не кажется, что именно в этом и заключается подсказка?

— Сказка целая там заключается! — проворчала Елизавета.

— Дай подумать, — взмолилась Алиса. — У меня и так с логикой плохо, а ты меня отвлекаешь!

— Алиса, — явился на пороге дедуля, — почему бы тебе просто не рассказать все этому смешному следователю?

— Дед, — тихо сказала Алиса, — у меня сейчас мысль исчезнет!

— Не мешай, дедуля, — сказала Елизавета. — Чапаев думает... Так как это с нашей мамзелькой случается не часто, давай не будем ей мешать! А то она нас с тобой начнет подозревать. Вдруг мы тоже приехали из Ершовки, просто сделали это немного раньше, чтобы Алиска не усматривала между нами особенной, преступной связи?

Алиса изо всей силы наступила подруге на ногу.

— При чем тут Ершовка? — заинтересовался дедуля.

— Совершенно ни при чем, — сказала Алиса. — Меня действительно хотят убрать как ненужного свидетеля, — грустно констатировала она очевидный факт. — Не понимаю, как вы сами до этого не додумались? Все ведь просто... Я видела, как убили этого Анатолия, так? Откуда убийца знает, что я его не видела? Он за мной проследил, потом напал на меня в доме. Вот и вся разгадка, хотя мне эта разгадка совсем не нравится! Потому что тогда совсем

непонятно, как тут оказалась Надежда Ивановна и при чем тут Ершовка? Или это глупейшие совпадения? Так что никакого восторга я не испытываю...

— Я тоже, — призналась Елизавета. — Думаю, дедуля тоже не в восторге.

Дедуля промолчал.

Видимо, прикидывал, что лучше — убитая внучка или безумная внучка?

Ни то и ни другое его не устроило, поэтому он снова предложил обратиться к Андрею Михайловичу.

«Нет, дедуля, — грустно подумала Алиса, глядя в его глаза. — Никогда я не позволю тебя арестовать! Лучше уж пускай они убивают меня, если у них появилось такое желание!»

Дедуля хотел что-то сказать, нахмурил брови, но промолчал. Только посмотрел на Алису жалостливо, погладил по голове и пробурчал:

— Хорошо, девочки... Давайте завтра обо всем поговорим. Сегодня уже поздно. Ночью спать надо, так что спокойной ночи!

«Ты уходишь от разговора со мной, дед, — грустно подумала Алиса. — Ты чувствуешь, что я знаю о тебе больше, чем ты считаешь!»

* * *

«Видишь ли, — вспомнила Алиса цитату из любимой книги. — В тот день было столько всяких удивительных приключений, что ничто не казалось ей теперь невозможным».

— А теперь мне надо заснуть, — вздохнула она. — Потому что во сне обычно голова отдыхает, а у меня она похожа на раскаленный чугунный шар.

Лежа под мягким одеялом, Алиса рассматривала потолок, слушала сонное Лизино сопение и доносящийся из дедулиной комнаты мерный голос: он читал молитвы. «Интересно, — подумала Алиса, — помогут мне его молитвы? И в чем причина моих злоключений? Нечестивой меня назвать трудно — все время сижу за компьютером, мне даже и разврату предаваться некогда! Может быть, все мои несчастья — из-за порочной Элайзы?»

При чем тут Элайза, отмела Алиса собственную версию. Вряд ли эти книги способны развратить кого-то, их читают уже вполне созревшие дамы... Так что не так велик этот грех, чтобы Господь решил покарать Алису трупами бандитов...

«Кирпич ни с того ни с сего на голову не падает, тем более несколько кирпичей», — подумала она.

Где-то далеко надрывалась собака. Выла она как целая стая голодных оборотней. От этого «плача» Алисе и самой хотелось усесться на подоконник и немного повыть. «Человек ведь не может долго находиться в этой вашей пограничной ситуации, — подумала Алиса. — Надо как-то бороться...»

Она включила музыку, взяла книгу. «Алису» она могла читать с любого места. Открывала страницу и оказывалась там, в Зазеркалье. Это ведь только кажется, что книга детская. «Она осмотрелась и тут же заметила, что комната на деле совсем не такая обыкновенная и скучная, какой казалась из-за Зеркала». Конечно, мебель и фамильные портреты оживать не собирались. И все-таки Алиса закрыла книгу и попыталась понять, почему вдруг ей пришло в голову, что где-то рядом лежит ключ к разгадке. Совсем рядом. В двух шагах.

Это только на первый взгляд кажется, что череда событий не связана одной цепочкой. Если хорошенько вдуматься, так ли это? А вот и нет... Итак, кто-то смотрит в ее окна. Перед этим она слышит звуки в дедулиной комнате. Что можно там искать? «Здесь, право, не такой порядок», — подумала Алиса. Ей никогда не хватало дедулиной тяги к «упорядочиванию действительности». Алиса ее только и делала что «разупорядочивала»!

— Но уж позвольте заметить, я ни секунды не верю, что им была нужна дедулина скифская чашка! — проговорила Алиса, задумчиво созерцая книжный шкаф. — Но что тогда?

Красивые и бестолковые томики Сары Мидленд громоздились на полке. Взгляд блуждал именно по этим лощеным корешкам, пытался понять, что его, собственно, сюда привело?

«Иногда сознание само подсказывает тебе путь», — вспомнила Алиса какого-то «медитативного философа».

И — подскочила.

— Павлищева, — проворчала Елизавета. — Ты меня утомила! С меня хватит... Включила какую-то замысловатую музыку, читаешь на ночь детские книжки да еще начинаешь прыгать по комнате, как заяц! Если тебе не хочется спать, то мне наоборот!

— Дискета, — прошептала Алиса.

— Какая еще дискета? — сонно пробормотала Елизавета. — Ты что, совсем помешалась? Зачем тебе ночью какая-то дискета? В голову пришли эротические сцены, которые надо срочно зафиксировать? И выключи, ради бога, этот помпезный «этнос»!

— Дискета, — повторила Алиса, выгребая из ящичков все, что там лежало, на пол.

Елизавета вздохнула и перевернулась на другой бок, сделав бессмысленную попытку отвязаться.

— Лиза, — начала было Алиса, но вскоре замолчала. Елизавета явно не относилась к ее «находкам» серьезно и просыпаться не собиралась. — Где она может быть?

Сейчас Алиса почти не сомневалась в том, что ей просто необходимо взглянуть на эту дискету!

— Может, конечно, случиться, что там нет ничего интересного, — бормотала Алиса потихоньку, чтобы не разбудить Елизавету.

Изучение содержимого ящичков стола показало — Алиса Павлищева самое «хаотичное» существо на свете!

Чего только не лежало в ящиках ее стола!

— Просто кошмар, — простонала Алиса, рассматривая совершенно ненужные предметы. Зачем ей, например, отвертка? Впрочем, отвертка запросто пригодится, но вот назначения бережно хранимых коробок из-под кассет она понять не могла!

Человек и сам для себя загадка, особенно если не может вспомнить, что побудило его сохранить некоторые предметы на память.

— Нет только пирамиды Хеопса и золота инков, — прошептала Алиса, созерцая «накопленные богатства». — А зря. Это, по крайней мере, хоть чего-то стоит, а весь хлам можно выбросить без особенных сожалений...

Алиса похолодела. С ужасом посмотрев на последний ящик, который еще не был изучен, она вспомнила:

— О нет. Это было бы ужасно!

Алиса открыла его. Ну конечно... Этот отличался от «собратьев» как небо от земли. Аккуратно сложенные стопки бумаги и несколько дискет, — в конце лета у нее случился

«творческий кризис», и, чтобы оправдать свое существование под небесами, она не придумала ничего лучшего, чем разобраться в своем столе! Энтузиазм, правда, быстро иссяк. Но дискеты, которые Алиса посчитала старыми, битыми или просто несимпатичными, она недолго думая отправила в мусорный ящик. Те же, что остались, внушали капельку надежды, но только эта капелька была ничтожная. Алиса неплохо знала свои особенности и почти не сомневалась, что первой в небытие была отправлена именно дискета, дорогая сердцу Надежды Ивановны! Оставалось уповать на счастливую случайность.

— Павлицева, — трагически прошептала Елизавета. — Что ты делаешь в два часа ночи на полу? Зачем ты устроила этот погром?

— Дискета, — простонала Алиса.

В глазах Лизы появилось усталое сочувствие врача-психоневролога к безнадежному больному.

— Ничего ты не понимаешь! — воскликнула Алиса. — Вспомни, как Надежда Ивановна требовала эту чертову дискету у Ольги! Значит, там что-то есть. Возможно, она пыталась даже пробраться в дом, заглядывала в окна!

— Ну конечно, — зевнув, пробормотала Лиза. — Я-то думаю, почему мне так знаком светлый образ, явившийся внезапно в окне. Успокойся, Алиска, а? В конце концов, завтра пересмотрим все твои дискеты, а сегодня у меня нет сил. Я спать хочу. Все равно ночью плохо работает голова — можно нечаянно стереть бесценные сведения.

Поразмыслив, Алиса согласилась с Лизиными доводами и успокоилась. Сложила все обратно в ящики и вернулась в кровать. Даже начала засыпать.

Она почти перешла границу сна и яви. Этническая музыка подействовала на ее буйное воображение, и она отчего-то почти уже обрядилась в кожаную куртку с бахромой, высокие мокасины и шляпу с высокой тульей, а в руке, конечно, сжимала винчестер — так вот, именно в этот момент Алиса почувствовала прикосновение чьей-то ледяной руки. И конечно, немедленно проснулась. Сначала Алиса даже не поняла, где находится и что, собственно, за призрак стоит перед ней — с взлохмаченными волосами, в длинной прозрачной рубашке, и глаза у призрака — мерцают...

— Алиска, — зловещим шепотом произнес призрак. — Надо ее все-таки попытаться найти!

— Кого?

— Твою дискету, — сказал призрак. — Я тут лежала и думала — и поняла, что ты совершенно права! Именно за этой дискетой они и охотятся!

— Елизавета! — простонала Алиса. — Я только-только успела «запутаться» во сне, как в одеяле, и тут являешься ты, как готовая тайна Удольфского замка, и требуешь от меня немедленно приступить к поискам! Давай отложим до завтра!

— Завтра может быть поздно, — мрачно сказала Елизавета. — Конечно, это твое дело, поскольку мне не угрожает опасность. Но ты все-таки моя подруга!

— А если мы ее найдем, тогда что? Меня никто не тронет? — удивилась Алиса. — Я же не собираюсь отдавать ее, да и потом, если там шпионские записи, мне все равно не жить! Так что давай хоть выспимся перед неминуемой смертью!

Елизавета тяжело вздохнула, посмотрев на Алису так, словно она уже надела на себя рубище приговоренного. Но настолько легкомысленно к этому рубищу относится, что только она, Елизавета, могла бы что-то изменить в печальной участи глупой подруги.

— Не надо смотреть на меня адвокатом, не умеющим оправдать преступника, —

проворчала Алиса. — Я наверняка выбросила эту дискету, так что мы все равно не достигнем удачных результатов!

— Может быть, все-таки нет? — с робкой надеждой в голосе спросила Елизавета.

— Может быть, все-таки да, — парировала Алиса. — Все. Бездна надежды предприятия откладываем на утро! Хочешь ты этого или нет, я собираюсь наконец-то выспаться! — С этими словами она закуталась в одеяло и демонстративно отвернулась к стене.

— Хорошо, — сдалась Елизавета. — Как скажешь... Хотя меня, например, раздрает любопытство. Что же там было, на этой несчастной дискете?

Алиса промолчала. «Если начать с ней препираться, она все-таки рано или поздно добьется своего. Я сдамся, и мы до утра будем торчать у компьютера».

Лиза стояла над Алисой еще минут десять, потом наконец сдалась. Недовольно проворчала что-то о «глупых личностях», за которыми охотятся бандиты, и, выключив свет, рухнула в кровать.

«Наконец-то, — подумала Алиса. — Теперь можно спокойно заснуть!»

И тут зазвонил телефон.

Алиса подскочила.

Часы подсказали ей, что сейчас два часа. Время воров и убийц.

Телефон продолжал звонить.

— Совсем как в триллере, — мрачно усмехнулась Елизавета. — На твоём месте я не стала бы подходить. Все равно ночью ничего хорошего не услышишь...

Алиса была с ней полностью согласна. Но в доме они были не одни. По коридору прошел дедуля, а потом постучал в дверь и сказал:

— Алиса, ты спишь? Это тебя...

— На твоём месте я все-таки наврала бы, что сплю, — снова повторила Елизавета. Но Алиса только отмахнулась. Надо смотреть опасностям в лицо.

— Кто это? — шепотом спросила она у дедули.

— Тебе лучше знать, — довольно беспечно ответил он. — Приятный мужской голос.

После этого сообщения дедуля удалился в свою комнату как ни в чем не бывало.

Алиса взяла трубку и с замиранием сердца произнесла:

— Алло.

— Алиса, что бы ни произошло, не думай обо мне плохо! — Голос был действительно приятным.

Вот еще ерунда какая-то!

— Кто это? — спросила Алиса.

На другом конце провода помолчали, потом неизвестный тип сказал:

— Я люблю тебя, Алиса! — и повесил трубку.

Она тихонько вернулась в комнату и села на свой диван, поджав под себя ноги. Кто это был? И что он хотел сказать? И почему она должна была о ком-то плохо думать?

Знакомых мужчин у Алисы было не так уж много. Кандидатуры Пафнутия и Ньюшиного супруга были сразу отвергнуты: во-первых, ни того ни другого в городе не было, во-вторых, с какой стати Алисе придет в голову о них плохо думать? Дальше шел Ромик, но о Ромике Алиса вообще никак не думала. Кроме того, Ромик в качестве влюбленного «идальго» ее не устраивал: вспомнив его смазливую физиономию, Алиса передернулась — б-р-р-р! Эти детские глазки и пухлые губы — ну нет! К тому же Ромика Алиса знала достаточно хорошо, чтобы сказать — уж кто-кто, а Ромик привык к тому, что о нем плохо думают! Можно было

еще рассмотреть кандидатуру Мерзавцева... Очень даже удачная мысль! Алиса рассмеялась. Мерзавцев вызвал бы ее в кабинет! «Я люблю вас, Алиса», — сказал бы он сухим тоном.

Кто же тогда?

Андрей Михайлович? Его не очень беспокоит Алисино мнение...

— Так ты до Лехи дойдешь, дорогая, — процедила Алиса сквозь зубы. — Чем не достойный амант?

Нет, человек, позвонивший ей, отличается романтизмом и безрассудностью...

Лунный свет выхватил из темноты фигурку Девы. В причудливой игре света и тени снова казалось, что ее руки движутся в такт неслышной музыке, а облако над ней принимает вполне ясные очертания — о нет, не архангела Гавриила! Это лицо было другим: упрямые и насмешливые глаза, правильные черты лица, светлые длинные волосы — ну конечно, Алиса знала этого человека! Надо бы крикнуть: сгинь, проклятое наваждение, но ее руки тянулись вверх, а сердце самым банальным образом выстукивало фразу: «Я люблю тебя, Алиса, я люблю тебя, Алиса, я люблю тебя...»

Все происшествия сегодняшнего дня померкли, растаяли, осталось только последнее. Алиса, как маленькая, вскочила с кровати и сделала несколько балетных па, сама боясь признаться себе в том, что знает имя того человека, который позвонил ей.

— Не спугнуть, — прошептала Алиса, остановившись перед «Несравненной Девой». — Это ты принесла мне счастье? Ты ведь чудотворная, правда? — Она нежно провела пальцем по точеному профилю.

— Павлицева, ты сегодня будешь спать? Или мне уже пора вызывать бригаду «скорой», чтобы тебя утихомирили? — проворчала Елизавета. — А если ты спать не собираешься, давай искать дискету!

Алиса подавила легкий вздох. Делиться с Лизой тайной она не собиралась. Хотя Елизавета всем своим видом демонстрировала, что ждет именно этого.

— Только чтобы тебя не раздражать, — улыбнулась Алиса.

— Вот и не раздражай, — фыркнула Елизавета. — А то завтра я буду похожа на придавленную гусеницу, и Пафнутий меня по твоей милости бросит...

* * *

Утро выдалось пасмурным и хмурым. Несмотря на это, настроение у Алисы было легким, как воздушный шарик. «Такова жизнь, — сонно философствовала она, не спеша покидать кровать. — Неприятности меркнут от ярких и радостных впечатлений... Именно в этом, возможно, и заключается смысл бытия».

Внизу хлопнула входная дверь — это дедуля ушел на службу. Елизавета еще спала, так что ей не с кем было поделиться своим возвышенным состоянием. Сначала Алисе хотелось ее разбудить, но, представив, какой злобной фурией может стать милейшая Елизавета, если потревожить ее утренний сон, Алиса оставила ее в покое.

Тихо, стараясь не шуметь, она выбралась из кровати и прошла на кухню.

Душе хотелось возвышенного, радостного, поэтому Алиса включила «Эру», поставила чайник и застыла перед зеркалом, пытаясь обнаружить в своей внешности новые изъяны, дабы беспрепятственно вернуться на землю.

— Ну вот, — сказала она. — Это же кошмар... Веки опухшие, глаза с красными

прожилками. Ни дать ни взять оголодавший вампир... Может быть, тебе все это приснилось? А если не приснилось, кто-то просто хотел над тобой посмеяться. Даже предупредил: если что будет не так, не думайте обо мне плохо! А ты уж сразу воспарила к небесам и начала лепетать — Игорь, Игорь... Может, это и не Игорь. А тот ушастый тюлень... Испугался, что ты убьешь еще парочку-другую бандитов, если никто тебя не остановит любовью! И решил положить на жертвенный алтарь свою жизнь. Кстати, он ведь может таким способом войти к тебе в доверие, чтобы завладеть дискетой! Вспомни, с кем его видели? С Надей...

Как ни странно, все попытки испортить себе настроение ни к чему не привели.

Кофе не пролился на плиту — еще одно удивительное событие!

— Что-то не так сегодня в мире, — пробормотала Алиса, расположившись в стареньком кресле. — Может быть, весь запас моих несчастий закончился и пока еще не набрались новенькие?

— Павлицева, ты как подросток, — проворчала Елизавета, объявившаяся на пороге кухни. — То ходишь с безнадежными глазами и стонешь, что ты какая-то Баньши, то резвишься с раннего утра, порхая, как разжиревшая бабочка.

— Почему разжиревшая? — спросила Алиса, с тревогой оглядывая свою фигуру. — Неужели за ночь я приобрела несколько лишних килограммов?

Придирчивый осмотр показал, что она не растолстела.

— Потому что грация такая же, — пояснила Елизавета. — Не танцы, а тяжелая поступь Командора... Что случилось-то? Неужели нашлась Сара?

— Нет.

— Тогда объясни, по какому поводу у нас фейерверк...

Она налила себе кофе и устроилась напротив Алисы, явно ожидая откровений.

— Да просто так, — уклонилась Алиса от ненужной прямоты.

— Если бы тут был Андрей Михайлович, — заметила Елизавета, — он наверняка расценил бы твою неумную радость как свидетельство твоей вины. Удачно спланированные убийства гоблинов всегда действовали на Алису Игоревну Павлицеву ободряюще...

— Да ну тебя, — отмахнулась Алиса. — Это не я Баньши. А ты. Являешься на пороге и минуту моей радости и напоминаешь об убиенных гоблинах! В конце концов, с гоблинами вполне способен разобраться и сам Андрей Михайлович!

— Я бы не стала возлагать такие надежды на неизвестного нам человека, — с сомнением в голосе заявила Елизавета. — Если уж мы не смогли понять, что за баталии вокруг нас развернулись, посторонний человек может вообще растеряться. Нас с тобой обманули — мы-то думали, что похищать будут нашу чудотворную икону, а преступникам больше приглянулась Сара! И Игорь тоже пропал. Может быть, он и является организатором похищения?

Алиса уже открыла рот, чтобы рассказать Елизавете, что никуда Сара не пропала и она имела счастье видеть их вдвоем, но вовремя осеклась.

«Если я расскажу еще и о ночном звонке, Елизавета наверняка укрепитя в своих подозрениях, и вдобавок к этому меня ждут насмешки и подколы с ее стороны! Лучше промолчать... Пусть думает, как ей хочется», — решила она.

— Ладно, у нас мало времени...

Елизавета поднялась и строго оглядела подругу с ног до головы.

— А ты что, не собираешься одеваться?

— Даже в такие минуты, Павлищева, ты думаешь о мелочах, — презрительно фыркнула Елизавета. — Хотя бы сейчас подумай о вечном...

С этими загадочными словами она удалилась в ванную комнату, а Алиса попыталась понять, почему ей именно сейчас пора подумать о седой вечности? Правда, через пятнадцать минут тщетного ожидания она решила, что Елизавета сама собиралась кануть в вечность, поэтому и присоветовала Алисе подумать о ней.

Размышления о вечности были неожиданно прерваны телефонным звонком. Трубку Алиса сняла, не ожидая подвоха.

— Алиса Игоревна? — услышала она вкрадчивый голос Валеры.

— Да, — отозвалась Алиса, втайне сожалея, что это не он, и в то же время чувствуя искреннее облегчение.

— Извините за беспокойство, я хотел бы узнать, что вы решили. Новая работа, новые возможности...

Она подумала и вспомнила:

— Ах да... Понимаете, Валерий Георгиевич, я еще не имела возможности обдумать ваше предложение... Как-то очень мало времени остается на размышления. Простите, ради бога... Может быть, я позвоню вам попозже?

— Конечно, — произнес он, не скрывая разочарования. — Но я бы рекомендовал вам думать быстрее...

Алиса положила трубку. Телефон зазвонил снова. Алиса схватила трубку, уронила ее на пол и, чертыхнувшись, подняла с пола.

— Да, — выдохнула она в трубку, надеясь услышать ночного абонента.

Это был босс...

— Алиса Игоревна? Я хотел узнать, помните ли вы, что сегодня приезжает госпожа Мидденд?

Сердце у Алисы упало, она пробормотала:

— Да, конечно, я помню.

— Как только она появится, не забудьте мне позвонить. Я договорюсь о представительском ужине...

— Непременно позвоню, — пролепетала Алиса и повесила трубку.

«Что мне делать-то, Господи? Где я раздобуду ему Сару? А сказать, что она пропала, у меня не хватило духу... Он еще подумает, что это я сама от нее избавилась с надеждой выйти на широкую публику!»

Алиса не вытерпела и начала стучать в дверь ванной:

— Лиза! Ты когда-нибудь вернешься из своей долбаной вечности?

Настроение снова упало. Как это пишется в разных умных книжках? «Розовые иллюзии растаяли под напором объективной реальности». Чертова реальность!

— Лиза!

Елизавета открыла дверь и уставилась на подругу с недоумением:

— Чего ты орешь?

— Тебя слишком долго не было, — проговорила Алиса, сама удивляясь тому, как трагичен ее голос.

— Павлищева, что с тобой снова случилось? — настороженно спросила Лиза. — То ты исполняешь бальные танцы половину ночи, то рыдаешь с утра, то ломишься в мою дверь, когда я решила принять душ, словно бешеный торнадо! Ты ведь только что убеждала меня,

что все прекрасно!

— Позвонил Мерзавцев, — страшным голосом сообщила Алиса.

— Это, конечно, неприятность, — согласилась Елизавета. — Но не такая уж страшная, чтобы всем падать в обморок. Он тоже живое существо и имеет право позвонить по телефону, если ему заблагорассудилось...

— Он хочет видеть Сару. Сегодня вечером, — прошептала Алиса.

— Мы же знали, что он захочет ее увидеть, — пожалала плечами Елизавета. — А ты думала, что иностранные писатели принадлежат исключительно тебе?

— Лиза, что мы ему скажем, если ее не найдем? — пробормотала Алиса, чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног. — Что мы ему скажем?

— Что госпожа Мидленд, прости господи, влюбилась в какого-то афериста, которого притащил в дом твой дедуля, и оба они предпочли наслаждаться обществом друг друга, презрев не только нас, но и господина Мерзавцева, — передернула Лиза плечиком. — Не понимаю, Алиска, чего ты дергаешься... Почему бы тебе наконец не набраться решимости и мужества? Тебе так нужна эта псевдо-Сара? Если Мерзавцев будет чем-то недоволен, напомни ему, кто есть ху. Честное слово, ситуация начинает мне казаться стойким маразмом в стиле Эжена Ионеско! Появляется некая мамзелька, затянута в кожу, объявляет себя истинной Сарой Мидленд, причем ее уверенность в данном факте заставляет вспомнить о известной клинике, расположенной на Алтынной горе! Более того, наглость наших боссар не знает границ — или они тоже нуждаются в лечении током! Точно они знать не знают, кто пишет эти бредовые романы... Но самым загадочным экземпляром являешься ты. По моему разумению, тебе просто необходим гальванический воротник и бутылка свежего, крепкого ямайского рома... Может быть, тогда ты все-таки вспомнишь, что именно ты и есть пресловутая кокотка Сара. А та никуда не денется. Может быть, она просто нашла твои файлы с романами, устыдилась собственного нахальства и убежала в ночь, размазывая слезы по грязному лицу. Как бы то ни было, к вечеру наша сексапильная мамзель обнаружится...

— А если не обнаружится? — усомнилась Алиса.

— Куда ей деться, — отмахнулась Лиза. — Как говорила моя матушка: жрать захочет — приползет!..

* * *

Как ни странно, но на этот раз скептицизм Елизаветы повлиял на Алису успокаивающе. Вряд ли можно было сказать, что она приободрилась, но жалкие остатки надежды возродились в сердце.

Может быть, хотя бы сегодня Алисин день пройдет спокойно, без убиенных гоблинов и других неприятностей? Хватит и утреннего звонка Мерзавцева...

Надежды, как известно, юношей питают, а про девушек там ничего сказано не было.

Поэтому Алиса не очень-то поверила, что все неприятности закончились. С ней уже случился приступ эйфории, и — нате вам, пожалуйста! Тут же все воздушные замки рухнули из-за обычного звонка!

— Если все мои ангелы-хранители забыли обо мне, надо быть начеку, — пробормотала Алиса. — Другого выхода попросту нет.

— Ну да, — кивнула Елизавета. — Если двигаться, в конце концов куда-нибудь

придешь. Так что давай двигаться.

Два часа они посвятили тщательному изучению Алисиных дискет и к одиннадцати потеряли надежду найти то, что искали.

— Похоже, мы двигаемся не туда, — проговорила Елизавета, без надежды смотря на экран. В очередной раз там появились строчки бесконечных «любовных страданий» Элайзы — и ничего больше!

В руках была последняя дискета, и Алиса не возлагала на нее никаких надежд.

— Похоже, я однажды двинулась не туда, — мрачно вздохнула она. — Не стоило заниматься уборкой даже в минуту творческого кризиса! Уборки, Елизавета, не ведут ни к чему хорошему.

На последней дискете их ожидало новое вздыхание по сэру Роберту.

— О ноу! — вырвалось у Елизаветы. — Или я подумаю, что наша Надин просто настолько тащится от твоих творений, что согласна на уголовно наказуемое деяние, не в силах дожидаться продолжения! Лезет в твое бунгало, пытаюсь стибрить парочку твоих нетленок!

В дверь постучали.

— Не вовремя, — посетовала Лиза. — Я уже начала увлекаться сэром Робертом... Такой у тебя сексуальный лапсердак получился, Павлицева! Просто душка! Правда, отчего-то брюнет, и усы ему ты прилепила явно зря! Может, побреем его и покрасим в блондина? Тогда твои описания приобретут больше трепетной возвышенности! Будут, так сказать, близки и милы влюбленной душе...

Алиса открыла дверь, рассеянно слушая разглагольствования Елизаветы.

— Привет, — сказала Ньюша. — Я вчера никак не могла вырваться. Чертовы дети, как всегда, устроили мне тихий, загробный праздник души... Надеюсь, вы на меня не в обиде, девочки?

* * *

— Надеюсь, у твоей «берни» не начнется комплекс неполноценности рядом с моим «пежорожцем», — проговорила Ньюша.

— Какая же я дура, — заявила Елизавета, появляясь на пороге. — Зачем я у тебя душ принимала? Сейчас бы отправилась к Ньюше в ее джакузи.

— Она же за тобой не следит, — сказала Алиса. — Можешь прикинуться снова грязной...

— Подлая ты, Павлицева, — обиженно заявила Елизавета. — Я тут вожусь с тобой и твоими бандюгами, а ты меня грязной обзываешь... Что за люди пошли, никакой благодарности...

— Да обе вы мелкие пакостницы, — ласково проговорила Ньюша, прижимая подруг к своему мощному торсу.

В одной ее длани покоилась Алиса, а другой она прижимала к себе Елизавету. Масштабы ее еще больше увеличились, и она могла теперь спокойно обнять если не целый мир, то уж добрую его половину наверняка.

— Ну, одну я вижу часто — как только ей пожрать захочется, а вот ты, Алиска, совсем

пропала!

— Теперь и Аляске пожрать захотелось, — заявила Елизавета. — Вас послушать, я только и занимаюсь тем, что ем! Просто Кадавр какой-то...

— Не обижайся, а то я подумаю, что мир изменился, пока я спала, — попросила Ньюша.

— Смотря сколько ты спала, — парировала Елизавета. — Я же не знаю... У нас теперь новый президент, ты в курсе? В Америке тоже выборы, а еще я вышла замуж... Это на случай, если ты дрыхла последние пять лет.

— Так, что будем пить? — деловито поинтересовалась Ньюша, распахивая свой шикарный «пежорожец».

— Перно, — ничтоже сумняшеся бросила Елизавета.

— Это такая гадость, — поморщилась Ньюша. — Никогда не пей перно, детка... Козленочком станешь!

В конце концов она достала «Сангрию». Добрую, старенькую, сохранившую аромат нашей бесшабашной юности.

— Как дети? — поинтересовалась Алиса.

— Растут, — отмахнулась она. — Много сложностей и проблем, причем эти проблемы увеличиваются пропорционально их росту... Знаешь, Алиска, я вспоминаю то время, когда они лежали в кроватках, с безнадежной тоской. Вот счастье-то было!

— А кто ныл, что они мешают тебе спать? — встряла Елизавета. — Кто стenal, что не дождется того момента, когда они вырастут?

— Это было моей ошибкой, — вздохнула Ньюша. — Слава богу, я отправила их на неделю к родителям... А то вы бы сейчас вряд ли могли так спокойно сидеть. Вас таскали бы за уши, пытались оторвать вам ноги и руки, а моя дочь явно собирается стать, как Елизавета, писателем. Вот только начинать она любит, а заканчивать произведение не спешит... Если бы она собралась поведать вам очередной шедевр, нам пришлось бы слушать ее целую неделю. Давайте лучше поговорим о вас. Наша с Елизаветой жизнь уже скучна, а вот ты-то как, Алиска?

— Моя тоже скучна, — призналась Алиса.

— Чего? Ничего себе скучна! — возмутилась Елизавета. — Двух бандитов угрохала, и теперь жалуется, что ей скучно!

— Каких ты бандитов угрохала? — заинтересовалась Ньюша.

— Обычных, — ответила Алиса. — Но только они сами грохнулись. А я оказалась свидетельницей их кончин... Сначала одного, потом другого...

— А еще писательница пропала, — продолжала выдавать Алисины маленькие тайны Елизавета. — Так что нам нужна твоя помощь...

— Моя? — вытаращила глаза Ньюша. — Каким же образом я могу вам помочь? А что пропала какая-то писательница, может, и к лучшему... У Лешки есть один знакомый поэт, так он такой зануда, прости господи... У меня от него аллергия начинается, честное слово! Как начнет читать свои вирши, все тело чешется! Особенно руки.

— Так писательница иностранная, — объяснила Елизавета острую необходимость найти Сару. — И Алиска за нее отвечает перед начальством...

К этому моменту бутылка «Сангрии» уменьшилась наполовину.

— Да, это меняет дело, — сказала Ньюша. — А ты не думала, что твои бандиты связаны с этой чертовой писательницей?

— Как?

Нюшина прозорливость ее удивила. Надо же — только начала ей рассказывать, а она уже пришла к тому же выводу, что и Алиса!

— Может быть, это она их, — загадочно усмехнулась Нюша.

— Зачем?

— Ну, кто знает этих писательниц, — мрачно объявила Нюша. — У них, по-моему, не все дома...

— Не надо так обижать писательниц, — проворчала Елизавета. — Вас послушать, так мы просто монстры какие-то...

— Ой, Лиз, прости! — испугалась Нюша. — Я и забыла, что ты у нас тоже пишешь...

— Ага, — свирепо усмехнулась Елизавета. — Я не просто пишу, я пишу триллеры...

— Ну, значит, ты и пришила бандитов, чтобы потом написать свой ненаглядный триллер, — вынесла вердикт Нюша. — Слава богу, одна проблема решилась... А вот как я должна найти эту вашу Сару? Вы хоть объясните, а то у меня пока нет никаких мыслей по этому поводу...

— Да не должна ты ее искать, — отмахнулась «убийца» Лиза. — В конце концов, она же не настоящая писательница, так что дело не в ней. Дело в наших «писательских начальниках». Мы хотим их проверить...

— То есть вам нужна Светка? — искренне удивилась Нюша. — Да она же хреновый сыщик, прости господи... Ей только на помойках мусор искать. Нашли сыщицу!

— Да не нужна нам твоя сыщица! Нам нужна именно твоя помощь... Тебе надо прикинуться Сарой Мидленд и отправиться на тусовку в ресторан, — решительно сказала Елизавета.

— Вы что, с ума сошли? — возмутилась Нюша. — Нет уж, милые мои, не пойду!

— Тогда нам конец, — мрачно оповестила Елизавета. — Алиску арестуют, меня уволят, а дедуля сойдет с ума от беспросветной печали.

— Нет уж, дедулю не трогайте, — испугалась Нюша. — Лучше все-таки позвать Светку... Может быть, она поумнела? Хотя это вряд ли случилось, но попробовать стоит... Подождите-ка, я сейчас ей позвоню. По крайней мере, она точно сумеет выдать себя за эту вашу Сару. На этот подвиг много ума не надо.

Она долго рылась в сумке, потом нашла записную книжку, радостно воскликнула: «Ага, вот она!» — и начала набирать номер.

Набирала она долго и безуспешно. На ее призывы никто так и не отозвался.

— Нет ее, — расстроилась Нюша. — Боже ты мой, жалко же дедулю! Главное — никого нет в их чертовом агентстве... Как корова языком слизала...

— Это, как говорит дедуля, полное бесовское обстояние, — вздохнула Алиса, чувствуя себя обреченной. Нет ей спасения и не будет! По этому поводу подруги опрокинули еще по стаканчику «Сангрии» и немного успокоились.

— В конце концов, я дозвонюсь до нее вечером, — пообещала Нюша. — А пока расскажите мне все по порядку. А то я ничего не понимаю!

— Я же тебе объясняю, — обрадовалась Елизавета. — Нам надо кого-то выдать за Сару. Нас с Алиской знают, остаешься ты...

— Нет уж, я не остаюсь, — испугалась Нюша. — Потому что они прекрасно знают, как выглядит Сара Мидленд, если таковая имеется.

— Ну и что? Они же шарлатаны! — весело воскликнула Елизавета. — Представь себе, как вытянутся у них лица, когда появишься ты! Они придумывают «подставную леди из

туманного Альбиона», а леди сваливается на них как снег на голову! Все по-честному: они пытаются дурить голову нам, а мы отвечаем им ответный реверанс!

— И потом на леди сваливается случайный кирпич, — кивнула Нюша. — Лучше я обращусь к нашей мафии. Они будут пытаться их утюгом, и они во всем признаются!

— Какой, однако, новый подход к проблеме, — мурлыкнула Елизавета. — Павлицева предлагала их поисповедовать, а ты сразу мчишься с раскаленным утюгом! Вот в чем разница между старыми русскими и новыми!

— Сейчас ты получишь, — пообещали Алиса и Нюша в один голос. — А ты у нас какая?

— Я среднерусская, — скромно сообщила Елизавета. — Как полоса... Бедная и славная. Не лишенная обаяния и этого... Как они там называют его? Мен-та-ли-те-та. Вот так...

— А мы с Павлицевой лишены обаяния и менталитета, так? — грозно сдвинула брови Нюша.

— Отчего же? Правда, вы обладаете ими в значительно меньшей степени...

Алиса и Нюша переглянулись.

— Когда начнем? — спросила Нюша.

— Немедленно, — ответила Алиса.

— Не надо, — поняла их намерения Елизавета. — Я больше не буду!

— Ладно, мы тебе поверим, — кивнула Нюша. — Тем более что у нас есть дела поважнее... Алиска, ты уверена, что на твоих дискетах нет ничего, кроме Элайзы?

— Уверена, — кивнула Алиса. — Во всяком случае, я ничего не нашла.

— Все-таки еще надо поискать...

Нюша встала и включила компьютер.

В очках она стала похожа на учительницу. К тому же, в отличие от Алисы, она прекрасно разбиралась в компьютерах, так что подруги замолчали, смотря на нее с благоговением.

— А это что такое? — спросила она через несколько минут. — Смотреть надо было, девочки, лучше!

— Это какие-то закорючки, — разочарованно протянула Елизавета, когда они подошли к Нюше. — Фиг разберешь...

— Это «Ворд», глупая девица. Твои файлы — «лексиконовые». И ты пытаешься прочесть это там же, а надо вот так... — Она со знанием дела пощелкала по клавишам и удовлетворенно выдохнула: — Так будет лучше. Сейчас наконец-то узнаем, почему кому-то нужно убрать нашу дорогую Павлицеву с дороги...

— Разве имя должно что-нибудь значить? — проговорила Алиса с сомнением.

— Конечно должно, — ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. — Возьмем, к примеру, мое имя — оно выражает мою суть! Замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно... Ну, просто чем угодно!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

— Ну, что там? — нетерпеливо спросила Елизавета.

— Пока я никак не могу понять, — призналась Нюша. — Какие-то имена... Может быть, ваши собратья по перу, которых уже убрали с дороги? Вот, например, это имя тебе ничего не говорит? Ирина Лукьянова?

— Нет, — покачала головой Елизавета. — Слушай, дай я посмотрю сама!

Как бы им хотелось, чтобы ответ на загадки нашелся тут, на этой дискете, — тогда можно было бы вздохнуть с облегчением!

— Вот Парамонову я знаю. Вернее, Парамонова... То бишь Паршивцева.

Теперь подошла Алиса. Парамонова Елена Витальевна. Адрес. И какая-то непонятная приписка — «выплачено»... Далее шли астрономические суммы, от которых сладко кружилась голова.

— Что-то не так, — задумчиво сказала Алиса, пытаюсь вспомнить, в связи с чем недавно обсуждалась Парамонова. Если, конечно, это и есть жена Паршивцева...

— Неплохо живет ваша Парамонова, — хмыкнула Нюша. — И Лукьянова тоже... Да и вообще, судя по номерам приходных ордеров, эти дамы не умирают с голода... Вот только непонятно, как это связано с нашей Алиской? Мало ли кто у нас много получает...

— Вспомнила! — закричала Алиса. — Ольга! Помнишь, Елизавета, Ольга рассказывала что фотография на ее книге — именно парамоновской жены? Нет, — остановила себя Алиса. — Это просто чудовищно! Люди так поступать не могут, не должны!

— Алиска, ты будешь говорить?

«И дедуля каким-то непостижим образом связан с этими обманщиками? — задохнулась от ужаса Алиса. — Вот уж в самом деле — «тьма низких истин»! Куда уж ниже?»

— Как ты думаешь, Нюша, может человек, изображенный на фотографии, получать весь гонорар, даже если на обложке нет его фамилии?

— Ты знаешь, мне кажется, даже если бы и не получать особенных денег, это уже не слишком хорошо. Красоваться на обложке книги, где я не написала ни словечка? Нет, мне бы это не понравилось! — мгновенно отреагировала Нюша.

— Я говорю не о тебе! Тебе это может не нравиться, а им в кайф! Потому что на улице-то их узнают! Идет себе Парамонова по улице, а поклонники за ней косяками! — вступила в разговор Елизавета.

— Вот уж радость придумала для идиотов, — фыркнула Нюша. — Если бы мой портрет напечатали на одной из ваших книжонок, я бы пряталась! Это же не Ф. М. Достоевский, в самом деле...

— Будем считать, что твои оскорбления я пропустила мимо ушей! — громко заявила Елизавета. — Деньги, вот что сейчас волнует все население нашей страны куда больше славы. Деньги могут выплачиваться им?

— Могут, наверное... Надо уточнить.

— Вот ты все и уточнишь, — заявила Елизавета. — Поскольку у нас нет другого выхода.

— Я?! — От удивления Ньюшины глаза округлились, как блюдца. — Издеваешься, Березкина? Как я это сделаю?

— Есть у меня одна неплохая идея, — скромно потупилась Елизавета.

— Она неплохая на твой взгляд. На мой, твоя идея некачественная, вредная и глупая! — отрезала Ньюша. — Ты отправишь меня на верную гибель, чтобы написать потом бестселлер о моей трагической кончине! Я же тебя знаю — ради книжицы не пожалеешь и старинной подруги!

— Мне кажется, что сначала все-таки надо узнать, кто эти дамы, — робко заметила Алиса, понимая, что пикировка может затянуться, а времени слишком мало. — Тем более адреса у нас есть... И еще — я никак не могу понять, зачем Наде нужна была эта дискета!

— Она могла бояться разоблачения, — предположила Ньюша.

— Да нет, вряд ли... Сейчас никого не удивишь мошенничеством.

— Ну да! — опровергла Алисины слова Ньюша. — Плагиат, милая моя, всегда плагиат! Дело подсудное, особенно если это связано с крупными суммами. Так что опасаться им есть чего. Вот только непонятно, почему в этом деле кровно заинтересованы не ваши «главные плантаторы», а среднестатистическая секретарша!

— «Чем ниже моя голова, тем глубже мои мысли», — почему-то вспомнилось Алисе. — А если мы ее просто недооцениваем?

— Хорошо, — согласилась Елизавета. — Давай попробуем ее переоценить!

— Заодно бы еще дедулю переоценить, — не выдержала Алиса. — Потому что его участие в этих гнусностях для меня полная загадка!

Ньюша и Лиза мгновенно обернулись и уставились на нее. Они долго молчали, переглядываясь, а потом Елизавета все-таки решилась:

— При чем тут наш дедуля?

— При всем, — вздохнула Алиса. — Я видела его в компании с псевдо-Сарой и Игорем!

— Павлицева, — осторожно произнесла Елизавета. — Я все, конечно, понимаю... Но у тебя начинаются «загоны», как любит выражаться мой муж. Дедуля мог встретиться с ними случайно! Тем более что факт их знакомства — налицо.

— Они его ждали! — возразила Алиса.

— Может быть, им надо было исповедаться! Срочно!

Елизавета вскочила и принялась расхаживать по комнате.

— Нет, Павлицева, дедулю я переоценивать не стану! — внезапно остановившись прямо перед Алисой, заявила она. — Тогда ничего святого не останется, а без святого я вообще жить отказываюсь! Это же сплошной маразм, а не жизнь!

— Не кипятись, — попросила Ньюша. — Алиска, ты тоже успокойся. Дедуля не может быть замешан в этих махинациях. У тебя в голове полный кавардак начался, Елизавета тут права...

— А если его запугали? Скажем так — пригрозили меня убить, если он не найдет им дискету? — мрачно спросила Алиса. — Сами посмотрите: Игорь крутится вокруг Нади, Надя отчаянно нуждается в дискете, они подключают к этому Сару, а когда у Сары ничего не

получается, начинают давить на дедулю! Что дедуле важнее: я или дискета? Поэтому он соглашается. Не зря же он теперь каждый вечер читает «покаянный канон»!

— Сейчас дойдет до убийств, — усмехнулась Елизавета. — Ау, птенчик, Маркина кто убил? Дедуля?

— Кстати, — вспомнила Алиса. — Маркин, между прочим, из Ершовки. Так что мы окружены со всех сторон ершовскими бандитами.

— А дедуля у них пахан, — обрадовалась Елизавета. — Крестный отец... Сначала благословляет их на дело, а потом отпускает грехи... Смотри внимательнее, Нюша! Внуки у тебя вот-вот появятся, так что минута благодарности не за горами!

— Мне кажется, нам надо все разложить по полочкам, — задумчиво сказала Нюша, пропустив Елизаветино «пророчество» мимо ушей. — Сначала проверим наших «писательниц». Потом поговорим с дедулей. И еще надо разработать ершовскую версию... Наверняка Надя была с Маркиным связана.

— Конечно. Я ее видела, — сказала Алиса. — В тот самый день, когда Маркина убили, Надя выходила из его дома!

— Иногда тебя прошибает на откровенность, — вздохнула Лиза. — Самое интересное узнаешь от тебя неожиданно.

Нюша вообще повела себя странно.

— Я маленькая лошадка, — многозначительно пропела она ни к селу ни к городу.

— При чем тут лошадка? — удивилась Алиса.

— И мне живется не сладко, — как ни в чем не бывало продолжала Нюша.

— Перестань, — попросила Елизавета. — Это глупо выглядит. Дама в одеянии откутюр орет полублатные песни...

— О бог мой, какая же ты наивная! — вскричала Нюша, простирая свою пухлую ручку, унизанную перстнями, в сторону Елизаветы. — Все дамы в этом твоём «кутюре» перепрыгнули туда из чекистски-бандитских кожанок! Но ты права — петь «лошадку» они не станут. Слишком интеллектуально... Они «Мурку» будут петь. Или попсовую смурь... «Напилась я пьяна, не дойду до дома»... Елизавета! Прекрати так на меня смотреть! Почему ты мешаешь мне быть авантажной? Я хочу быть авантажной! К тому же, когда я пою, мне лучше думается!

— Вам не кажется, что мы отвлеклись от темы? — робко заметила Алиса, поняв, что подруги занялись «междоусобными разборками».

— Ничего мы не отвлекались! — возразила Елизавета. — Нюша любит думать, когда она поет, а я думаю в тот момент, когда с кем-нибудь разговариваю...

— Ты не разговариваешь. Ты хамишь, — сообщила Нюша.

— Боже мой, — вздохнула Алиса. — Боюсь, сегодня нам ни до чего додуматься не удастся! Вообще-то у нас нет времени, — напомнила она снова. — Если мы решили поиграть в сыщиков-любителей, надо приниматься за «отработку версий»!

— Какие она слова-то знает! — восхитилась Елизавета. — Первая версия у нас была — дедуля. С ним надо поговорить. Этим займется его дорогая и любимая внучка. А мы с «лошадкой» отправимся к «писательницам».

— И еще у нас Надя, — внесла свою лепту в разговор Нюша. — Мне отчего-то кажется что все вертится именно вокруг нее...

— И нашего господина Искариотова, — подхватила Елизавета. — Поскольку Ольга эту чертову дискету нашла именно на его столе. Если хорошенько подумать, получится, что он

наверняка имеет к этой фантазмагории прямое отношение.

— А кто это? — поинтересовалась Ньюша. — Кого вы обозначили таким чудесным именем?

— Наш выпускающий, — объяснила Алиса. — Вообще-то я не пойму, зачем это ему надо.

— Зачем людям нужны деньги, — пропела ехидно Елизавета. — Я и сама не могу понять! Вот Алиска живет без них — и нормально! Мой скромный жизненный опыт, Алисочка, подсказывает мне, что деньги почти всегда оказываются основной движущей силой преступлений, — назидательно промолвила Елизавета. — Не думаю, что в данном случае мы столкнулись с чем-то оригинальным...

— Ладно, девочки, рассуждать мы можем целую вечность, только вряд ли от этого что-то изменится! — заявила Ньюша, поднимаясь с места.

— «Лошадка» рвется в бой? — спросила Елизавета.

— Нет, — рассмеялась Ньюша. — Я, девочки, математик. Более того, я логик. По сей причине ненавижу всяческие неясности. Так что Давайте-ка начнем распутывать эти тщательно скрученные клубочки, а то у меня от ваших туманностей голова кружиться начинает!

* * *

На улице было так солнечно, что Алиса почти забыла о своих неприятностях: словно вернулась в детство и три школьницы выпускных классов отправились на прогулку.

Девицы тоже приободрились.

— Значит, так, — сказала деловитая Ньюша, усаживаясь на водительское место. — Начинаем с самой дальней... То бишь, говоря словами Шерлока Холмса, «литерой А» у нас оказывается госпожа Парамонова. Что делать с остальными, будем размышлять после приватной беседы с ней.

— И как ты собираешься с ней побеседовать? — испуганно спросила Елизавета.

— Проще не бывает, — рассмеялась Ньюша. — Все-таки, девочки, очень ощущается усталость ума... Вы вяло мыслите. Если бы ваши дни протекали между кастрюлек, сопливых носов и магазинов, вы радостнее воспринимали бы жизнь и предоставленную ей возможность немного пошевелить мозгами!

— Именно это ты и собираешься обсуждать с госпожой Парамоновой? — поинтересовалась Алиса.

— Нет, я собираюсь обсудить с ней проблему продукциальных иллюзий в неофрейдистских концепциях, — отбрила ее Ньюша. — Думаю, нет для этой мадам проблемы более животрепещущей, чем эти самые иллюзии! А поговорить бедняжке о них не с кем!

Ньюша припарковала машину недалеко от огромного дома и вылезла. Достав листок бумаги, сверила адрес и присвистнула.

— Да-а, девочки! Неплохо пристроилась в жизни эта ваша мадам Парамонова! Мой супруг на квартирку в этом бунгало и за всю жизнь не заработает!

— Ты о чем? — поинтересовалась Алиса, вылезая из машины.

— Вот об этом чудном домике, — показала Ньюша. — Он именуется «Атлантидой».

Этакий оазис счастья в наших пампасах. С боулингом, супермаркетом внутри, сауной, тренажерными залами и прочей шелухой... Судя по номеру дома, именно здесь и проживает ваша доблестная госпожа Парамонова!

— Да где еще и жить знаменитой писательнице? — вздохнула Лиза. — Уважение к культуре всегда было сильно в нашем народе!

Алиса промолчала.

Перед глазами возникла Ольга — с сигаретой, дрожащей в руках, с вечной проблемой — где раздобыть денег, чтобы заплатить за квартиру...

«Это жена Паршивцева, на моей книге...»

— Алиска, выходи из шока, — затеребила подружку Ньюша. — Твой дом намного симпатичнее, не надо плакать!

— Я не плачу, — отмахнулась Алиса. — Просто неприятно...

— Сейчас неприятно будет кому-то другому, — пообещала Ньюша. — Наберись немного терпения и увидишь трогательную финальную сцену...

* * *

Ждать пришлось довольно долго.

Фешенебельный дом казался мертвым. Было ощущение, что там никто не живет: даже окна смотрели неприветливо и равнодушно.

— Пожалуй, я не хотела бы здесь жить, — поежилась Алиса: слишком уж здание напоминало высотное кладбище.

— Меня больше волнует другое. Сколько нам тут придется торчать? — сурово вздохнула Елизавета.

Ньюша на вопросы не отреагировала. Она оглядывалась, будто пытаясь что-то найти, и наконец воскликнула:

— Йес! Вот он, оазис культуры! А я уж начала подумывать, что до здешних аборигенов еще не донесли цивилизацию... Сейчас вернусь!

Она исчезла ненадолго. Спустя несколько минут вернулась — в ее руках был томик парамоновских творений.

— Надо же, какая красавица, — бормотала она, рассматривая даму на обложке. — И стоит дорого... Надеюсь, она оценит мою жертвенность — там был неплохой перевод «Хроник Нарнии», а я предпочла потратиться на нашу отечественную «сеятельницу». Сейчас посмотрим, что она там насеяла!

— Ньюш, сколько нам тут сидеть? — не выдержала Елизавета.

— А я откуда знаю, сколько наша «подследственная» спит по утрам? — развела Ньюша пухлыми ладошками. — Предыдущие наблюдения за этими «курицами» подсказывают мне, что движение в сторону бутиков начинается около одиннадцати утра. Так что через пять минут дамы начнут выползать из будуаров.

— Ну конечно. А если Паршивцева сегодня не хочет в бутик?

— Нельзя быть такой пессимисткой, — нравоучительно проговорила Ньюша. — Не захочет в бутик, еще куда-то позовет ее ветер странствий! А ежели и к нему она проявит равнодушие, я придумаю что-нибудь сама... Если в мою голову взбрела идея познакомиться с этой замечательной писательницей, ей не укрыться от встречи со мной! — Ньюша снова

уткнулась в книгу.

«Выпущенная на волю домохозяйка страшнее пушечного ядра», — подумала Алиса, не переставая наблюдать за входом в «Атлантиду».

— Я здесь умру от неподвижности, — проворчала Елизавета.

— А ты представь себя индейцем в засаде. Сейчас появятся ковбои... Начнется отстрел и снятие скальпов, — на секунду отвлеклась от чтения шедевра Ньюша. — Кстати, вот тебе и первый «белолицый враг»...

Ворота открылись, выпуская машину.

— А этого мы не учли, — расстроилась Ньюша. — Эти «арийцы» наверняка прячут мордашки за тонированными стеклами... Придется напрячь мозги...

Думала она недолго.

— Так, другого выхода у нас нет. Только абордаж! Вы остаетесь здесь индейцами, а я перевоплощаюсь в хамоватого пирата! — С этими словами Ньюша села в свой «пежорожец» и уверенно направила его к «атлантическим» воротам.

— Никак не пойму, чего она этим собирается добиться, — пожаловалась Елизавета. — Как-то она слишком много самостоятельности проявляет, тебе не кажется?

— Знаешь что, Лиза, это была твоя идея! И потом — у нас с тобой ничего путного не вышло, может быть, как раз Ньюша и найдет разгадку? — ответила Алиса, доставая сигареты.

— Индейцы курили трубки, — заметила возмущенная Елизавета.

* * *

«Черные души прячутся за железной дверью», — вспомнила Ньюша слова из сказки, которую читала своим отпрыскам.

Дверь внушала ей, что Ньюше надо развернуться и катить отсюда прочь. Всем своим видом дверь демонстрировала, что Ньюша здесь не к месту.

«А маленький цветок открыл железную дверь», — снова вспомнила Ньюша сказку. И хмыкнула. Конечно, ее теперешние габариты не подходили к определению «маленький цветок», но душа-то у нормального человека все равно немного детская.

«Ну-с, посмотрим кто кого», — подумала она и нажала три раза на гудок.

Дверь медленно открылась, и перед Ньюшей возникла коренастая фигура охранника.

Он вопросительно смотрел на даму в «пежо», одетую явно от-кутюр, то есть явно не «подозрительную».

— Здравствуйте, дорогой, — мягким низким голосом промолвила дама, улыбаясь. — Не подскажите, Леночка Парамонова еще дома?

Охранник задумался, оглядываясь.

Он работал тут недавно и еще плохо различал вверенных ему жильцов. На его взгляд, они были очень похожи друг на друга. Выглядеть же перед этой дамочкой профаном охраннику не хотелось.

— Я могу ей позвонить по внутреннему, — предложил он.

— Не стоит, дорогой мой, не стоит, — рассмеялась дама. — Леночка очень злится, когда ее будят. Я и сама знаю, в какой она проживает квартире.

Он хотел ей возразить, что «по порядку» обязан связаться с хозяйкой, но передумал. Дама была внушающая доверие и вряд ли вынашивала злые умыслы по отношению к одной

из здешних жиличек.

Да и дама не очень-то ждала его позволения: припарковала машину, вышла и попросила:

— Присмотрите, если вам не трудно, голубчик... — близоруко прищурившись, бросила взгляд на окна и добавила: — Кажется, дома. Вот и славно... — после чего с неожиданной легкостью взбежала по ступенькам и исчезла в темноте подъезда.

* * *

— Однако Ньюше свойственно пылкое безрассудство, — пробормотала Елизавета. — Опасности ее не пугают.

— Какие там могут быть опасности? — испугалась Алиса.

— Во-первых, эта твоя Парамонова обладает внушительными размерами...

— Ньюша тоже не страдает худобой, — заметила Алиса. — Справится.

— А если Парамонова вызовет милицию?

— С какой стати? Ньюша наверняка все хорошо продумала! В отличие от нас с тобой... Это мы действуем по зову сердца, поэтому и получается все глупо! А Ньюша мыслит логически, все ходы у нее выверены, так что...

— Значит, по-твоему, я глупее, чем Ньюша? — вспыхнула Елизавета.

Она выразительно замолчала, всем своим видом демонстрируя «разочарование в человечестве третьей степени». Все попытки вымолить прощение были обречены на провал, поэтому Алиса не настаивала. «Ничего, пройдет пятнадцать минут, Елизавете станет скучно думать, и она сама заговорит», — рассудила она.

Чтобы не скучать, Алиса принялась рассматривать местный ландшафт и признала, что ее дом расположен в более приятном месте. Тут было уныло. Дом, взлетевший над набережной, казался неприступной крепостью, не хватало только рва вокруг да кучи стражников с копьями. Вряд ли ей когда-нибудь захочется жить в таком доме. Разве что в случае ядерной войны...

— Что-то она пропала, — подала голос Елизавета. — Это даже нечестно — мы сидим, мерзнем, а Ньюша там с Парамоновой чай гоняет!

— Что-то сомневаюсь, — ответила Алиса. — С какой стати им распивать чай?

— А вот так, — развела руками Елизавета. — Ньюша быстренько вступила в дружеский контакт, а потом подзабыла, зачем сюда явилась! Надо было все-таки меня отправлять. Или тебя.

— Я бы не пошла, — призналась Алиса. — Что бы я говорила? «Вы, Парамонова бессовестное существо! Зачем вы наклеили на Ольгины книжки свою физиономию? Как вам не стыдно пользоваться плодами чужих трудов!» А Ньюша — сдержанная особа. Она все сделает умнее.

— Ну, вот она и пропала, наша умница, — грустно усмехнулась Елизавета. — Сгинула в пресловутой «Атлантиде», как в Бермудском треугольнике... И кто знает, что происходит сейчас в парамоновской квартире?

Последняя фраза прозвучала в ее устах немного зловеще. Алисе стало не по себе.

Она снова посмотрела на внушительное здание. Солнце скрылось за облаком, тьма накрыла респектабельную храмину, и Алисе показалось, что «Атлантида» очень похожа на

фата-моргану.

— Я читала в одной газете, — глубокомысленно начала Елизавета, — что есть какие-то колдуны, которые накладывают проклятия на эти дома...

Произнесена фраза была таким загробным голосом, что Алиса невольно поежилась.

— Ну и пусть накладывают, — сказала она. — Нам-то что до этих проклятий? Мы в таких домах никогда жить не будем...

— А мы с тобой сидим в зоне проклятия, — вздохнула Елизавета. — И Ньюша бродит в самом сердце этого очага... Как ты думаешь, проклятия действуют на всех без разбора или все-таки выборочно?

До этого момента Алиса вообще никогда не задумывалась о технологии проклятий.

— Тебе лучше знать, — нашла она. — Ты же у нас специалистка по кошмарам. Я пишу мирные, тихие вещицы. Там никто никого не прокликает, разве что стгоряча...

Елизавета мрачно усмехнулась и ничего не сказала.

* * *

«Повезло», — подумала Ньюша, когда дверь в подъезд оказалась открытой.

Она теперь стояла в ослепительном длинном фойе, украшенном зеркалами. От вида этого великолепия Ньюше стало страшно. «Авантюрные наклонности Елизаветы и Алиски непонятным образом повлияли на мой рассудок, — посетила ее здравая мысль. — Что вы тут делаете, милейшая? Не лучше ли расстаться с идеей посетить нечестную даму и вернуться к подругам?»

— Ну нет, — ответила себе Ньюша. — Рубикон перейден, мосты сожжены и незачем поддаваться минутному страху! Как говорит мой старший ребенок, «поздняк метаться»!

«А если это не страх, а голос рассудка? Голос рассудка, — продолжала спорить с собой Ньюша, поднимаясь в лифте, — всегда почему-то солидарен со страхом».

— Не со страхом. С осторожностью, — ответила она самой себе.

Дверь лифта медленно открылась и выпустила Ньюшу.

— Вот ты и оказалась перед дверью де-факто, — прошептала она. Рука потянулась к дверному звонку, но застыла на половине пути.

Ньюша нервно хихикнула, напомнив самой себе школьницу, и нажала на звонок.

Где-то в глубине души она надеялась, что дома никого не окажется — сейчас все ее «заготовки» казались ей малоубедительными, глупыми, достойными только Елизаветы, но за дверью уже послышались шаги и женский голос поинтересовался:

— Кто там?

— Простите, Парамонова тут проживает? — выпалила Ньюша, сжав пальцы крест-накрест — на удачу.

Дверь приоткрылась.

— Кто вы? — спросила женщина, в которой Ньюша без особенного труда опознала «писательницу».

— Ради бога, простите за вторжение! — Ньюша прижала к груди руки и попыталась придать своей физиономии выражение глупого восхищения. Достав книжицу из сумки, она протянула ее «писательнице». — Я ваша поклонница. Я так счастлива познакомиться с вами! Не могли бы вы расписаться вот здесь... — прошептала она.

В глазах Парамоновой на минуту мелькнул испуг, она оглянулась, словно искала поддержки там, в глубине своей шикарной квартиры. Потом вернулась взглядом к Ньюше.

— Кто вы такая? — снова спросила она.

— Я же говорю — поклонница...

— Это я поняла, — кивнула Парамонова. — Как вас зовут?

— Анна, — сообщила Ньюша. — Так и напишите — Ане от... Елены. — И она снова тупо протянула книжицу.

Парамонова взяла книжицу в руки и тяжело вздохнула.

«Такое ощущение, что она жутко устала раздавать автографы», — подумала Ньюша.

— Кто дал вам мой адрес? — спросила Парамонова, подозрительно глядя на Ньюшу.

— Надя, — едва слышно промолвила Ньюша, вспомнив, что именно Надино имя чаще других звучало из Алискиных уст.

Парамонова нахмурилась, но книгу подписала.

— Спасибо, — начала рассыпаться в благодарностях Ньюша. — Вы и представить себе не можете, как приятно читать ваши книги! Они так изящно выстроены, по сравнению с другими авторами вы стоите особняком!

«Скромным таким особнячком, — добавила она про себя. — Нуворишским...»

Парамонова молчала, явно ожидая, когда докучливая поклонница уберется прочь. Но планы Парамоновой и Ньюши не совпадали.

— Знаете, а мне ведь надо с вами посоветоваться, — огорошила несчастную даму Ньюша. — Понимаете, я иногда пишу... Конечно, не так, как вы, нет! Скромнее. Так, упражнения... А посоветоваться мне не с кем — муж, знаете ли, постоянно на работе, да и к моим увлечениям относится снисходительно... Хотя деньги в меня вложить он согласен! Но ведь надо знать, стоит овчинка спонсора или нет! Не считите за труд!

— А кто ваш муж? — быстро спросила Парамонова. Теперь на ее лице зажегся интерес.

«Волшебник, — вертелось у Ньюши на языке. — Пожалуюсь ему, он превратит вас в лягушку!»

Но вместо этого она расцвела любезнейшей улыбкой и ответила, что ее супруг бизнесмен, и даже честно обозначила фирму, в которой он работал, вот только немного польстила ему в должности!

— Знаете, милая, сейчас у меня нет времени, — начала оправдываться Парамонова. — Но, если хотите, мы можем встретиться сегодня вечером...

Ньюша радостно закивала:

— Конечно, конечно...

— Приносите ваши труды, мы поговорим, — пообещала Парамонова. И вежливо, но настойчиво выпроводила Ньюшу прочь.

«Интересно, почему мой благоверный заставил ее так быстро сменить гнев на милость?» — подумала Ньюша, возвращаясь к своему «пежорожцу». И только выехав за ворота, она вдруг вспомнила, что допустила оплошность.

— Черт! — вырвалось у нее.

От досады на саму себя Ньюша сжала кулаки и ударила со всего размаху по рулю ни в чем не повинного «пежо».

— Какая же я кретинка, — заворчала она. — Еще горжусь своим великолепным математическим мышлением... А сама взяла да допустила оплошность, которая теперь может привести к полному провалу!

— Ну, слава богу, — выдохнула Елизавета. — Возвращается наша красавица... Я уже думала, мы никогда ее не увидим!

Алиса встрепелулась, заметив на горизонте Ньюшин «пежорожец». Машина затормозила, оттуда показалась сама Ньюша. Она была раздосадована, на щеках атели красные пятна.

— Сейчас вы меня убьете, — мрачно объявила Ньюша. — И я на вас за это даже не обижусь, потому что вы будете абсолютно правы... Лучше бы вы со мной не связывались!

— Вообще-то мы еще не поняли, почему у тебя появились такие странные пожелания, — осторожно проговорила Елизавета. — Объясни, что там случилось. Ты нечаянно ударила эту Парамонову по голове, она замертво свалилась, а ты оставила там улики, явно указывающие на нас с Алиской?

— Нет, хуже! — горько воскликнула Ньюша. — Гораздо хуже... Нет мне прощения!

— Перестань давить на нас своими мрачными настроениями, — попросила Алиса. — То Елизавета нагнетает обстановку какими-то колдунами и проклятиями, то ты посыпаешь голову пеплом и стенаешь!

Елизавета замолчала, всем своим видом демонстрируя «разочарование в человечестве третьей степени».

— Сейчас у вас тоже будет мрачное настроение, — пообещала Ньюша. — Потому что я только что завалила все дело!

Ньюша сидела такая грустная и виноватая, что Алисе стало ее искренне жаль.

— В конце концов, мы же сами впутали тебя в эту историю, — осторожно сказала Алиса, пытаясь успокоить подругу. — И потом, может быть, все не так страшно!

— Страшно, — не унималась Ньюша. — Понимаешь, она спросила меня, кто ей дал адрес, и я сослалась на Надю! Ничего другого мне в голову не пришло!

Алиса никакой связи между упоминанием Надиного имени и грандиозным провалом не усматривала.

— Господи, да как вы не понимаете! Она же наверняка станет наводить обо мне справки, а сделать это она сможет только через человека, который якобы дал мне адрес! — простонала наша «разведчица». — Представляете, она звонит сейчас именно этой вашей секретарше-кассиру, и та не может понять, о какой Анне Вяземцевой идет речь! Все, это провал... Лучше бы вы не связывались с такой неполноценной личностью, как я!

Елизавета молчала.

— Лиза, ну что ты молчишь? Хотя бы обругала меня, что ли...

— А я еще не поняла, почему ты устроила нам этот плач Ярославны, — заметила Елизавета. — Ничего страшного не случилось... Во-первых, я не уверена, что она бросится звонить Наде. Во-вторых, я вообще не знаю, что там у вас происходило.

Ньюша собралась с силами и рассказала им, как она пришла к Парамоновой, взяла автограф, потом рассказала про странный интерес госпожи Парамоновой к Лешеньке Вяземцеву.

— Скорее всего, она звонит сейчас Паршивцеву, — задумчиво предположила Елизавета. — Надя ей в данный момент не нужна... Сначала она выяснит, кто у нас Лешенька, действительно ли бизнесмен.

— Почему ты так думаешь? — удивилась Нюша.

— Мне кажется, ты справилась с ролью глупой и богатой гусыни, — объяснила Елизавета. — Может быть, она и позвонила бы Наде, но пока у нее нет никаких оснований волноваться. Пока она находится в спокойной и безмятежной уверенности, что ничего предосудительного в ее способах заработка нет. А ты для нее — маячащий на горизонте дополнительный заработок... Слушай, надо обязательно встретиться с ней вечером! — Елизавета закурила и глубокомысленно хмыкнула. — Знаете, девочки, почему-то мне кажется, что наконец-то мы оказались на правильном пути! И незачем так рыдать, что ты завалила все дело, Нюша! На мой взгляд, ты очень неплохо его подтолкнула! Вот только одну тебя на эту «бандитскую стрелку» отпускать никак нельзя!

— Пусть идет с Лехой, — предложила Алиса. — Выдадим его за бодигарда. Заодно прибавим Нюшиной фигуре веса...

Елизавета рассмеялась. Нюша хихикнула.

— Знаешь, Павлицева, за что я тебя люблю? — сказала Нюша. — За твое детское простодушие... Но насчет добавки к моей фигуре Лехи надо подумать. Не все же противной стороне использовать в качестве тяжелой артиллерии гоблинов... Мы тоже не лыком шиты!

— А если нам тщательно замаскироваться и посетить ваше «мартовское чаепитие», — подумала Алиса вслух.

Они повернулись к ней. «Судя по этим взглядам, ты опять сморозила несусветную глупость, Павлицева, — вздохнула Алиса. — Как в русской сказке — третий вовсе был дурак!»

— И как ты планируешь это сделать? — поинтересовалась Елизавета, даже не пытаясь скрыть иронию. — Прикинемся олигархами, что ли? А Леха, значит, у нас один бодигард...

Алиса пожалала плечами. Ответа на этот вопрос она не знала.

— Подожди с насмешками, — попросила Нюша. — Что-нибудь придумать можно...

— Придумать-то можно что угодно, — рассмеялась Лиза. — Вот только воплощать придуманное лучше на бумаге...

— Не только, — покачала головой Нюша. — Алиске хочется проследить за ходом событий лично. Не так это и глупо... Тем более что сейчас с помощью визажисток полные уродины становятся красавицами... — Она выразительно посмотрела на Алису, словно прикидывая, получится ли этот трюк с ней.

Алиса проглотила обиду.

— Если постараться, можно из Алиски сделать совершенно другую дамочку, — постановила «математическая мадам».

— А если там будет Паршивцев? — не сдавалась Елизавета. — «Пришел домой — там ты сидишь!» Да еще и загримированная! Одно из двух — или Паршивцев решит, что Алиска сошла с ума на почве любовной лирики, или быстро скумекает, что мы замыслили недоброе по отношению к его любимой супруге!

— Ни Алиску, ни тебя твой Паршивцев не сможет узнать, — успокоила нас Нюша. — Если я на один час предоставлю ваши мордашки в добрые и волшебные руки своей знакомой гримерши, вас даже дедуля не узнает!

— А я тоже иду с вами на раут? — спросила Елизавета.

— Куда же мы без тебя? — вздохнула Нюша. — Ты у нас вроде талисмана... Надо вечно таскать тебя с собой, чтобы нам улыбалась удача!

Польщенная Елизавета зарделась и перестала критиковать их конструктивные

предложения. Правда, через пять минут она вздохнула.

— Все-таки жаль, что нельзя сейчас прослушать телефон! — сказала она. — Вот Таня Привалова сейчас давно бы подслушала все «дипломатические секреты». В жизни все куда скучнее, чем в книгах! Сидим тут, в машине, а Парамонова в это время болтает вовсю или с Паршивцевым, или с Надей! И никому нет дела до того, что у меня от любопытства голова кружиться начинает!

— Осталось выяснить, кто такая Лукьянова, — махнула на Елизавету рукой Алиса. — С Парамоновой и Сарой Мидленд мне еще что-то понятно, а вот откуда взялась эта дама?

— Да если бы только Лукьянова! — горестно взмахнула рукой Ньюша. — А вот статья, про которую вы упоминали, мне покоя не дает. Не кажется ли вам, что нам нужно ее отыскать? И сделать это надо раньше, чем мы отправимся «косить» под поклонниц крутого детектива!

* * *

«И почему все эти мысли не приходили в голову мне? — думала Алиса. — У Ньюши все выходит просто и ясно, а я брожу в тумане, как ежик, и только усложняю задачи...»

Они сидели у Елизаветы перед компьютером: именно у нее был пресловутый модем и Пафнутий постоянно торчал в Интернете.

Елизавета иногда тоже пользовалась его паролем, поэтому никаких трудностей проникновение во «всемирную паутину» для нее не составило.

Сначала они спутешествовали на страницу «любимого издательства» с зыбкой надеждой выяснить что-то про «авторов».

Увы!

Там перечислили их бессмертные творения, и все... Дальше царили тишина и покой. Портретов «толстощеких дев» найти не удалось, адресов и кратких биографий — тоже. Нашли, правда, восторженные отклики на недавнее появление в телеэфире какой-то новой «дочки».

— Между прочим, я ее читала, — сообщила Елизавета.

— Ну и как? — поинтересовалась Алиса.

— Она допускает грубые слова, — пожалала Елизавета плечами.

— Ты тоже, голубушка, изысканно выражаешься, — заметила справедливая Ньюша.

— Такие слова я не употребляю, — возразила Елизавета. — Потому что они могут быть произнесены — ради бога, но написать их нельзя. Лучше выразиться на бумаге матом. И то будет симпатичнее... Нашла! — вдруг раздался ее победный вопль. — Вот она, ваша дорогая Лукьянова! Можете полюбоваться... Один к одному — наша Надежда Ивановна, у которой мы все расселись на шее!

* * *

Пережить такое потрясение удалось только после чашечки кофе с сигаретой.

— Теперь я уже вообще ничего не могу понять, — задумчиво проговорила Елизавета. — Зачем ей ходить каждый день на работу, если какая-то добрая девушка за нее пишет романы?

Искренне надеюсь, что это не я... — Она вернулась, тщательно проверила список вышедших произведений и облегченно выдохнула. — Нет, все в порядке. Если бы я узнала, что моя Авдоня имеет отношение к нашей красавице, я бы застрелилась!

— Твоя Авдоня сама по себе, — успокоила ее Ньюша.

— Кажется, я начинаю догадываться, в чем дело, — сказала Алиса.

— Спасибо, что хоть понятно, почему в нашем агентстве секретарши живут лучше писателей! Все чудно — писатели пишут, секретарши смотрят с обложек! Где же может быть эта статья? В какой газете?

Положение было почти безнадежным. Стрелки часов неумолимо продвигались к времени «мартовского чаепития», а «доморощенное расследование», увы, продвинулось только на один маленький шаг.

Шажок... Шаг.

Сейчас она смотрела в окно. Окна Елизаветиной квартиры выходили на Немецкую, прозванную так за сходство с известной московской улицей Арбат.

И тут Алиса вспомнила!

— «Арбат», — сказала она. — У дедули в комнате была именно эта газета...

— Еще бы ты объяснила, какая связь между газетой и дедулиной комнатой, цены бы тебе не было! — заметила Елизавета.

— Потом. — Алиса бросилась к компьютеру. — Лучше скажи, можно ли найти эту газету в вашем чертовом Интернете?

— Можно, если это все, что ты имеешь нам предложить...

— А что предлагаешь ты? Побегать по улицам с «береттой» наперевес, покатать кости, замочить парочку крутых бандитов? Все это я немедленно отвергаю, поскольку у меня нет «беретты», я не верю в гадания и мое хрупкое телосложение не располагает меня к дракам с бандитами! Раз у нас появилась надежда прояснить ситуацию с помощью газеты, надо попытаться.

— Да бог с ней, с газетой. Почему эта дурацкая газета должна быть связана с дедулей?

— Потому что он ее читал, — пояснила Алиса.

— Конечно, странно, что он читает газеты, — кивнула Ньюша. — Он не страдает любовью к нашей прессе... Помнится, его любимая фраза: «Не читайте за обедом советских газет»...

— Раз он решил поинтересоваться, а Ольга говорила о некой статье, надо поискать! — согласилась Алиса.

— Тогда отойди, — приказала Ньюша. — А то от твоих нервных прикосновений у Елизаветы модем сломается! — Она водрузила на нос очки и занялась любимым делом. — Господи, и почему у меня такие подруги? — тихо, себе под нос, причитала Ньюша. — Книжки пишут, а с техникой справиться не могут... Вот! Ваша газета нашлась. Загрузилась, дорогая... Алиска, ты номер не помнишь?

Алиса попыталась вспомнить хотя бы месяц, в котором вышел номер, но ничего не вышло.

— Ладно, будем искать наобум, — вздохнула Ньюша. — Повезло вам, девочки, что судьба подарила вам несостоявшегося юзера-хакера. Бог мой, что в моем лице потеряло человечество?

— Зато Леша приобрел, — заметила Елизавета. — Дар небес, приправленный горчицей.

— Уйми свое бездарное остроумие, а то обижусь и уйду, — ласково пропела Ньюша, не

отвлекаясь от поисков.

— Скоро? — нетерпеливо спросила Алиса.

— Скоро только слонята на свет появляются, — усмехнулась Нюша. — Вот... Кажется, я нашла! — Она отодвинулась от компьютера. — Смотрите сами, то это или нет!

Подруги бросились к ней.

«То, что происходит в «Экслибрисе», напоминает мне театр абсурда. Но разве весь мир сейчас не абсурден? Когда я узнала, что все, написанное мной, продается не только у нас, но и на Западе — за достаточно большие деньги, мне стало гадко. Не из-за денег, поймите! Просто сознавать, что именно ты помогаешь держаться на плаву людям, которые этого не заслуживают, мерзко. Я не хочу! А когда я узнала, что некая Ирина Лукьянова существует и получает куда большую часть моих гонораров только за то, что ее физиономия красуется на обложке, меня охватило бешенство! Поэтому я ушла от них и возвращаться не собираюсь. Единственное, чего мне действительно сейчас хочется, — понять этот механизм, и тогда, если удастся доказать мою правоту, я подам на них в суд!

— Каким образом? Вы же подписывали бумаги...

— Если бы вы знали, как подло с нами поступили, — улыбнулась моя собеседница. — Знаете, на актах приемки стоит моя фамилия. Я приносила в некое агентство свои повести, а повести потом печатались под чужими именами. То есть у меня их просто украли!»

* * *

— Ничего себе, — протянула Елизавета. — Пока не могу понять, при чем тут наша Павлищева, но какие-то позывы к осмыслению имеются...

— «Не надо говорить красиво, брат Аркадий!» — взмолилась Нюша. — Скажи просто и ясно.

— Все это жуткая фигня, — постановила Елизавета. — Совершенно ясно, что Павлищева тут ни при чем, однако за ней бегают с пистолетами!

— Лучше подумайте над этим. — Нюша открыла новую страницу. — Вот вам форум. Здорово, да? Мне иногда кажется, что время частных сыщиков скоро канет в прошлое. Сходил в Интернет — и все там нашел!

— Еще бы голову иметь, — заметила Алиса. — У меня вот, например, пока в ней ничего не прояснилось... Почему дедуля читал эту газету?

— Из-за тебя, — предположила Нюша. — Скажем так, он знает, что ты связана с «Экслибрисом». Естественно, он заинтересовался.

— Но откуда он узнал?

— Вообще-то я не твой дедуля, — заметила Нюша. — Мне его скрытые мысли неведомы...

— А вот еще... Смотрите!

Они снова вернулись к компьютеру.

«Нужна помощь, обращайся к Фримену».

— Это еще кто такой? — спросила Алиса.

Далее следовали координаты. Надо было перемещаться в «другое пространство».

Нюша переместилась быстро и изящно.

— Вот вам Фримен. Всего лишь частный детектив. Ничего интересного... Координаты.

где его можно найти, и — полная тайна. Вряд ли он печатает тут стенограммы своих бесед с клиентами! Сплошная реклама, и... Однако! Смотрите, что тут!

Алиса прищурилась и увидела. «Авторские права в России». Небольшая статья, из которой Алиса сумела понять только одно: по закону она, даже если сильно захочет, не может отказаться от своих прав.

— Получается, что этот самый Фримен как раз занят авторскими правами, — пробормотала она.

— И напрямую связан с героиней той статьи, — задумчиво проговорила Ньюша. — Сдается мне, это именно тот парень, без которого мы задыхаемся!

— Может быть, ты без него и задыхаешься, но с моим дыханием все в порядке, — заворчала Елизавета.

Ньюша никакого внимания на ее протесты не обратила. Крутила диск указанного телефона.

— Ньюша, это вообще может оказаться подстава! — предупредила насторожившаяся Елизавета.

— Слушай, радость, может быть, это и, так, — кивнула Ньюша. — Вот только мы сами ни до чего умного пока не дошли. А Алиска у нас висит на волоске...

— Да вовсе не на волоске, — возразила Алиса. — И уж не толстяки с Надей Ивановной меня на этот волосок повесили... Тоже мне, Господа Бога нашли «в четверице единого»!

— Все равно не отвечает, — грустно вздохнула Ньюша, повесив трубку. — Так было бы хорошо все это предприятие свалить на умную мужскую голову!

— Женские головы соображают лучше, — сообщила Елизавета. — Мы и сами справимся, без вашего Фримена! И имя-то у него дурацкое!

— Это не имя. Это пароль, — пояснила Ньюша. — Что-то вроде клички...

— Вот и получается интернетовский бандит Фримен, — не сдавалась Елизавета. — Может быть, он киллер? Я вот недавно с Ванькой говорила, он как раз сдал детектив. У него в этом детективе киллера по Интернету нанимают!

— У Ваньки всех исключительно через Интернет нанимают, — хмыкнула Ньюша. — Сказывается, что, прежде чем стать Ангелиной Теребеевой, он долго работал программистом!

— Вообще-то девушка должна уметь сама защищаться, — сказала Алиса. — Елизавета права... А у нас есть шанс самим разобраться. Может быть, и в самом деле нам не нужен этот Фримен?

— Да его все равно нет, — вынуждена была сдаться Ньюша. — Но если у нас вечером ничего не выйдет, можете меня убить, но я перед смертью успею ему позвонить! Потому что интуиция подсказывает мне, что дело это серьезное.

Алисе интуиция подсказывала то же самое, поэтому она промолчала.

«Черт его знает, как повернется, — подумала она. — Тем более что последнее время все поворачивается странно...»

От размышлений на «заданную тему» Алису отвлек радостный возглас Ньюши:

— Здравствуйте, уж и не думала, что до вас дозвонюсь!

«Вот Ньюша может бороться с судьбой не хуже пресловутой Тани, — с легким оттенком зависти вздохнула Алиса. — Если ей надо дозвониться до загадочного Фримена... Господи, и почему людям правится самим придумывать себе идиотские клички? Словно имени им собственного не хватает! Может быть, чтобы ярче выразить собственную

индивидуальность?»

Нюша щебетала, как птичка, весьма невразумительно, на Алисин взгляд, объясняя ситуацию, а Алиса все пыталась представить себе этого Фримена. В ее воображении немедленно возник бледный худосочный тип с грязными прядями волос вдоль впалых щек и психоделическим бредом в глазах — ни дать ни взять ее первый «сердечный друг», навеки разочаровавший ее в мужчинах!

Тем страшнее для нее стало сообщение Нюши, когда та, закончив разговор, повесила трубку.

— Так, девушки, план меняется, — бодрым голосом сказала Нюша. — Нечего нам втроем изменять внешность и тащиться всем скопом к несчастной Парамоновой — ей для последующих страшных снов и одной меня хватит! Времени у нас мало, того и гляди — Алиску убьют, поэтому разделяемся.

— Как? — поинтересовалась Алиса.

— Просто, — пожала плечиком Нюша. — Елизавета отправляется в храм Божий выяснять отношения с дедулей...

— Но, — попыталась возразить Алиса, — это мой дедуля! Может быть, лучше я пойду к нему?

— И растаешь, не дойдя до середины разговора, — отмахнулась Нюша. — Близкие родственники от следствия отстраняются! И не спорь со мной, я старше на целый месяц и лучше тебя все знаю! Пойдет Елизавета и устроит дедуле исповедь!

— А я?

— А ты сидишь на берегу, тебе тепло и скучно, — пропела издевательским голосом Елизавета.

— Нет, — покачала головой Нюша. — Нечего ей на берегу сидеть. Она нас в это безобразие втянула, поэтому именно она отправится к Фримену и все ему более-менее подробно расскажет.

— Боже! — вырвалось у Алисы. — И почему именно мне всегда выпадает самое ужасное?

— Послушай, мне кажется, что самое страшное выпало мне, — холодно напомнила Нюша. — Я тащусь в стан врага.

— Давай лучше я, — попробовала предложить Алиса.

— Нет уж, ты отправишься к Фримену, и точка!

— Ладно, — вздохнула Алиса. — Все равно спорить с вами бесполезно... Дал же мне Господь вместо подруг два танка!

— По-моему, это я могу отгадать, — сказала она вслух.

— Ты хочешь сказать, что знаешь ответ на эту загадку? — спросил Мартовский Заяц.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Алиса насыпала в миски корм и, глядя, как Марго и Фаринелли с нескрываемой радостью принялись за трапезу, пробормотала:

— Даже котьям на меня наплевать...

Конечно, такое замечание показалось ей несправедливым — ведь если разобраться во всем правильно, все только и занимались вокруг что ее проблемами, но Алиса все-таки чувствовала себя безнадежно одинокой и оттого несчастной.

— Кроме всего прочего, я устала, — пожаловалась она умнице Марго. — Представь себе — жил себе человек спокойно, и вдруг оказалось, что жил-то он прямо на вершине Везувия!

Марго сочувственно вздохнула и потерлась головой об Алисину ногу.

— Ладно, Марго, все равно ничего не исправишь, — вздохнула Алиса. — И если подумать, мне досталось самое легкое. Какой-то Фримен, от которого никакого толка... Расскажу ему все, увижу, что это обычный паранормальный глупец, и буду ждать возвращения моих авантюрных подружек... Если, конечно, меня не пристрелят по дороге...

Марго подняла глаза на хозяйку — да что Марго! Такая мысль не понравилась и Фаринелли. В принципе и самой Алисе она показалась скверной, но что поделаешь, если обстоятельства заставляют ждать от судьбы подвоха?

Уже отправилась на «ответственное задание» Ньюша, хлопнула дверь за Елизаветой.

— Что ж, пора и мне, — грустно сказала Алиса.

Она погладила Марго, надела куртку, последний раз посмотрела в зеркало и улыбнулась себе — на удачу.

«Странно, — сказала она. — Почему я преисполнилась омерзительных предчувствий? Не стоит предаваться подобным настроениям, как сказал бы дедуля».

На улице было тепло, как весной, и даже ранние сумерки были нежными, голубоватыми, словно случилось чудо и началась весна...

— Все будет хорошо, — прошептала Алиса.

И так убедительно у нее это получилось, что она сама себе почти поверила.

— В конце концов, чувство страха еще ни одному человеку не принесло облегчения, — рассудила она. — И — если еще немного подумать, так лучше умереть, чем жить как крыса, спрятав носик в норку.

Последняя мысль ее очень приободрила. Алиса почувствовала себя Марией-Антуанеттой, собирающейся шагнуть на эшафот с гордо поднятой головой!

Вот так, с истинно королевской осанкой, она подошла к дому своего соседа.

То, чем он в данный момент занимался, Алиса отнесла бы к разряду дел, обычных для Лехи, если бы не одно но.

То, что Леха любит пострелять, Алиса прекрасно поняла — вот только на сей раз ее неугомонный сосед стрелял из рогатки!

Вид у него при этом был несколько озабоченный, как будто от меткости выстрела зависела судьба целого человечества. Он прищурился, отчего Алисе казалось, что он похож на стрелка-лучника.

Сначала Алиса не могла понять, что за физиономия служит мишенью для невинного развлечения Лехи, но, приглядевшись, не сдержала возгласа удивления.

Леха обернулся.

— Леха, чего ты палишь в убитого? — с ужасом спросила Алиса.

— Маркина, что ли? — переспросил Леха и немедленно прояснил ситуацию: — Потому что Маркин козел...

— Леха, это же нехорошо! Он мертвый!

— Да вот уж и хорошо, что мертвый, — безжалостно отрезал Леха.

Алиса опустилась рядом с ним на скамейку и выдохнула:

— Что с тобой творится, Леха? То ты по моему саду с револьвером бегаешь, то Маркина из рогатки расстреливаешь... И так голова кругом идет, а тут еще и ты со своими странностями!..

— А кто ж не странен? — удивил Алису философичностью суждений Леха. Он тяжело вздохнул и сплюнул на пол. — Ты тоже страненькая... Но ты приятная, а Маркин — козлиная вонючая...

— Ты, Леха, глупости говоришь! — рассердилась Алиса. — Мне твой Маркин тоже не нравился, но про мертвых — либо хорошо, либо никак! А ты его называешь мерзкими словами...

Леха тяжело вздохнул и повернулся к Алисе, рассматривая странную особу с таким видом, словно у нее над головой светился нимб.

— Чего ты на меня так смотришь? — встревожилась Алиса.

— Думаю, — мрачновато ответил Леха. — То ли ты, Алиска, святая, то ли дурочка... Вечно глупости мне советуешь, словно я тебя младше...

— Какие глупости?! — От возмущения Алиса даже ударила себя кулачком по колену. — Это древнее римское изречение!

— Ну да, конечно! Про каждую вошь надо говорить хорошо? — презрительно фыркнул харизматически неразвитый Леха. — Ты хоть знаешь, чего этот Маркин хотел?

— Нет, — честно призналась Алиса.

— Он хотел... — начал Леха и осекся.

— Договаривай! — взмолилась Алиса, чувствуя, что она только что была рядом с ответом, и — все сорвалось!

— Нет, не буду... — махнул Леха рукой. — Тебе, как дурочке святой, и знать не положено!

— Хорошо, — согласилась Алиса. — Не говори. Но почему ты стреляешь у меня в саду, это уж ты просто обязан мне объяснить!

Леха снова удивил Алису. Его крепкие щеки вдруг покрылись алым цветом, как у девочки-старшеклассницы, он отвел глаза в сторону и буркнул:

— А вот поэтому и стрелял... Чтобы Маркин этого с тобой не сделал!

— Да что ты имеешь в виду? — не выдержала Алиса. — Что Маркин со мной сделать-то хотел? Убить?

Леха даже подскочил.

— Убить? — переспросил он и загадочно усмехнулся. — Может, и убил бы он тебя... Кто знает? Только теперь ты, Алиска, можешь жить спокойно: я тебя в обиду не дам! — С этими словами он поднялся, пульнул в маркинскую улыбающуюся физиономию еще пару раз и двинулся в сторону дома.

— Леха! — попыталась остановить его Алиса, но он только махнул рукой, еще раз пробормотал про то, что она «под защитой королевской гвардии», и исчез в доме.

— Какой-то ужас, — пожаловалась Алиса, которую уже начинало мутить от безнадежности. — Все что-то знают и ничего не говорят! Господи, да пошли же наконец мне человека, который объяснит все более-менее доступным языком!

* * *

«Лучше бы меня послали к Фримену», — думала Елизавета.

Она поднималась все выше в гору, где упиралась куполом в небеса небольшая церковь.

— Мало того что мне придется целый час быть смиренной, — бормотала она себе под нос, отсчитывая шаги к горе, которую она уже окрестила «голгофой», — так еще надо надевать платок, который мне абсолютно не идет! Потом я должна допрашивать с пристрастием несчастного дедулю... И куда он умудрился вляпаться, наш дедуля? Вроде такой набожный человек, а вот тебе, пожалуйста! Не зря написано в Библии, что враги человеку — ближние его! Попал как кур в ощи́п из-за своей «ближней» внучки!

Наконец церковь приблизилась, и Елизавета позволила себе остановку. Ей отчаянно хотелось курить, она даже достала сигареты, но мимо протопали две веселые старушки, и по их виду Елизавета безошибочно определила, что они направляются туда же, куда и она.

Поэтому она спрятала сигареты, тяжело вздохнула, еще раз прокляла свое задание и пошла дальше, тем более что от церкви ее отделяло несколько шагов.

Перед церковью тусовались нищие, среди которых Елизавета выделила вполне здорового парня, который при виде Елизаветы, облачающейся в платок, радостно осклабился и завопил на всю улицу:

— Эй, красавица! Замуж хочешь?

— Можно подумать, это зависит от тебя, — огрызнулась Елизавета.

— А я возьму, — серьезно пообещал парень и подмигнул Елизавете.

«Боже ты мой, дедуля совсем здешний народец распустил», — вздохнула Елизавета, поморщившись и от дебильного оскала псевдонищего, и от запаха стойкого перегара, который он источал.

— От твоих благовоний башка кружится, — сказала Елизавета жениху с паперти.

— Дай милостыню, полегчает, — отозвался нахал.

— Бог подаст, — ответила Елизавета и толкнула тяжелую дверь.

В церкви еще было пусто. Елизавета осмотрелась, пытаясь найти кого-нибудь из служек. На месте оказалась только симпатичная женщина, торгующая свечами.

— Здравствуйте, — улыбнулась ей Елизавета. — А как бы мне увидеть отца Александра?

— Сейчас, подождите минуточку, — сказала женщина и махнула рукой.

Словно из-под земли вырос невысокий парнишка, которого Елизаветина собеседница

отрядила разыскивать отца Александра.

— Подождите немного, — попросила она.

— Спасибо, — кивнула Елизавета и отошла поближе к алтарю.

Чувствовала она себя уже спокойнее. «Не может быть дедуля гадом, — думала она, — так что не буду голову ломать, а прямо спрошу его обо всем... Даже если бы ему принялись угрожать Алискиной жизнью, дедуля бы не стал Иудой!»

— Лиза?

Она подняла глаза.

Дедуля шел к ней быстрыми шагами, и Лизе показалось, что его ноги не касаются земли — такой легкой и стремительной была его походка.

— Лиза, что-нибудь случилось? С Алисой? — В глазах дедули появилась тревога.

— Пока ничего, — решительно рванулась в бой Елизавета. — Но скоро случится... Если, конечно, ты не одумаешься...

— Я?! — Теперь тревога сменилась изумлением. — Что за глупости ты говоришь, Елизавета! При чем тут я? — развел руками дедуля.

— Дедуля, — торжественно заявила Елизавета. — Пришло время нам с тобой обо всем поговорить без околичностей! Прямо как на исповеди...

— Конечно надо... — согласился дедуля. — Потому что я не могу ничего понять!

— Мы тоже не можем многого понять, дедуля! — вздохнула Елизавета. — Например, мы не понимаем, что может связывать тебя с Алискиными убийцами!

* * *

— Спасибо, мой дорогой. — Томно хлопнув ресницами, Ньюша не спеша вылезла из машины.

Охранник, окинув взглядом ее обмундирование, на сей раз даже не засомневался, что эта дама, источающая благополучие, как дорогие духи, имеет непосредственное отношение к вверенным ему жильцам.

«Все-таки наш народ глуповат, — вздохнула про себя Ньюша. — Остатки купеческого отношения к жизни не выветрятся никогда! Встречать упорно будут по одежке, а не по уму!»

Раболепное отношение охранника ее только смешило — впрочем, к этому Ньюша уже привыкла.

Поднявшись на лифте, она подошла к знакомой двери.

Прошептав «с Богом», постучала, стараясь соответствовать придуманному образу — много глупости, много самоуверенности и в то же время некоторое раболепие.

Дверь открылась.

— Добрый вечер, — скромно потупилась Ньюша, подумав, однако, что Алиска с Елизаветой довольно точно описали ей Паршивцева.

— Вы — Анна Вяземцева?

— Да, — кивнула Ньюша.

— Проходите, мы вас ждали...

«Ну, вот и сбылась мечта идиотки, — вздохнула про себя Ньюша, появляясь на пороге гостиной, где собрались все представители «литературной банды». — Попала ты, Вяземцева, прямо в объятия мафии, и дети останутся сиротками! Надо было перед походом завещать их

Алиске — по крайней мере, уж она-то сумеет вырастить их порядочными людьми!»

— Знакомьтесь, это наша новая... — Паршивцев замялся, — сотрудница. Человек, влюбленный в литературу. Думаю, мы сможем быть обоюдно полезны друг другу...

— Но вы же еще не читали мои произведения, — возразила Нюша, сохраняя образ «непорочной глупости».

В большой комнате собрались те, кого раньше Нюша только представляла, ориентируясь на рассказы подружек, а теперь имела счастье лицезреть воочию. В толстяке с ласковыми глазами она быстро опознала Мерзавцева. Рядом почитывал журнал молчаливый и внушительный Гориллов. Стоило только Нюше появиться в комнате, откуда-то из темноты явился высокий худой дядька с седыми волосами. Извиваясь по-змеиному, он склонился перед Нюшей в поклоне.

— Илларионов, Александр Викторович, — представился он, пожимая Нюшинь пальчики с улыбкой, которую Нюша сразу охарактеризовала «раболепной и злой одновременно».

«Искарриотов, наполненный желчью и ядом вечной зависти, — вспомнила Нюша меткую характеристику Алисы. — О, Алиска, как всегда, чересчур добра», — подумала Нюша.

Глаза Илларионова, скрытые тонкими стеклами очков, внимательно смотрели на Нюшу с пронизательностью бывшего следователя НКВД, который и «на покое не знает покоя». И еще Нюше показалось, что Илларионов пробовал себя в литературе. Пробовал, пробовал, но ничего путного не вышло. И с тех пор Илларионов воспылал к писательской братии стойким чувством неприязни, если не сказать — ненависти. А эту ненависть, как горчицей, приправил ядовитой завистью, тщательно скрытой за чересчур ядовитой, язвительной учтивостью. «Такая учтивость, милостивый государь, граничит с хамством», — мысленно заявила ему Нюша и немного испугалась, что он поймал эту ее мысль.

— Это Наденька, — подвел ее Искарриотов к высокой девице.

«Почему-то они оба похожи друг на друга, — пришло ей в голову. — Что-то общее...»

Наденька подняла маленькую головку и важно кивнула, словно показывая Нюше, что от нее тоже многое зависит.

Шестой была уже известная «писательница» Парамонова.

— Знаете, Анечка, — сказала она, поднимаясь навстречу Нюше, — у нас в связи с вашим приходом теперь счастлиное число. Вы — седьмая. И мы очень рады вас приветствовать в нашем кругу!

Нюша покраснела — «сейчас я рассмеюсь!», — но Парамонова восприняла появившийся на щеках Нюши багрянец как великое смущение и ласково похлопала ее по руке.

— Ну, будет вам! Не смущайтесь! Все у вас получится, поверьте мне!

«Господи, как хорошо, что Ты создал некоторых людей такими самоуверенными!» — подумала Нюша.

— Я принесла вам...

— Подождите, подождите, милая, — остановила ее Парамонова. — Сначала нам надо с вами поговорить... А уж потом мы обратимся к вашим безусловно талантливым пробам пера. Дело в том, что нам нужна ваша помощь.

— Помощь? — переспросила Нюша. — Конечно, если я смогу...

— Вот и славно, — снова похлопала ее отечески по руке Парамонова и обернулась к

Искариотову: — Сашенька, голубчик, объясните нашей гостье, в чем суть проблемы... Только постарайтесь покороче, ладно?

* * *

В автобусе было холодно, и Алиса сжалась в комок, пытаясь согреться.

«Хоть народу мало», — подумала она. В салоне и в самом деле кроме Алисы было только три человека.

Водитель слушал шансон. Кстати, подумалось Алисе, почему блатные песни называют шансоном? Шансоны-то должны быть исключительно французскими, поскольку у Алисы в голове при этом слове немедленно возникали ассоциации с Азнавуром, Жаком Брелем, но уж никак не с «Лесоповалом»!

— Да голова у тебя другая, — сказала она себе под нос. — Вот и сейчас ты готова думать о чем угодно, только не о деле!

Невидимый певец жалобно стenal о годах, проведенных на зоне без женского тепла.

По дурной филологической привычке Алиса отметила целый ряд неправильных склонений. «Ох, зануда же ты, Павлицева!» — подумала она и улыбнулась.

Сидящий перед ней мужчина, по виду которого любой немедленно определил бы «годы, проведенные без женского тепла», поймал Алисину улыбку и отнес ее на свой счет. Видно, он немного расслабился, и под действием «родной» музыки душа запросила романтики и любви.

Поднявшись, он подсел к Алисе и принялся изучать ее профиль. Делал он это долго, внимательно и выразительно.

Алиса даже начала нервничать — общение с этим явно уголовным типом в ее планы не входило. «И так радостей в жизни хватает», — усмехнулась она про себя.

Она попыталась отвлечься, но сосед явно не собирался сдаваться.

— Простите, мы не встречались? — доверительно спросил он, накрыв Алисину руку своей могучей дланью, на которой Алиса, к собственному ужасу, увидела наколку, сообщающую непросвещенной части человечества, что без женского тепла этот человек обходился ни много ни мало пятнадцать лет.

Алиса прикинула, за что дают такие сроки, и ей захотелось немедленно покинуть гостеприимный автобус. Конечно, она могла бы рассуждать иначе: какая разница — одним убийцей больше на ее голову, одним меньше, но почему-то эти доводы показались ей неубедительными.

— Нет, — выпалила она, поднимаясь. — Мы не встречались.

— Погоди-ка, — ласково сказал «уголовный сердцеед». — Не встречались — так встретились теперь! Куда же ты убегаешь?

Алиса попыталась отодвинуться, но не тут-то было!

Поняв, что миновать преграду в виде его колена ей вряд ли удастся без трагических последствий, Алиса тем не менее сделала еще одну попытку.

— Пропустите меня, — сказала она. — Мне пора выходить...

«В следующий раз без Лехи из дому не выйду», — пообещала она себе, стараясь не смотреть в лицо навязчивому ухажеру — от бессмысленного выражения его маленьких темных глаз ей становилось дурно.

— Нам пора выходить, — поправил он ее. — Теперь, девочка, тебе нечего бояться. Теперь я с тобой.

От этих угрожающих слов Алиса, как ни странно, очень разозлилась.

— Послушайте, — сказала она. — Мне кажется, вы ошиблись. Я не собираюсь с вами никуда идти. У меня есть свои дела, и мне, честное слово, сейчас не до вас!

Она снова попыталась сделать шаг, но автобус остановился, Алиса качнулась и оказалась неожиданно для себя в цепких объятиях настойчивого уголовника.

— Пустите меня! — прошипела Алиса, пытаясь освободиться от уз «невиданного счастья».

Он ничего не ответил, только сжал ее покрепче да ухмыльнулся прямо в лицо.

— Добрый вечер, Алиса Игоревна, — услышала Алиса знакомый голос, подняла глаза — и остолбенела.

«Боже мой, — пронеслось в ее голове. — Что же он теперь обо мне подумает?»

— Здравствуйте, Андрей Михайлович, — проговорила она, потирая запястья, — теперь она была свободна: ее поклонник, испугавшись чего-то, выпустил ее из рук. Но никакой радости по поводу чудесного освобождения Алиса не испытывала. «Теперь он точно решит, что я бандитка», — тоскливо подумала Алиса.

— Здравствуйте, Андрей Михалыч, — пробормотал уголовник, чьи матримониальные планы разбились таким банальным способом.

— Здравствуйте, Штырев, — сурово кивнул ушастый тюлень. — Опять к девушкам пристаете?

— Да я не знал, что это ваша знакомая.

— Давайте уж на всякий случай договоримся, что большинство девушек в этом городе — мои знакомые, — кивнул Андрей Михайлович и протянул Алисе руку.

— Спасибо, — благодарно выдохнула она, выбираясь со своего места.

— Не за что, — улыбнулся он. — У Штыря вечная проблема с женщинами... Сначала он их нежно любит, а потом сталкивается с непониманием и... иногда убивает, — пожал плечами следователь.

Алиса невольно поежилась.

Опасливо обернувшись, она заметила, что «романтичный убийца» не собирается выходить на ее остановке, и немного успокоилась.

Она простилась с Андреем Михайловичем и вышла из автобуса. Сейчас ей снова все казалось зловещим и мрачным. В ушах еще звучали рефреном слова «иногда убивает... убивает... убивает...».

— Как колокольный звон... — прошептала она и тут же вспомнила: «Колокол плачет по ком? Да по тебе...»

Она немного постояла, подождала, пока бурные чувства понемногу улягутся, вздохнула и пошла вдоль малолюдной улочки, ведущей вниз, к Волге.

Где-то здесь, в одном из стареньких домов, жил Фримен.

От безмолвия старинной улицы, недавней встречи и вечернего холода Алисе снова стало немного страшно, и она ускорила шаги.

«И живет-то этот Фримен в дурацком месте», — снова вернулось к ней недовольство еще неведомым ей, но уже бесконечно противным типом.

Шаги отдавались гулко — на этой улице еще чудом сохранилась мостовая старой кладки.

Алиса остановилась, достала сигареты и... услышала позади себя быстрые шаги. Словно ее кто-то догонял. Она обернулась. Когда смутные очертания фигуры стали более четкими, она вздрогнула и невольно отпрянула в тень.

«Господи, — пропищал внутри тоненький голосок страха. — Откуда он здесь взялся? Зачем?»

* * *

— Так будет уютнее, — сказала Парамонова, включая настольную лампу с красным абажуром.

Нюше показалось, что от красноватых бликов присутствующие стали похожи на вампиров или участников музыкально-спиритуального утренника, но истинные чувства она скрывает — в конце концов, у каждого человека собственные понятия об уюте. Кроме того, вся компания вызывала в ней жалость. «Надо же, — думала она, украдкой рассматривая этот «бомонд». — Они так стараются выглядеть милыми и симпатичными, а у них ничего не получается!»

— Ну, вот и поговорим...

Перед Нюшей появилась красная чашечка с пасторальной картинкой: дамочка в кринолине восторженно смотрела на читающего мадригалы светловолосого пажа.

Картинка Нюшу отчего-то ужасно развеселила и даже немного успокоила.

— Так вы говорите, что хотите стать писателем?

— Именно так, — подтвердила Нюша предположение господина Парамонова. — Знаете, очень хочется увидеть свою фамилию на книге... Говорят, чувство необыкновенное. Словно... — Она чуть не сказала — «дотронулся до вечности», но вовремя остановилась. Ее «образина» таких пассажей изобразить не могла. — Ой, да не знаю как сказать, — махнула она ладошкой и для пущей убедительности хлопнула ресницами. — Просто хочется — и все!

— Очень хорошо, — пробормотал господин Парамонов и протянул руку ладонью вверх. — Давайте, — коротко бросил он.

— Что?

— Рукопись. Мы посмотрим.

Нюша протянула ему дискету.

— Подождете пять минут? — деловито спросил он.

— А вам что, хватит пяти минут? — пролепетала Нюша.

— Деточка, — отечески похлопал ее по плечу господин Парамонов. — Чтобы определить, насколько человек талантлив, хватит и секунды...

Нюша была с ним не согласна, но «образина» спорить не имела права. Только хлопнула и промолчала.

— Да вы не бойтесь так, — снисходительно проговорила Парамонова. — Я тоже сначала боялась, а теперь ничего... Привыкла.

Илларионов странно хихикнул, а Наденька продолжала молчать, словно боялась, что ее значимость будет уменьшена высказанными словами.

Мерзавцев удалился вместе с Парамоновым, а Гориллов продолжал накачиваться пивом, игнорируя не только благородное общество, но и благородные напитки.

«Ну и компания подобралась, — подумала Нюша. — Просто «живые мертвецы» какие-»

то...»

Резко зазвонил телефон.

Парамонова подняла трубку и удивленно вскинула брови.

— Надя, это вас, — сказала она.

Надежда Ивановна подскочила как ужаленная и схватила трубку.

— Да, — сказала она. — Да, сейчас попробую... Спасибо...

Потом довольно решительно двинулась к двери, за которой скрылись Парамонов и Мерзавцев, постучала.

— Простите, но мне надо срочно уйти...

— Надя, что-то случилось? — немедленно поднялся Илларионов.

— Нет, все в порядке... — успокоила их Надя. — Я потом все объясню... — И она быстро удалилась.

«Узнать бы куда, — подумала Нюша. — Жалко, что я не могу вот так же быстро найти причину для внезапного ухода...»

Парамонов с Мерзавцевым уже вернулись и выглядели удрученными.

— Что, так плохо? — пробормотала Нюша.

«Неужели им не понравился Картер Браун? — удивилась она. — Конечно, было трудно переделывать имена, но я так старалась...»

— Видите ли, Анечка, — начал Паршивцев, старательно уводя взгляд в сторону. — Конечно, это не шедевр, что греха таить... Вам надо немного поучиться у мастеров жанра... Скажите, вам очень хочется напечататься?

— Очень, — прошептала Нюша.

— Очень хорошо...

Что в этом было хорошего, Нюша пока понять не могла. Конечно, Картер Браун нравится не всем, но ведь назвать его так запросто «учеником» — смелости надо набраться!

— А что вам важнее — ваше имя или тексты?

— Я вас не поняла, — пискнула Нюша.

— Скажем так — вам надо учиться. Возможно, учиться придется долго... Но есть выход. Есть авторы, которые не хотят, чтобы их имя было вынесено на обложку...

— Но ведь есть псевдонимы, — робко возразила Нюша.

— Вот о псевдонимах-то и речь. Поскольку эти авторы весьма многочисленны, а сами понимаете, раскручивать для каждого свой псевдоним — дело трудоемкое и требующее затрат, мы объединяем их под одним... Нам совершенно все равно, как выглядит человек на обложке и как его зовут. Если на обложке появится ваше имя, ваша фотография, но, пока вы обучаетесь азам литературного труда, этим воспользуются другие авторы... Вы ничего бы не имели против?

— Нет, — решила не возражать Нюша.

— Оч-чень хорошо, — потер ладони Парамонов. — Тем более что к тому моменту, как вы начнете писать хорошо, ваше имя уже будет известным... Есть только одно небольшое но.

— Говорите, — попросила Нюша.

Ситуация становилась все более интригующей. Умная Нюша могла бы задать кучу вопросов, но сейчас вместо Нюши была «образина». Поэтому все воспринималось с безграничным доверием. «Дяди умные, дяди лучше знают...»

— Видите ли, Нюша, люди сейчас алчные. Особенно это касается наших авторов... Мы ввели своеобразную систему, позволяющую сохранять и волков и овец... Если вы заплатите

авторам, которые будут работать на вас, определенную сумму, все будет нормально!

Он так отчаянно косил глазами, что Нюше стало смешно.

«Дяди не умные, — подумала она. — Дяди жадные...»

— Сколько? — поинтересовалась она вслух.

Он выдохнул с облегчением и коротко рассмеялся.

— Ну, вот и пошел деловой разговор, — удовлетворенно потер он ладони. — Давай-ка чаю, Леночка!

* * *

Он шел за Алисой, теперь у нее не было в этом никакого сомнения!

Она ускорила шаги, пытаясь справиться с охватившим ее страхом, и почти бегом влетела в подъезд. Теперь осталось только подняться на третий этаж.

Она поднялась туда с невиданной быстротой, прыгая через ступеньки.

— Вот его дверь, — пробормотала она и нажала на звонок.

Внизу хлопнула дверь, послышались быстрые шаги.

«Господи, это он, — подумала Алиса. — Все... Ну, открывайте же, пожалуйста! А то и открыть-то будет некому... Вам же хуже, потому что на ваши руки упадет мой бездыханный труп!»

Становиться трупом ей совершенно не хотелось, поэтому она забарабанила в молчаливую дверь ногами, забыв про воспитанность.

Да и какая там воспитанность, когда шаги уже были слышны за спиной, и она ни минуты не сомневалась — это подходит Смерть!

— Вы ко мне? — услышала она за своей спиной знакомый голос и медленно обернулась. — Надо же, это вы, Алиса, — проговорил Игорь, открывая дверь. — Проходите... Честно говоря, вас я рассчитывал увидеть меньше всего!

— Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, — сказал он. — Спустишься под горку, перейдешь ручеек — и ты Королева!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

«Теперь я знаю, как выглядит немая сцена, — подумала Елизавета. — Теперь я, можно сказать, сама являюсь ее участницей».

Насмерть перепуганный дедуля стоял, схватившись рукой за сердце. Был он бледный, и у Елизаветы сложилось твердое ощущение, что он сейчас упадет замертво.

— Да уж, — пробормотала Елизавета. — Мало было одной печали, еще одну черти накачали...

— Лиза, что с Алисой, — выдавил с трудом дедуля. — Она жива?

— Сейчас сказать точно не могу, — честно ответила Елизавета. — Но хочется верить, что с ней пока все в порядке...

Он молчал, смотрел на Елизавету недоверчиво.

— Тогда почему ты говоришь об убийцах? — осторожно спросил дедуля, когда до него наконец-то дошла мысль, что вряд ли Елизавета сейчас разговаривала бы с ним, случись с Алисой что-то страшное: скорее всего, перед дедулей стоял бы Андрей Михайлович.

— Потому что ее все время пытаются убить, и, по моим подозрениям, этой нездоровой идеей одержимы твои приятели, дедуля! — мрачно сообщила Елизавета.

— Какие приятели? — беспомощно оглянулся дедуля на иконы, словно ища у них поддержки.

— Такие, — безжалостно ответила Елизавета. — Игорь и Сара!

— Но при чем тут Игорь и... Сара! Они имеют к Алисе только косвенное отношение! — запротестовал дедуля, подозрительно замешкавшись перед тем, как произнести имя иностранной мошенницы. — Они просто не хотели пока говорить Алисе всю правду — им надо было утвердиться в подозрениях!

— Как, утвердились? — иронично хмыкнула Елизавета. — Только в чем они утвердились, вот вопрос...

— Раз уж пошла у нас такая неразбериха, надо что-то делать, — вздохнул дедуля. — Говорил я им, надо обо всем посоветоваться с девочками, и вот тебе — пожалуйста!

— Правильно, дедуля, — согласилась Елизавета. — Давай являйся с повинной и во всем чистосердечно колись! Пока твою дорогую внучку не ликвидировали как ненужную свидетельницу преступлений!

— Елизавета, перестань меня пугать! — взмолился дедуля. — Игорь и Света не имеют никакого отношения к бандитам!

— А кто они тогда? — спросила Елизавета.

— Нет, Лиза, это долгая история! — протестующе поднял руки дедуля. — Если Алисе что-то угрожает, надо торопиться! Где она сейчас?

— Пошла к Фримену, — ответила Елизавета.

— К кому? — расплываясь в улыбке, переспросил дедуля.

— К Фримену, — повторила Елизавета и очень удивилась, когда дедуля облегченно выдохнул:

— Слава Богу! Ей ничего не угрожает...

Алиса еще не знала, как ей относиться к появлению Игоря.

— Что вы тут делаете? — наконец решилась спросить она, уже предчувствуя ответ.

— Я здесь живу, — усмехнулся он. — Можно задать вам ответный вопрос?

Алиса ничего не ответила.

Он сам ответил за нее:

— Впрочем, я знаю. Вы пришли к некоему Фримену, который должен помочь вам выпутаться из щекотливой ситуации. Так?

Алиса кивнула.

— Проходите, в подъезде холодно...

— Я боюсь, — честно призналась Алиса.

— Кого? — удивился Игорь. — Фримена?

— Вас...

— А вам не кажется, что вы всегда боитесь не тех людей, которых следует? — усмехнулся он. — Не знаю, как вы, но я замерз и хочу кофе. — С этими словами он буквально втащил ее в квартиру. — Вот теперь можете совершенно расслабиться, — сказал он, стаскивая куртку. — Я займусь кофе... Проходите, комната вон там.

Алиса, которой происходящее казалось совершенно непонятным, вздохнула, но подчинилась.

Комната была небольшой, повсюду царил беспорядок, и тем не менее Алисе было очень уютно.

Она подошла к огромному стеллажу с книгами. «Самое странное, что я не боюсь, — подумала она, неуверенно оглядываясь назад. — Как будто я пришла наконец-то туда, куда мне давно следовало прийти...»

— Вот и кофе, — услышала она за спиной.

Она как раз взяла с полки книгу, но теперь захлопнула ее, словно испугавшись чего-то.

— «Его опьяняет запах опасности, как других опьяняет вино или музыка», — процитировала она и, смутившись, спросила: — А где же Фримен? Мы договаривались с ним о встрече...

— Если бы я знал, что встречу мне назначили вы, Алиса, я двигался бы куда быстрее, — усмехнулся Игорь. — Фримен — это я...

* * *

Все устроились в гостиной с дымящимся кофе, но чувствовали себя неудобно. Беседа, которую они вели, была столь светской, что о ней и говорить-то скучно. Все словно потеряли способность произносить длинные фразы, отделяясь ничего не значащими словами, а Нюша вообще предпочитала молчать, всецело отдавшись процессу обдумывания ситуации. Гориллов сверлил взглядом беззащитную Нюшу. На нее Гориллов тоже произвел отрицательное впечатление, так что иногда она сожалела о том, что «образина» не может ответить тем же. Парамонова делала вид, что заинтересованно следит за ходом беседы, но

Нюше казалось, что ей уже все равно.

— Простите, — робко спросила Нюша, немного уставшая от пространных рассуждений Паршивцева о трагических судьбах российской интеллигенции, — вам совсем не понравилась моя повесть?

— Язык, деточка, язык, — вздохнул он, разведя руками. — Знаете, Довлатов писал каждое слово в предложении с новой буквы. Учитесь у мастеров...

«Довлатов писал так нарочно, — вертелось у Нюши на языке. — Чтобы быстро не писать. Попробовала бы Елизавета извратиться подобным образом! Или Алиска... Вот пошло бы веселье! Вы уж простите, но сдавать вам книги два раза в месяц мы не можем. Букочки выписываем... Или эти люди и впрямь думают, что писательство — труд легкий и незначительный?»

Но Нюша могла так ответить, а Образина нет. Образина скромно промолчала, мешая в чашечке сахар. Образина была глупенькой и жадненькой до чужого успеха.

— Так вот, у нас есть предложение...

— Я поняла, — кивнула Нюша, искренне опасаясь, что Спаситель Русской Интеллигенции снова примется воздвигать самому себе словесный монумент. — Вы не сказали только, во что это выльется...

— Двадцать тысяч, — едва слышно выдохнул Паршивцев и скромно потупился. — Поверьте, это немного... Скажем, под ваше имя будут работать четыре автора. Каждому мы должны заплатить по пять тысяч. Зато вы получите книжку со своим именем и часть гонорара...

«Часть гонорара» было сказано почти шепотом, из чего Нюша заключила, что ей рассчитывать на эту самую часть не стоит.

— Чего-то я не понимаю, — проговорила Нюша, вспомнив недавно прочитанное интервью Дэвида Духовны. — Вы используете мое имя, мое лицо, тело, наконец, — а плачу вам я, так, что ли? Разве не вы должны мне?

Они переглянулись.

— Как вы не понимаете, — терпеливо продолжил увещевать несознательную «Образину» Спаситель Русской Интеллигенции. — Так вас никто печатать не станет... Я уже говорил вам, потенциал-то есть, но язык... Очень слабенький. Отклонят. Теперь смотрите, что получится в том случае, если вы согласитесь избрать наш путь. Профессиональный автор пишет за вас. Вещь, безусловно, принимается. Потом еще. К вашему имени привыкают. И издатели и читатели... Они уже знают, что Дарья такая-то пишет приятные книги, и, когда вы наконец-то решаете издать собственное творение, у вас уже нет никаких проблем! Вам все рады... Ваше имя раскручено. Пишите себе на здоровье что вам хочется... Главное ведь имя, а не содержание...

«Да уж, получается весело, — вздохнула Нюша. — Лизе и Алиске говорят, что важно содержание, а не имя, а мне предлагают другой винегретик... Чудные люди, чудные! Радость распирает душу, когда встречаются подобные образцы на моем жизненном пути! Я-то, наивная, думала, что торговать можно только сигаретами и всяческим ширпотребом, ан нет! Чужой интеллект тоже пригоден для купли-продажи... Ребята! Потом вы начнете говорить о «свободе слова»! Какая может быть свобода у того, что стало предметом купли-продажи?»

О, как ей хотелось встать, послать их всех на великом и могучем русском сленге, швырнуть об пол этот дорогуший бокал и уйти!

Она сдержалась. Этим поступком добиться чего-то трудно. Надо играть, раз уж

дяденькам нравится играть, то ей, Нюше, тоже нравится... Вопрос в том, кто кого переиграет...

— Наши клиенты, представьте, печатаются за границей... Вот недавно одна Леночкина знакомая приехала из Португалии... А там ее знают! Оказывается, очень популярна наша Леночка за границей...

Леночка скромно и с удовольствием потупилась и зарделась. Нюша так сжала кулаки, что кости захрустели. «Леночка популярна... — повторила она про себя. — Девицы мои глупые, слышь, возят, а Леночка отвозит...»

Ох и пакостно было на душе от всего этого крутого фарисейства!

— Я подумаю, — кивнула Нюша. — До конца вечера, — пообещала она и обаятельно улыбнулась.

«Бедняга Браун, — подумала Нюша, пряча дискету обратно в сумочку. — Не прокатил ты у местных издателей, брат! У нас, парень, свой менталитет — ничего не попишешь!»

* * *

— Сколько откровений за один день, — пробормотала Елизавета. — Хотя тот факт, что этот твой Фримен детектив, ничего не доказывает! Детективы все ужасные проходимцы, так что они с этой Светой просто запорошили тебе мозги, а на самом деле запросто работают на Паршивцева...

— С какой же стати? — удивился дедуля. — Фримен-то ладно, но при чем тут Света? Она, к твоему сведению, и есть та самая девушка, которая дала интервью...

— Сначала дала, потом взяла... — возмущенно подняла подбородок Лиза. — Как она узнала, что Аляске должны подбросить Сару?

— Ромик сказал, — объяснил дедуля. — Им ведь надо было поймать этого прохвоста на месте преступления, Лиза, как ты не понимаешь? Вы статью-то читали, да главное пропустили! Этот тип рассказал Свете про «Несравненную», только так преподнес дело, будто это он ее нашел! Света как раз искала сюжет и написала, да так здорово продумала все преступление, что угадала почти наверняка все его замыслы! А когда она узнала от Ромика, что такая икона и в самом деле есть, не на шутку перепугалась. И обратилась к Игорю...

— Значит, Алиску убивать собрались из-за иконы? И рожа в окне — тоже из-за иконы?

— Про это я ничего не знаю, — развел руками дедуля. — Мне кажется, Алиса тут все-таки ни при чем...

— И дискета ни при чем, — подумала вслух Елизавета. — Получается, Нюша в компании Паршивцева с супругой зря страдает... Надо придумать, как ее из этой дурной компании вытащить! А то неизвестно, чем это кончится...

Взгляд Елизаветы был таким суровым, что дедуля невольно вздрогнул. Как-то у нее убедительно все получалось. Сказывалась привычка писать триллеры, к тому же Елизавета настолько была уверена в своей правоте, что любые сомнения под напором ее уверенности таяли. Дедуля почувствовал, как по спине пробежали мурашки, и, оглянувшись на дверь, прошептал:

— Почему ты думаешь, что все кончится плохо для Нюши?

— Потому что, — доступно разъяснила свою позицию Елизавета.

— Ничего не понимаю, — признался дедуля. — Конечно, ваши начальники — те еще

мошенники, но ведь не убийцы...

— Вам с Алиской вообще мир кажется безобидным, — фыркнула Лиза. — Вы у нас все видите в розовом цвете... Поэтому Бог послал вам меня, чтобы я могла защитить вас от всяких там «враждебных вихрей»...

Пока она явно не справлялась с обязанностями, возложенными на нее Господом, и жестокий мир периодически обрушивался на несчастных в виде убиенных гоблинов. Елизавета чувствовала свою вину за уже свершившееся.

— Короче говоря, мне эта бандитская шайка не нравится, — сказала Лиза. — Мне вообще в последнее время все кажутся подозрительными... Просто я никак не могу все связать в одну цепочку — убиенных гоблинов и твою чудотворную икону! Не потому что ума не хватает, а исключительно из-за отсутствия времени на размышления! Все так быстро крутится, что у меня уже мозги кипят, а идей никаких не выдают!

— Может быть, мы тогда просто вызовем Андрея Михайловича? — робко предложил дедуля. — Расскажем ему все, и пусть мозги кипят у него...

— Нет уж! — возразила Лиза. — У нас пока и предложить ему нечего — никто икону не украл, все в порядке.

— Так если ее украдут, будет уже поздно!

— Вот мы и должны сделать все возможное, чтобы ее не украли, но при этом постараться поймать гадов с поличным, — сказала Елизавета. — А твоего тюленя ушастого мы позовем, когда будем держать воров за руку...

— И что ты предлагаешь?

Лиза загадочно усмехнулась и ничего не ответила.

— Ну? — не отставал дедуля.

— У меня есть кое-какой план, — поведала Лиза, и дедуля уже приготовился выслушать его, но Лиза не собиралась договаривать. — Сначала я должна помочь Нюше, — сказала она. — А потом — все остальное...

Она резко развернулась и быстрыми шагами пошла к выходу, целиком сосредоточившись на одной проблеме.

Уже на выходе Елизавета обернулась.

— Лиза, пожалуйста, поосторожнее, — попросил дедуля.

Елизавета кивнула.

«Конечно буду, — подумала она. — Вот еще охота погибать во цвете лет из-за таких невероятных глупостей!»

* * *

В гостиной у Парамоновых по-прежнему царил идиллия. Парамонов пытался обольстить Нюшу, подливая ей в бокал вино, госпожа Парамонова от скуки строила глазки Гориллову, который продолжал читать книгу. Присмотревшись, Нюша поняла, что читает он «Сборник анекдотов». Мерзавцев общался вполголоса с Илларионовым.

— Как вы понимаете, никто безвестного автора печатать не станет, — делился богатым опытом Парамонов. — А ведь литераторам нужно жить... Вот и была придумана система псевдонимов...

Нюша наконец-то рассталась с остатками блаженного опьянения, и ей это не очень-то

нравилось. Она сидела, отрешенно смотря в окно, с таким видом, словно только что рассталась с иллюзиями, и мир предстал ее взору таким пошлым и банальным, что она не знала, как ей теперь быть. То ли принять его таким, каков уж он есть, то ли все-таки прыгнуть с моста.

Она на всякий случай кивала послушно, напоминая самой себе китайского болванчика.

— Кстати, куда ушла Наденька? — вспомнил Парамонов.

— Вы ее отпустили, — напомнил Илларионов. — Какие-то личные проблемы...

— Ладно, ладно. — Парамонов, похоже, уже превысил норму спиртного.

«Единственный плюс в этой компании тот, что я рядом с ними становлюсь просто тростинкой... — пришло Нюше в голову. — Сколько же надо съесть писателей, чтобы так расширяться на уровне талии?»

— Так вот, Анечка, вы поможете нам, а мы в свою очередь поможем вам... К этому времени вы научитесь писать и обретете громкое имя... — На последнем слоге Парамонов громко рыгнул и глупенько хихикнул. — Пардон, — пробормотал он и немедленно наклонился к Нюшиной руке. — Так что вы надумали? Вечер уже подходит к концу...

— Решайтесь, Анечка, решайтесь, — прошептала Нюше в ухо Парамонова.

— А вы тоже купили имя? — поинтересовалась Нюша.

Эффект превзошел все ожидания.

Парамонова дернулась, как от удара, и покраснела.

— Нет... — пробормотала она. — Не знаю... — И быстро удалилась в сторону кухни.

— Ну так как?

«Боже мой, он даже не скрывает, что мои деньги сейчас самое главное!» Нюше ужасно хотелось послать всю эту компанию «прямо по курсу», высказать напоследок все, что она думает! Но отступить было поздно. Нюша заметила, что запас красноречия растолстевшего Кисы Парамонова не иссяк, и испугалась, что он продолжит свои пространные речи.

— Я все поняла, — кивнула она поспешно. — Когда вам привезти деньги?

* * *

«И почему все-таки все мои приключения носят такой криминальный характер? Люди живут спокойно, ничего с ними не происходит, а мне всегда не везет!» — думала Алиса.

Может быть, кто-то наложил на павлищевский род проклятие?

Даже в любви ей признаются в тот момент, когда Алисины мысли заняты исключительно грабежами, убийствами и покушениями! Естественно, Алисе не до этого — какой нормальный человек сможет отдаться целиком личной жизни, когда общественная напирает со всех сторон в виде убитых гоблинов?

«Да и сам предмет оказывается сыщиком, — грустно подумала она. — Спасибо не бандитом!»

— Как все странно, — вздохнула она. — Я никак не могла представить себе, что вы — сыщик и уж тем более... — Она осеклась.

— Что я читаю Борхеса? — рассмеялся он. — Вы ведь тоже странное существо, Алиса!

— Почему это я странная? — мгновенно обиделась Алиса.

— Когда я с вами познакомился, я не мог сопоставить то, что рассказывал о вас отец Александр, с тем, что видел перед собой, — задумчиво сказал Фримен. — Ваш дедушка

говорил, что вы храбрая и мужественная, а я видел перед собой странное существо, запуганное, загнанное в угол... Я даже пытался прочитать эту вашу Элайзу! Алиса, зачем вы это пишете?

— Я работаю...

Сейчас Алиса сама ненавидела себя за этот оправдательный тон. «Да зачем, — возмущался внутренний голос, — зачем ты оправдываешься перед этим типом?»

— Лучше бы вы писали детские сказки, — не дал ей договорить Фримен. — Вы наверняка справились бы с этим, потому что вы — Алиса. Сами того не ведая, вы населили бы мир вокруг себя Шляпниками, Чеширскими котами, только очень серьезно относитесь к карточной колоде...

Подняв глаза, Алиса встретила спокойными серыми глазами, в глубине которых таилась легкая улыбка.

«Ну, вот сам же похож на Чеширского кота, — подумала она. — И точно так же то появляется, то исчезает...»

— Вы обещали рассказать мне, как познакомились с дедулей, — напомнила Алиса.

— Мне кажется, что у Светы это получится лучше, — усмехнулся он. — В отличие от вас обеих я никогда не отличался литературными дарованиями...

— Расскажите сухо, как в милицейском протоколе...

— О, это уложилось бы в одном слове, — рассмеялся он. — Прохиндиада... Сначала были люди, ворующие интеллектуальную собственность. Мне они не нравились. Я отношусь к тем идиотам, которые смирились с тем, что лучше всех живут мошенники, но уж талант-то им принадлежать не может! Оказалось, нет... Может. Достаточно найти вот таких умненьких, симпатичных девиц, которые к тому же страдают неуверенностью в себе, и заставить их работать на себя. За копейки...

— Но при чем тут дедуля? — не унималась Алиса.

— Видите ли, Алиса, — вздохнул Игорь. — Ваше семейство уникально. Так получилось, что вы вдвоем оказались в сфере интересов этой банды...

— Банды? — переспросила Алиса.

Слово это пока еще не сочеталось с теми людьми, которых она знала.

— Именно так, — кивнул он. — Алиса, любое сообщество людей, объединенных криминальными интересами, называется бандой. Под криминалом подразумевается в том числе и воровство. Вы хотите назвать их по-другому?

— Нет, — покачала головой Алиса.

— Смею вас заверить, что обычный бандит мне симпатичнее, поскольку хотя бы не лицемерит. Не делает вид, что в тот момент, когда он совершает акт воровства, тем самым оказывает жертве услугу. Сейчас я вам проиллюстрирую, как вас грабят...

Он поднялся, прошел в комнату и принес несколько книжек в ярких обложках.

— Вот. Эти книги проданы издательству «Фармер», адрес — Лос-Анджелес. Цена такой книги там — пять баксов. Авторы вас интересуют?

Алиса и так видела имена на обложке: «Сара Мидленд. Авдотья Зырянская. Ирина Лукьянова. Елена Парамонова».

— Сколько вы получаете за книжку, Алиса?

Она молчала.

— Так вы все еще не хотите назвать этих людей тем именем, которое они заслуживают? Даже подсчитав разницу, вы этого не хотите? Алиса, вы что, еще не поняли, сколько на вас

поимели не только в нашем отечестве, но и за границей?

Алиса не могла вымолвить ни слова.

— Ньюша сейчас там, — наконец сказала она. — Ей надо помочь... Скажите, а есть вообще предел человеческой жадности?

* * *

Фаринелли терпеть не мог, когда дома никого не было. Сначала он попытался поиграть с Марго, но она отклонила его любезное предложение, мяукнула недовольно и перевернулась на другой бок.

«Ну вот, — подумал Фаринелли недовольно. — Получается, что я обречен на одиночество...»

В доме было темно и тихо, и оттого скучно.

Фаринелли побродил по комнатам и залез на дедулин шкаф.

«Хотя бы в этом плюс», — решил он. На дедулин шкаф ему залезать не разрешалось. Но раз никого дома нет, кто будет его ругать?

Там он устроился поуютнее и решил вздремнуть.

В этот самый момент началось нечто странное.

В дедулино окно посмотрела чья-то физиономия. Фаринелли отполз подальше.

Показалась тонкая рука, и форточка открылась, впустив струю холодного воздуха.

«Ни Алиса, ни дедуля не полезут в окно, значит, это кто-то посторонний», — рассудил Фаринелли.

Ситуация становилась интересной.

Открыв форточку, неизвестное существо нащупало шпингалет окна — и теперь принялось за него.

— Вот черт, — выругалось существо шепотом, из чего Фаринелли заключил, что оно боится быть обнаруженным.

«Значит, у него плохие замыслы...»

Фаринелли решил, что существо наверняка хочет украсть из дома его большой пакет «Ките-кэта» или — о, ужас! — самого Фаринелли...

Поэтому он затаился еще больше.

Теперь гадкое существо влезло в комнату и чиркнуло спичкой.

Фаринелли зажмурился от страха.

«Мамочка», — подумалось ему, но мамочка продолжала спать. Хотя уши у мамочки Марго приподнялись. Это он увидел сразу. И немного успокоился. Мамочка наверняка не допустит, чтобы несчастного котика украла эта непонятная тетка с мышинным лицом.

Тетка, как нарочно, рылась именно в шкафу, на вершине которого затаился несчастный котяра.

«Что она там ищет, если не меня?»

Наконец ситуация стала совершенно невыносимой.

Проклятая мышь встала на стул и уставилась прямо на Фаринелли. От ужаса кот оглушительно заорал и бросился на обидчицу.

— А-а-а!!! — завопила та, пытаясь уцепиться за кошачий хвост и одновременно закрыть лицо от кошачьих когтей.

Марго проснулась и, злобно зашипев, вцепилась воровке в ногу.

— Мои колготки! — заорала вороватая особа, падая со страшным грохотом на пол. —

Тварь поганая! Ты знаешь, сколько они стоят?

Фаринелли понял, что самое дорогое для этой женщины находится на ее ногах. Именно в ноги он и вцепился, мстительно слушая ее причитания — а вот будет знать, как воровать чужих котов!

Дверь хлопнула.

— Помогите! — орала воровка, пытаясь вырваться из кошачьих объятий.

— Я тебе помогу, — мрачно пообещал мужской голос. — Так помогу, как тебе и не снилось...

* * *

— Не дергайся так от моих прикосновений, а то я начну подозревать тебя в нездоровой экзальтированной страсти к моей персоне... А времени у нас нет. Поехали!

Прежде чем Алиса успела ему ответить, машина рванула с места.

— Пожалуйста, не сиди с такой кислой миной, — попросил Игорь. — Я потом тебе все объясню... Когда все кончится.

— А сейчас? — не выдержала Алиса.

— Нет времени... Все завертелось быстрее, чем мы рассчитывали!

Подозрения снова вспыхнули в Алисиной голове.

Он вздохнул и включил музыку на полную мощность, пояснив перед этим, что так им обоим будет удобнее.

Теперь салон «вольво» был заполнен голосом Фалько. А Алисин безмятежный похититель как ни в чем не бывало подпевал певцу про несчастную Джину.

Впрочем, она себя ощущала ничуть не лучше этой Джины. Черт знает чем все это закончится!

Он мрачно усмехнулся и уменьшил звук.

— Надо было оставить тебя дома, — проворчал он. — По крайней мере, вы умудрились наделать столько глупостей, что я начинаю бояться вас, девушки! Ну, объясни, зачем твоя подруга отправилась туда? И почему ты снова начала дергаться, оказавшись в машине?

— А вдруг ты меня обманываешь? — пробормотала Алиса. — А на самом деле решил меня похитить...

— Вообще-то, если бы мне пришла охота кого-то похитить, лично я предпочел бы как раз твоего деда, — спокойно ответил он. — Он куда более приятен. Не мелет ерунды, не мешает работать... Воспринимает все спокойно, не мешается под ногами, изображая из себя тайного агента ЦРУ... Похищать же тебя или твоих подруг — упаси господи! Вы так стараетесь найти себе на голову приключений, что я начинаю воображать себя гувернером, а не детективом... Кстати, тебе показать лицензию? Чтобы ты перестала подозревать меня в убийствах, грабежах и киднеппинге?

— Все частные сыщики сотрудничают с мафией, — не желала сдаваться Алиса.

— Точно так же я могу сказать, что все писательницы воруют картины, — вздохнул он. — А на досуге танцуют в ночных клубах стриптиз...

Ну уж это ни в какие рамки не помещалось! От возмущения Алиса потеряла дар речи.

Кем вообще себя воображает этот нахал?

Это какое надо иметь извращенное воображение, чтобы представить Алису, танцующую стриптиз?

И этот человек виделся Алисе сказочным принцем? Да никогда!

— Лучше съесть дохлую лягушку в пицце, чем связать с таким типом свою жизнь, — пробормотала Алиса.

— Вообще-то у меня с собой нет дохлой лягушки, — опечалился негодяй. — Как-то никогда не думал, что мне встретится женщина, обожающая лягушек... Особенно дохлых. Впрочем, от тебя можно ожидать всего, чего угодно. Поэтому можешь забыть про свой гениальный план прожить рядом со мной всю жизнь... Я надеюсь, что мы простимся навсегда сразу, как только я сделаю то, о чем меня просили.

Поистине — чем дальше, тем глубже Алиса проникала в темные стороны его души!

— Я тоже на это надеюсь, — собралась Алиса с силами для достойного ответа. — Вот только... Не я звонила вам глубокой ночью, и не я лгала про высокие чувства...

— А вам кто-то звонил? — почти натурально удивился он. — Ну-ка, ну-ка... И что же вам сказали?

— Не делайте недоуменное лицо, поскольку оно у вас становится глупым, — сообщила Алиса.

Они снова незаметно перешли на холодное «вы», и, глядя на его точеный профиль, Алиса искренне сожалела, что такая импозантная внешность досталась тому, кто мало этого заслуживал. Пустой сосуд, как сказал бы дедуля. Пустой, бездушный, самовлюбленный... Одним словом — типичный Нарцисс. Кстати, опасный для невинных девиц!

— А мне казалось, что это свойственно скорее... — Он не договорил.

Мрачно усмехнувшись, Алиса холодно спросила:

— Почему вы замолчали?

— Не все мысли стоит высказывать вслух, — улыбнулся Игорь.

— Я сама могу досказать вашу мысль, — заявила Алиса. — Свойственно скорее глупым девицам моего типа... Так?

— Знаете, чему я в данный момент рад больше всего? — вздохнул Игорь. — Тому, что на горизонте замаячил нужный нам дом. Беседа с вами была слишком утомительной для моего сознания.

После этой фразы он замолчал. Да и Алисе было уже не до него.

— Елизавета... — удивленно выдохнула она.

И в самом деле, по тротуару быстро шагала по направлению к «Атлантиде» Елизавета. Вид у нее был такой, словно она собиралась брать «Атлантиду» приступом. Или намеревалась попробовать свои силы в колдовских ритуалах.

— Останови, — попросила Алиса.

Он послушно притормозил рядом с Лизой.

Та, не разглядев Алису, махнула рукой и попыталась пройти мимо, непрерывно бормоча что-то себе под нос. Алиса позвала ее.

Услышав знакомый голос, Елизавета остановилась и обернулась.

— Садись, — сказала Алиса.

— Ньюша там среди бандюг, одна, — мрачно объявила Елизавета, влезая в машину. — Впрочем, ты тоже одна с бандитом... Все на удивление гармонично. Надеюсь, что дедуля в данный момент тоже наслаждается обществом бандитки Сары...

— Это Фримен, — объяснила Алиса.

— Удивляться я буду потом, ладно? — пообещала Елизавета. — Сейчас меня больше заботит Ньюша. Точнее, меня заботит вопрос: как вытащить ее из этого замка с привидениями!

* * *

Прощание было долгим и утомительным.

Выдержав стоически последние поцелуи, Ньюша вышла из квартиры и только тогда выдохнула с облегчением:

— Слава богу...

— Что — слава богу? — услышала она за своей спиной ехидный и ласковый голос.

«Я влипла», — пронеслось у нее в голове.

Медленно обернувшись, она встретила глазами с... Искаротовым.

Он смотрел на нее насмешливо и подобострастно. «Станный человек, — отметила для себя Ньюша. — Как в нем сочетаются такое раболепие и гордыня? Просто ходячий парадокс...»

— Я хотела сказать, что все обошлось благополучно.

Он удивленно приподнял брови, отчего стал похож на сломанного Панча, и наклонил голову, выдохнув:

— Пусть так... Хотя я думал о другом... Странно, что вы не проконсультировались через ваших подруг.

— Каких подруг? — пробормотала Ньюша.

— Анечка, — рассмеялся он, беря ее под локоть. — Давайте не будем сейчас вешать мне на уши спагетти... Я видел вас вместе с Алисой Павлицевой и Елизаветой Березкиной.

Нюше захотелось раствориться в воздухе. Или провалиться сквозь землю... Тем не менее она взяла себя в руки.

— Я не знаю этих женщин, — сказала она.

— Ну да, конечно... — Он стоял, преграждая ей путь к лифту. — Я ведь могу вернуться и рассказать благородному собранию, что вы, Анечка, близкая подруга Алисы. Представляете, какая у них будет реакция?

Он снова засмеялся — довольно, с визгливыми нотками, и потер руки. Даже линзы не могли скрыть безумного блеска в глазах.

— Не собрание, а сборище, и уж весьма далекое от благородства, — пробормотала едва слышно Ньюша. — Пропустите меня...

— А вы закричите, — хохотнул он. — Заодно расскажем, почему вы тут ломали комедию, изображая из себя глупую гусыню. Вы ведь хотели получить кое-какие сведения, милая? Хотите, открою вам секрет? В этом деле крутятся такие суммы, о которых даже вы с вашим бизнесменом не можете и мечтать! Я уж не говорю о Павлицевой и Березкиной... Так вот, моя милая, как вы думаете, сможете ли вы безнаказанно уйти от ответственности после того, как попытаетесь лишить этих людей такого большого куска? Да ладно бы их, милочка, вы и представить себе не можете, сколько врагов наживете! И вашу Павлицеву просто уберут как ненужную вещицу — раз, и нет ее на свете! — Он наклонился к ней и зашептал горячо: — Поэтому вам придется согласиться с моим предложением... Я

промолчу, но вы поможете мне в одном дельце...

— В каком?

«Мне надо выиграть время, — думала Ньюша. — Я сейчас соглашусь со всем, что он мне предложит, а потом... Что-нибудь придумаем».

— Так-то лучше, — самодовольно проговорил Искарриотов. — А то изображаете из себя королеву... Проще надо быть, и люди к вам потянутся.

— Какое у вас дело? — напомнила Ньюша, которой совсем не хотелось выслушивать нравственные поучения из уст этого типа.

— Мне надо попасть в дом Павлищевых, — сказал он и ткнул пальцем в Ньюшину грудь. — И вы мне в этом поможете!

* * *

Слабый свет пробивался сквозь плотную темноту окон, словно там что-то искали, стараясь привлекать как можно меньше внимания.

Леха вскочил.

«Снова грабят Павлищевых... — подумал он. — Надо же — с виду интеллигентные люди, а живут как на вулкане...»

— Помогите! — донесся из дома Павлищевых слабый женский голос.

Леха поднялся, надел куртку.

Достал мобильник и, набрав номер, проговорил:

— Это Леха... Что-то опять творится у Павлищевых. Подъезжай в быстром темпе ладно?

Он торопился.

Подойдя к дому, нажал плечом на дверь. Дверь легко поддалась.

«Надо им крепкую поставить», — подумал Леха, входя в дом.

— По-мо-ги-те! — надрывалась в дедулиной комнате неизвестная женщина.

Леха нахмурился. Голос был не Алискин и уж тем более не дедулин.

Он открыл дверь, и его взору предстала ужасная картина.

Женщина в разодранных колготках с вытаращенными глазами отбивалась от кошек. При виде Лехи она всхлипнула и пробормотала:

— По-мо-ги-те же мне!

— Я тебе помогу, — мрачно пообещал Леша. — Я так тебе помогу...

— Я больше никогда не буду... Честное слово... — прошептала непрощенная визитерша, глядя на Леху с ужасом. По ее лицу, оставляя черные разводы, текли слезы.

— Что вы тут делаете? — спросил сурово Леха.

— Мне нужна только дискета, — пробормотало страшилище. — Честное слово, только дискета... — И, заметив строгий взор Фаринелли, нацелившегося на нее, взвизгнула, поджала под себя ноги и затараторила: — Уберите этих бешеных кошек! Я все расскажу, только уберите этих кошек!

* * *

— Она идет, — прошептала Елизавета.

Из дома действительно вышла Нюша, но не одна.

Рядом с ней шел Искарриотов.

— Что бы это значило? — пробормотала Елизавета.

— Жди в машине, пока я не вернусь, — проговорил Игорь и вышел.

Елизавета подергала дверь.

— Похоже, тут нужен таран, — объявила она. — Мы обе — патологические профанки! Нас обвели вокруг пальца, как первоклассниц!

— С чего ты взяла? — спросила Алиса.

— Он в сговоре с Искарриотовым, и сейчас они вдвоем нас похитят, чтобы обменять на дискету.

Алиса покачала головой.

— Вряд ли, — заметила она. — Он сто раз мог это сделать, но не сделал.

Нюша показалась Алисе напуганной и немного растерявшейся. Игорь о чем-то говорил с Искарриотовым, потом развернулся — и троица направилась к машине.

— Черт побери, — выругалась Елизавета. — Я же тебе говорила — нас похитят!

Дверца открылась.

— Добрый вечер, Алиса Игоревна! И вам, Елизавета, тоже... — осклабился, как волк Искарриотов. — Я вот объяснил молодому человеку суть дела, и он со мной согласился. Жизнь ваша в опасности, сразу скажу. Дело, в которое вы ввязались по глупости, может оказаться для вас опасным... Поэтому я предлагаю вам обмен. Я молчу про вас, а вы помогаете мне приобрести то, что принадлежит мне по праву.

Игорь молчал.

Алиса сначала удивилась, почему он так себя ведет, но потом подумала, что так надо. Мало ли что у него на уме!

— И что же вам принадлежит?

Голос Елизаветы прозвучал глухо, и в нем было столько ненависти, что Искарриотов поморщился.

— Ну, будет вам, Лиза! Все хотят жить, и по возможности — хорошо! Только ведь икону нашел я, а Алисин дедушка присвоил... Так что давайте по-честному — мне икона, а вам — гарантия моего молчания... Потом оцените по достоинству мой дар.

— Вообще-то икона не может вам принадлежать, — попыталась возразить Алиса. — Она чудотворная. Значит, принадлежит всем людям...

— Да полно, Алиса Игоревна! Что вы, в самом деле, из себя сказочную барышню корчите! Эта иконка стоит большие деньги, покупатель у меня уже есть, так что дело не терпит отлагательств!

— Значит, это ваша рожа мелькала в окне, — вспомнила Елизавета. — И как я сразу не догадалась?

— Не моя, — рассмеялся он. — Алиса Игоревна очень многим помешали спать спокойно... Но это уже не мое дело. Я хочу только одного: отдайте мою икону и можете разгуливать спокойно.

Игорь продолжал молча вести машину.

«Почему он молчит? — подумала Алиса, которой создавшаяся ситуация нравилась все меньше и меньше. — Дал бы этому Искарриотову по голове... И все. Этот Искарриотов вряд ли справится с Игорем...»

Нюша же сидела грустная, с виноватым видом. Заметив Алисин взгляд, дотронулась до ее руки и тихо попросила:

— Прости меня, Алиска. Я, похоже, все завалила!

— Перестань.

— Нет, Алиска! Я просто самоуверенная курица!

И они снова замолчали, думая каждый о своем.

Впереди показались знакомые дома, а на сердце у Алисы заскребли кошки.

Первый раз путь домой был безрадостным и унылым.

— Именем Господним благослови, отче!

Служба кончалась.

Дедуля посмотрел на часы. Сегодня он был очень далеко отсюда — и все его движения, и слова получались заученными, как у актера.

Он проговорил положенные в отпуске слова и машинально перекрестил прихожанок.

«Если идти быстро, за полчаса я доберусь», — думал он, быстро одеваясь.

В душе у дедули была тревога.

— Подвезти?

Он кивнул:

— Спасибо, очень спешу...

Он даже не обратил внимания на водителя.

— Куда, батюшка?

— Домой, — объяснил дедуля.

Машина тронулась с места.

— Вот видите, — рассмеялся водитель и обернулся, подмигнув дедуле. — А вы меня ругали, что пьяный милостыню прошу... Оказывается, и от нас польза имеется...

Дедуля с изумлением узнал вечно пьяного пария с паперти и покачал головой.

— Тогда зачем тебе милостыня, если есть машина? — спросил он.

— Не было бы милостыни, не было бы и машины, — хитро улыбнулся парень. — Да и знал бы немного меньше... Вот ты там псалмы поешь, а твой дом в это время грабят. Так что, отец, от нищенства больше прока, чем от твоего священства... И знаешь, что сейчас выносят? — Он не дождался ответа и гнусно захихикал. — Иконку твою, чудотворную... Вот так-то.

— Открой дверь, — потребовал дедуля.

— Нет уж, отвезу по назначению, как обещался, — хмыкнул мерзкий парень. — Как приказано, так и сделано. Так-то, дедуля. На Бога, что называется, надейся, а сам не плошай! — После чего запел гнусавым голосом: — Иже херувимы... Тайно образуяюще...

Дедуля мог стерпеть какое угодно поношение на себя, но вот такого — никак не мог.

— Ты, нехристь, зачем над святым издеваешься? — глухо спросил он.

— А мир-то не Божий, вот и делаю что душе моей угодно, — не унимался мерзавец.

Дедуля не выдержал — пускай он сейчас возьмет грех на душу, потом оправдается.

В конце концов, и Николай Чудотворец на Никейском соборе нечестивого Ария по голове святой книгой ударил, а уж Арий по сравнению с этой образиной — ангел во плоти!

Он сжал обеими руками толстое Евангелие и замахнулся.

— Ну, дед, так мы не договаривались... — зловеще протянул водитель-нищий, останавливая машину.

Отсюда уже был виден дом, и дедуля краем глаза приметил там странное движение.

Теперь на него смотрел черный глазок револьвера, а «нищий» улыбался холодно, и в глазах его не было ничего, кроме пустоты. Дедуля не испугался. «Вот такие глаза были у Каина», — подумал он.

— Опусть свой талмуд, а не то выстрелю, — пообещал бандит.

— Опущу, — с легким вздохом ответил дедуля. — Прости меня, Господи, потом с Тобой разберемся... — И — опустил.

Удивленный бандит уронил пистолет и начал заваливаться на бок.

— А говорил, от этих книг пользы нет, — удовлетворенно заметил дедуля, подбирая пистолет.

Потом он перетащил бандита на заднее сиденье, завел машину и поехал по направлению к дому.

* * *

Женщины глупеют от любви, размышляла Алиса в машине. Даже самые рассудительные и умные становятся полными идиотками, стоит только появиться на горизонте этакому вот красавчику...

Теперь Алиса могла с полным основанием сказать, что если раньше в ее несчастной голове еще появлялись мысли, то теперь способность к логическому мышлению окончательно ее оставила. В голове, как ржавый гвоздь, торчал этот мерзавец, бросивший ее в снежной пустыне замерзнуть, подобно ямщику!

А метель уже бушевала вовсю — снег летел с небес, обрадовавшись свободе. Уже появились сугробы, и Алиса подумала, что следующим сугробом станет она вместе с машиной.

— Лучше все-таки рискнуть и выбраться отсюда, — сказала Елизавета. — Можно в дом не входить, раз твоему Фримену этого не хочется...

— В конце концов, нас всех не убьют, — размышляла Нюша, открывая дверцу. — Он мошенник и аферист, но не убийца...

— Ты в этом уверена? — ехидно поинтересовалась Елизавета. — Заметь, они ушли уже минут десять назад, вдвоем...

— А машину оставили!

— А зачем ему машина? Он на «Несравненную» себе «мерина» купит! Спелся уже, наверное, с нашим Искаритовым...

— Игорь не похож на преступника, — проворчала Алиса. — Преступники все несут на себе каинову печать. У них поэтому рожи всегда какие-то перекошенные.

— Ну да, конечно, — расхохоталась Елизавета. — А Тед Банди? Какой был умница и красавец, что не помешало ему быть сексуальным маньяком!

На улице было темно и пустынно.

Только метель завывала, как голодный волк.

Они пошли по узкой тропинке, стараясь не скользить и не думать о таких глупостях, как разгуливающие по улицам Теды Банди.

— Быстрее, — решительно сказала Алиса, плюнув на запрет Фримена входить в собственное жилище.

Она толкнула дверь. Дверь скрипнула...

— Что все это значит? — вырвалось у Алисы, когда она увидела странную картину.

На стуле, связанная, сидела Надежда Ивановна с ужасной прической на голове и сильной царапиной под глазом, рядом, такой же связанный, расположился Искарриотов, а за столом сидели трое.

Андрей Михайлович, Фримен и Леха.

— Банду повязали, — деловито сообщил Алисе Леха, попивая пиво.

— Алиса, я вам сказал сидеть в машине! — возмущенно заявил Фримен.

— Там холодно, — ответила Алиса.

— Так вы бы, девушки, все-таки оставили поля сражений, — вступил в разговор Андрей Михайлович. — Сейчас главный появится. Чтобы мы его, можно сказать, взяли тепленьким. С поличным. Вот Надежда Ивановна нам сообщила, что он с минуты на минуту должен объявиться.

Из соседней комнаты появился Фаринелли.

— Иди сюда, мой хороший, — нежно пропел Леха. — Воблы хочешь?

А Надежда Ивановна повела себя очень странно — поджала ноги и закричала:

— Уберите это чудовище!

— Ну, зачем так оскорблять животное? — ласково ответил Леха, поглаживая Фаринелли между ушами. — Животное ласку любит, а от криков нервничает... К тому же не он в ваш дом лез, а вы в его...

— Ничего не понимаю, — прошептала Елизавета. — Похоже, ты всех заразила любовью к гоблинам, Павлицева! Андрей Михалыч даже пиво с ними распивает...

Подъехала машина. Хлопнула дверца.

— Ну вот и наш киллер появился, — удовлетворенно проговорил Леха. — Ты, ворнедочка! Слышишь? Если б меня тут не оказалось, в этот самый момент ты благополучно отправился бы к праотцам. Насколько я знаю этого типа, он никого живым не оставляет, если дело касается больших бабок...

Искарриотов что-то проворчал себе под нос, но до общения с Лехой не опустился.

В коридоре послышались тяжелые шаги.

— А ну, девицы, все в дедулину комнату! — приказал Леха, доставая свой пистолет. — Сейчас начнется триллер, не рассчитанный на слабонервных!

Дверь открылась.

Алиса почувствовала, как все внутри нее холодеет.

— Де-ду-ля? — пробормотала она.

— Я там человека убил, — грустно сообщил дедуля. — В машине. Другого выхода у меня не было... Можете арестовывать!

* * *

Злость и обида поднялись в Наденькиной душе, ураганом сметая остатки здравого смысла. Рассчитывать было больше не на что — ее мечта таяла в воздухе, не оставляя от себя ничего, даже слабого аромата... словно в насмешку, где-то очень далеко, по радио, заиграли известную мелодию: «Гуд-бай, Америка, где я не буду никогда...»

Ей захотелось плакать, тем более что чертов слизняк, единственный, на чью помощь

она могла рассчитывать, сейчас тихо поскуливал в углу, как побитая собачонка. «Или еще лучше — как раздавленный таракан», — мстительно подумала она. Хотя тараканы не скулят...

— Ой, суки... — продолжал скулить связанный «убитый».

«Даже Искароты держится лучше», — подумала Надежда Ивановна.

— Вот, Александр Андреевич, а вы боялись, что убили! — улыбнулся Игорь. — Кого этой книгой убьешь? Нет, книга хорошая, но вот веса в ней для таких уродов маловато!

— Ой, это же нищий, — пролепетала Елизавета, всмотревшись в знакомое лицо. — Он меня замуж звал...

— Хорошо, что не вышла, — рассмеялся Леха.

— Меня тоже звал, — мрачно сказала Алиса, узнав в главном бандите своего недавнего автобусного спутника.

— Просто донжуан, — кивнул Андрей Михайлович. — Где Света? Она должна подъехать...

— А что, он ее тоже звал замуж? — поинтересовалась Нюша, чувствуя себя обиженной, — получалось, Штырь только ее не уговаривал выйти за него.

— Ее он звал куда подальше...

— А вот и она, — обрадовался Фримен и открыл дверь.

Алиса обернулась и остолбенела.

На пороге стояла Сара Мидленд собственной персоной!

* * *

О том, что Алисе в голову всегда приходят самые неподходящие в этот момент мысли, она всегда помнила. Так и теперь: Алиса стояла, смотрела на эту самозванку, вокруг бушевала первая метель, а она вспоминала стихи:

Мне захотелось в ночь,

Туда, в метель...

И вот графиня, отослав в постель

Докучную служанку, лоб горячий

К прохладным орденам прижав в последний раз...

Далее следовал вопрос: «Князь, разрешите мне одну задачу: где и когда уже встречала вас?»

Вопрос Алиса задала вслух. Как замороженная следила она за падающими мириадами снежинок, и ей казалось, что она находится внутри стеклянного шара или в рождественской сказке, а то, что происходит в ее доме, так далеко...

— Света, пожалуйста, посмотрите на этого человека внимательно...

— Это он, — ответила Сара. — Именно этот человек пытался напасть на меня в подъезде после того интервью...

— Ну вот, Штырь, — грустно развел руками Андрей Михайлович. — Нарисовался ты капитально... Будешь еще искренне грустить, что Александр Андреевич тебя насмерть не

зашиб...

— Они все врут, — сказал Штырь, хмуро глядя на Свету из-под бровей. — Я на нее не нападаю...

— И не убивал его друга, — указал на Леху Андрей Михайлович, — когда тот пытался предупредить Алису Игоревну Павлицеву о том, что ей угрожает опасность... Более того, ты не вступил в преступный сговор с братом Надежды Ивановны Маркиной, а затем это не ты траванил его непонятной гадостью... Это не ты пытался похитить Алису Павлицеву!

— Не я, — продолжал ухмыляться Штырь.

— Ну конечно, не ты... Это все сама Надежда Ивановна. И Илларионов... Так?

— Что вы такое говорите? — закричала Надежда Ивановна. — Это он предложил мне «подзаработать»! Сказал, что, если пригрозить обнародовать адреса наших «писательниц», «Экслибрис» раскошелится во избежание скандала! А потом они втравили меня вместе с Илларионовым — тому позарез нужна была икона, а мне — дискета... Я вообще только дискету искала, потому что, если бы ее нашли, мне бы не поздоровилось!

— Так ее уже нашли, — спокойно ответила Нюша. — Даже расшифровали...

На лице Надежды Ивановны отразился ужас.

— Кстати, чуть не забыла, — вспомнила Нюша. Она открыла сумочку и протянула Андрею Михайловичу диктофон. — Тут все записано... Наша беседа с Парамоновым, его странные предложения и, что самое главное, последние угрозы господина Илларионова!

— Спасибо, — поблагодарил Андрей Михайлович.

— Надеюсь, после этого их закроют... — тихо проговорила Света.

— Непременно, — пообещал Андрей Михайлович. — Конечно, посадить мы их не сможем...

— А где же мы будем работать? — пискнула Елизавета.

— Неужели вы бы остались там работать? — возмутилась Нюша.

— Интересно, — ответила Елизавета, — что же нам делать, если мы не так чудно устроились в жизни, как ты?

— Найдешь ты себе работу, — улыбнулась Света, — это в тебе заинтересованы издатели, а не ты в них... Так что — не переживай!

Елизавета вздохнула, но смирилась с будущей участью.

— Алчные они люди, — проворчала она и уставилась на Надежду Ивановну. — Вот! — закричала она. — Я же тебе говорила, Павлицева, что рожа в окне у нас работала! Вот же она — Надежда Ивановна!

Надежда Ивановна хотела возмутиться, но, вспомнив о своем плачевном положении, стиснула зубы и окинула Елизавету взглядом, полным ледяного презрения.

— А ведь какая хорошая девочка была поначалу, — грустно сказала Елизавета. — Даже жалко ее... Если бы оставалась в Ершовке, замуж бы вышла за тракториста... Вот что ее братец наделал! И сам в бандиты подался, Царствие ему Небесное, и сестрицу туда же заманил!

* * *

Преступников увезли. Елизавета внимательно посмотрела на Фримена и поинтересовалась:

— А теперь объяснитесь, любезный, вы-то зачем так поступили с Алиской?

— Что я с ней сделал? — искренне удивился Игорь.

— Свели бедную овечку с ума, — холодно сказала Елизавета. — Внушили глупые надежды...

— Я никого с ума не сводил! — возмущенно процедил Игорь сквозь зубы. — Я просто следил за ее сохранностью...

— И поэтому звонили по ночам, объяснялись в любви...

— Никому я по ночам не звонил. — Он вскочил и принялся расхаживать по комнате, изредка бросая на Алису неодобрительные взгляды.

А Алиса смотрела на Леху.

Леха сидел в уголке весь красный и нервно теребил краешек занавески.

— Алиса, — прошептал он. — Все кончилось. Теперь тебе не будет страшно...

Бедный Леха! Посмотрев опять на Фримена, оживленно болтавшего со Светой, ей захотелось добавить — бедная Алиса!

И Леха, и Алиса были обречены на безответную любовь.

Алиса подошла к окну.

Тихо падал снег, крупными хлопьями, медленно, словно подчиняясь ритму музыки Альбиони. Где-то там был Фримен, которому она была совершенно не нужна, и Леха, который был не нужен ей.

— Алиска, тебя к телефону, — сообщила Елизавета и добавила: — Мужчина...

Алиса взяла трубку.

— Алиса? — услышала она голос, от которого немедленно забилося сердце.

— Да, — ответила она. — Я слушаю.

— Открой, пожалуйста, дверь, Алиса, — сказал голос. — Там сюрприз для тебя...

Трубку положили.

Алиса уже знала, что, если в ее жизни намечается некий сюрприз, он наверняка окажется неприятным.

Но любопытство — ее вторая натура, поэтому она осторожно открыла дверь, выглянула и увидела букет великолепных огненно-красных роз. «Леха», — подумала она.

Алиса взяла цветы и уже собиралась пойти назад, как вдруг услышала голос Фримена:

— Я люблю вас, Алиса... Это глупо, но я вообще-то склонен к глупостям. Думаю, что вы — не самая крупная из их числа...

Алиса остановилась, боясь обернуться.

— Алиса? — Он дотронулся до ее плеча.

Алиса медленно повернулась.

Они стояли и молча смотрели друг на друга, не чувствуя холода.

— Теперь все будет по-другому, Алиса, — сказал он. — Помните, я говорил вам, что незачем пешке прикидываться королевой, а королеве работать пешкой? Вы теперь спокойно все обдумаете, а потом... Обещайте мне, что напишете свою книгу! Хорошую. И пока вы будете ее писать, вас не будет беспокоить, возьмут или не возьмут ее издатели. Вы просто напишете о своей душе. Потому что — «каждый пишет, как он дышит»... И не надо вам отдавать свое дыхание кому-то другому или учиться дышать проще и понятнее для окружающих!

Она кивнула.

— Все будет по-другому, — повторила она, глядя на Несравненную. Она все танцевала в

розовых лучах аравийского утра, и Алисе пришли в голову странные образы: маленькая девочка на черном коне, в белом плаще, неслась во весь опор по лесу. На плече у нее сидела трехцветная кошка, а в самой глубине леса девочку ждал старый и мудрый отшельник.

Но это была уже новая сказка...

Алиса устала. Глаза нестерпимо болели — текст был мелкий, и набирать его Алисе было так трудно, так скучно!

— Это ничего, — пробормотала она. — Все равно лучше, чем писать про Элайзу.

«Издательство обещало дать ответ через неделю, — грустно подумала она, глядя на календарь. — Скорее бы... Если книгу возьмут, я брошу эту кошмарную работу».

Она вздохнула. «Для приготовления рыбных зраз, — набрала она начало сто пятого рецепта, — вам потребуется...»

— Не могу больше, — процедила она сквозь зубы.

В дверь позвонили.

Алиса открыла.

Елизавета стояла на пороге, и вид ее никак нельзя было назвать радостным.

— Привет, — устало проговорила Лиза. — Прости, что вчера не пришла... С поезда только что, устала... — Она плюхнулась в кресло.

— Как дела? — спросила Алиса.

— Догадайся с трех раз, — грустно рассмеялась Елизавета. — Предложили писать триллеры. Под псевдонимом, естественно... Кстати, вот твои рецензии... — Она протянула Алисе стопку листов.

«Сказка написана на хорошем профессиональном уровне, но в настоящее время издательство не нуждается...», «на хорошем профессиональ...», «на очень высоком профессиональном... не нуждается»...

— Черт! — вырвалось у Алисы. Она швырнула листки на стол.

— Увы, друг мой! — развела Елизавета руками. — Тебя утешает, что уровень у тебя высокий?

Алиса посмотрела на часы.

— Лиза, подождешь меня? — спросила она. — А то я опаздываю... Может быть, Валера мне сегодня за «Грибные закуски» заплатит.

— А твои «Грибные закуски» были написаны на «хорошем профессиональном уровне»? — поинтересовалась Елизавета и тут же по Алисиному лицу поняла всю неуместность шутки. — Ладно, Павлищева, прости... Конечно, я тебя дождусь.

Она включила телевизор. Там передавали интервью с той самой «отечественной Хмелевской».

— Как ты думаешь, — грустно спросила Елизавета, — может быть, нам снова податься в «негры»?

Алиса ничего не ответила.

Она вышла, завела «берни» и очень скоро подъезжала к высокому дому в центре города. Припарковав машину, нажала на кнопки кода и теперь поднималась в грязном лифте вверх, от нечего делать изучая глубокомысленные граффити. «Витя урод», — доверительно сообщал неизвестный.

Лифт, крикнув, как недовольный старикан, остановился. Алиса позвонила в железную дверь. Раздались шаги. На пороге стояла девушка невысокого роста.

— Здравствуйте, Мариночка, — проговорила Алиса.

Она даже улыбнулась, удивляясь, что у нее на это еще остаются внутренние силы.

— Принесли? — спросила Марина.

Почему Валера предпочитал держать офис у себя дома, было понятно. Но вот почему Марина охотно ездила сюда и терпеливо работала до позднего вечера, наблюдая, как живет это «святое» семейство, Алисе было неясно. «Наверное, он ей нормально платит, вот и все...» — решила она.

Да сколько бы ни платил — Алиса бы так не смогла... Она наверняка потеряла бы тут остатки самообладания!

Алиса протянула дискету.

— Кстати, я говорила с Валерой о «художке», — бросила Мариночка через плечо. — Знаете, Алиса, он говорит, что «художка» не прибыльна...

Алису немного покорибило, что к ее занятиям применимо такое пренебрежительное название — «художка», но она не стала высказываться по этому поводу.

— А вот и Валера, — сказала Мариночка, когда хлопнула дверь.

Алиса приободрилась. Может быть, он наконец-то выплатит ей гонорар? Гонорар Алиса ждала уже второй месяц.

— Здравствуйте, — робко сказала она. — Валера, я...

— Да, я помню... — посмотрел на нее уставшими глазами Валера. — Знаете, Алиса, издательство денег до сих пор не выплатило. Плюс ко всему там очень недовольны стилем ваших произведений. Говорят, вы не умеете писать книги по кулинарии, выдерживая стиль... Так что ваши книги пришлось править, а потому я вынужден вас оштрафовать...

Он полез в карман. Достал оттуда пятисотрублевую купюру, посмотрел на нее с такой тоской, что Алиса почти физически ощутила, как тяжело бедному Валере расстаться с этой бумагой.

— Возьмите, Алиса, — грустно проговорил он. — Я потом вычту из вашего гонорара... Хорошо, что дедушка пенсию получил.

Алиса даже отшатнулась — она и в мыслях не держала, что ей придется обирать несчастного старичка!

— Валера! — снова хлопнула входная дверь, и на пороге появилась Валерина жена с раскрасневшимся от счастья лицом. — Посмотри, какое чудо я купила!

Она, не обращая на Алису никакого внимания, достала из фирменного пакета гипюровую кофту — Алиса как-то заходила в бутик и знала цену этой несуразной обновке.

— Три тысячи, — прошептала она.

Жена обернулась и посмотрела на Алису с недоумением.

— Ну да, три тысячи, — пробормотала она. — Дедушка получил пенсию...

Алиса ничего не сказала, только взяла пятьсот рублей — хоть это — вместо обещанных двух тысяч.

...Хоть это...

* * *

Дома было тепло и хорошо. Елизавета почти спала, укрывшись пледом. Москва ее явно утомила, отметила про себя Алиса. Так было жалко подругу! Ее звали назад, в «Экслибрис», но Елизавета об этом и слышать ничего не хотела. «Лучше с голоду помру всем в назидание», — ворчала она.

— Ну, как дела? — спросила Елизавета, сонно потягиваясь. — Дедушка Валерин нынче пенсию получил?

— Меня оштрафовали, — мрачно сообщила Алиса. — Говорят, стиль изложения плохой...

— Ну и правильно. Очень правильно... — захихикала Елизавета.

— Тебе хорошо... — начала было Алиса, но осеклась.

С чего это Лизе было так уж хорошо?

— Мне-то? Мне-то да, хорошо... На Пафнутину зарплату жить хорошо. Выходи замуж за Фримена, то же самое будет и с тобой...

— Он запрещает мне работать у Валеры... — грустно прошептала Алиса.

— Правильно делает... Послушай, Алиска, я не пойму, ты что, всерьез решила облагодетельствовать всех окружающих?

— Я просто хочу зарабатывать! Сама!

— Остынь. А если тебе просто... работать? Писать, не думая, что за это надо получать деньги?

Алиса с удивлением отметила, что Елизавета говорит серьезно.

— Это Бог карает нас всякими Валерами за то, что мы продаем себя за бесценок, — сказала Елизавета, глядя Алисе прямо в глаза. — Да, мир не такой, каким мы хотели бы его видеть. Но из этого не следует, что нам надо стать покорными овечками и делать все, что угодно этим «валеронадепаршивцевым»! Потому что именно тогда, когда мы это делаем, мир теряет надежду стать лучше и светлее! Понимаешь?

— Ага, — сказала Алиса. — «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнется под нас».

— Да не надо никому ни под кого прогибаться, в этом все и дело! — поморщилась Елизавета. — Мир вообще принадлежит Богу, это Его игрушка... И нечего нам помогать ломать чужие игрушки... Наоборот, Павлищева, надо помогать его сохранить!

Она вскочила и теперь стояла посередине комнаты — рядом с Несравненной, такая же тонкая, хрупкая и — сильная.

— Понимаешь, Алиска, нам только кажется, что Армагеддон будет. Он уже идет. Я думала над этим и поняла — идет, прямо сейчас... А мы с тобой, Алиска, не просто какие-то человекоединицы, как нам пытаются внушить. Мы — солдаты Бога. Его армия... Он дал нам эту способность выстраивать слова в предложения, наделять их смыслом... Потому что души, Алиска, можно воспитывать не только в храмах. В храме пусть дедуля трудится. Есть еще другие — они покупают эти книжки в тонких обложках, потому что не совсем согласны с существующим порядком вещей.

— Почему это? — удивилась Алиса.

— Потому что они так хотят убежать отсюда. Хотя бы мысленно... Так вот что я хотела тебе сказать. Друг мой, все просто. Эта книжка может стать для них началом другого пути, а может еще глубже затянуть в трясину. Вопрос в писателе — на чьей стороне он играет? Нельзя тебе, Алиска, сидеть и писать дурацкие кулинарные рецепты! Это предательство. Подумай-ка, чем ты лучше Иуды Искариота? Тот за тридцать сребреников продал Его, и ты тоже вслед за ним продаешь... Подожди обижаться! Я сама была раньше такая же... Мне казалось, что деньги не пахнут. Очень даже пахнут, как выяснилось. И... Я вот приехала из Москвы и поняла — режьте меня на куски, не печатайте вовеки, а я больше на стороне дьявола не играю! Столько хороших писателей, Алиска, писали в стол — куда лучше писали,

чем мы с тобой, вместе взятые! Но не хотели они играть на чужой стороне! Ничего, дошли их книги, потому что «рукописи не горят». С одним условием — если эти рукописи действительно чего-то стоят! Потому что каждый человек перед Господом Богом лично отвечает за совершенное. Так что не будем их строго судить... Дело в нас самих. Кого мы с тобой выбираем?

Алисе показалось, что теперь в комнате есть кто-то еще, невидимый, неслышимый. Их двое, они стоят и ждут, что выберут эти смешные девицы. Кого они выберут?

Алиса даже глаза закрыла, пытаясь увидеть этих двоих мысленно. Один был похож на дедулю, а второй был вылитый Паршивцев. Правда, глаза у него были Валерины...

— Конечно дедуля, — пробормотала она, открывая глаза.

Лиза ее поняла.

— Ну вот и хорошо, — удовлетворенно сказала она и снова устроилась под пледом. — Теперь, когда моя миссия выполнена, можно заснуть. Кстати, тебе звонил Фримен. Просил походатайствовать за него. Вы что, опять поссорились?

Алиса вздохнула.

— Теперь уже не будем больше, — сказала она. — Просто он хочет того же, что и ты. Чтобы я не играла на чужой стороне...

Месяц пролетел незаметно — Алиса писала, и слова играли, переливались в ее воображении жемчужинками, и из них, этих бело-розовых, перламутровых слов, рождалась маленькая Княжна, и Принц воров... Алиса жила в другом мире и постигала этот... Она была счастлива. Второй раз в жизни она плакала, когда плакала ее героиня, и смеялась вместе с ней...

Когда книга была закончена, Алисе стало грустно.

— Ну вот и все, — сказала она себе, дописав последнюю строчку. — Я снова осталась одна. Пока. Я всегда могу продолжить... А что с ней будет, с моей книгой? — спросила она себя. И, грустно улыбнувшись, ответила: — Да не все ли равно? Что бы ни было, я была счастлива, когда писала ее. Кто знает, может быть, это и есть высшая награда? Выше всех наград...

И, словно наяву, Алиса снова услышала голос Елизаветы: «Держись, мой друг! Мы обязательно прорвемся!»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Алиса ничего не могла различить в густой темноте. Она слышала, как плещется у ее ног море и очень далеко кричат альбатросы.

Она стояла, закинув голову назад, чтобы попытаться увидеть сразу все небо. Звезд было столько, что Алиса даже не пробовала их сосчитать.

— Как здесь тихо, — прошептала она.

Темнота не пугала ее — эта темнота была нежной, доброй и немножко печальной.

Алиса опустила на колени и дотронулась ладонью до воды.

Вода ответила ей таким же нежным прикосновением.

— Все будет хорошо, — прошептал откуда-то тихий голос.

Алиса вскинула голову и попыталась увидеть его, а потом подумала, что Голос увидеть все равно нельзя. Его можно услышать, можно почувствовать... Как и слово. *«Вначале было Слово»*, — вспомнила она.

— *И слово было Бог...*

— Все будет хорошо, — пропели звезды на небе.

Кто-то позвал ее из яви, и, хотя ей не хотелось просыпаться, она с сожалением откликнулась.

— Алиска! Просыпайся, нельзя же дрыхнуть в такой судьбоносный момент!

Она нехотя открыла глаза.

Они смотрели на нее и улыбались.

— Ну, что я говорила? — торжествуя воскликнула Елизавета. — Если долго мучиться, что-нибудь получится...

Она догадалась по их лицам. Фримен стоял сурово сдвинув брови, но глаза его улыбались. Дедуля не скрывал радости. А Лиза... Та была готова прыгать от счастья!

— Нюша нашла хорошего литературного агента, — сообщила Елизавета. — Мы просто не хотели тебе говорить заранее... Короче, Алиска, наши с тобой опусы покупают! Ты что, не рада?

— Рада, — ответила Алиса.

«Просто я в это еще не верю», — хотелось ей сказать вслух, но она промолчала.

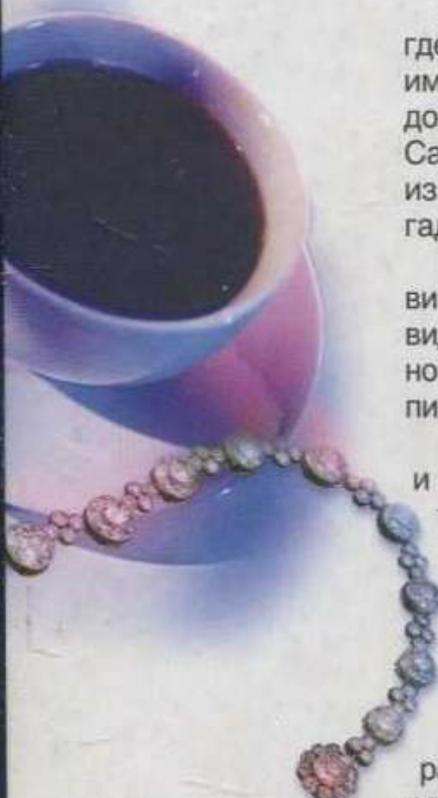
Праздников в жизни не так уж много, чтобы лишать себя и близких еще одного, подумала она. А там — посмотрим, что будет дальше...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Семейные тайны

ВСЕ ТАЙНЫ АЛИСЫ

Все смешалось в маленьком особнячке на окраине, где жила скромная литературная рабыня Алиса со своим дедулей и котами, когда Алиса узнала, что в город должна приехать с визитом известная писательница Сара Мидленд, а дедуля, идеалист-романтик, привез из очередной археологической вылазки старинную загадочную икону.

Причем икона была даже менее загадочна, нежели визит писательницы, которую доселе никто и никогда не видел, по той простой причине, что все романы зарубежной «звезды» беллетристики были с начала до конца написаны исключительно Алисой Игоревной Павлицевой.

Кто-то явно решил осложнить жизнь Алисы. Но кто и почему? Кому помешала писательница душещипательных любовных романов?

Лишь по счастливой случайности Алиса не стала жертвой киллера. Скромный дом девушки подвергся вторжению. Алиса не могла шагу ступить, чтобы не натолкнуться на сомнительных личностей.

И к ужасу Алисы, самый подозрительный из них — Игорь — ей страшно нравится. Но Алиса все равно полна решимости расставить все точки над «i», разгадать все тайны...

ISBN 978-5-9524-2593-4

9 785952 425934

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

Семейные тайны

ВСЕ ТАЙНЫ АЛИСЫ

Все смешалось в маленьком особнячке на окраине, где жила скромная литературная рабыня Алиса со своим дедулей и котами, когда Алиса узнала, что в город должна приехать с визитом известная писательница Сара Мидленд, а дедуля, идеалист-романтик, привез из очередной археологической вылазки старинную загадочную икону.

Причем икона была даже менее загадочна, нежели визит писательницы, которую доселе никто и никогда не видел, по той простой причине, что все романы зарубежной «звезды» беллетристики были с начала до конца написаны исключительно Алисой Игоревной Павлицевой.

Кто-то явно решил осложнить жизнь Алисы. Но кто и почему? Кому помешала писательница душещипательных любовных романов?

Лишь по счастливой случайности Алиса не стала жертвой киллера. Скромный дом девушки подвергся вторжению. Алиса не могла шагу ступить, чтобы не натолкнуться на сомнительных личностей.

И к ужасу Алисы, самый подозрительный из них — Игорь — ей страшно нравится. Но Алиса все равно полна решимости расставить все точки над «i», разгадать все тайны...

ISBN 978-5-9524-2593-4

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ВСЕ ТАЙНЫ
АЛИСЫ

Семейные тайны

С. ПОЛЯКОВА

СВЕТЛАНА
ПОЛЯКОВА

Семейные тайны

— А мне кажется, кто-то говорил, будто самое главное — не соваться в чужие дела, — шепнула Алиса.

РОМАН
ВСЕ ТАЙНЫ
АЛИСЫ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.